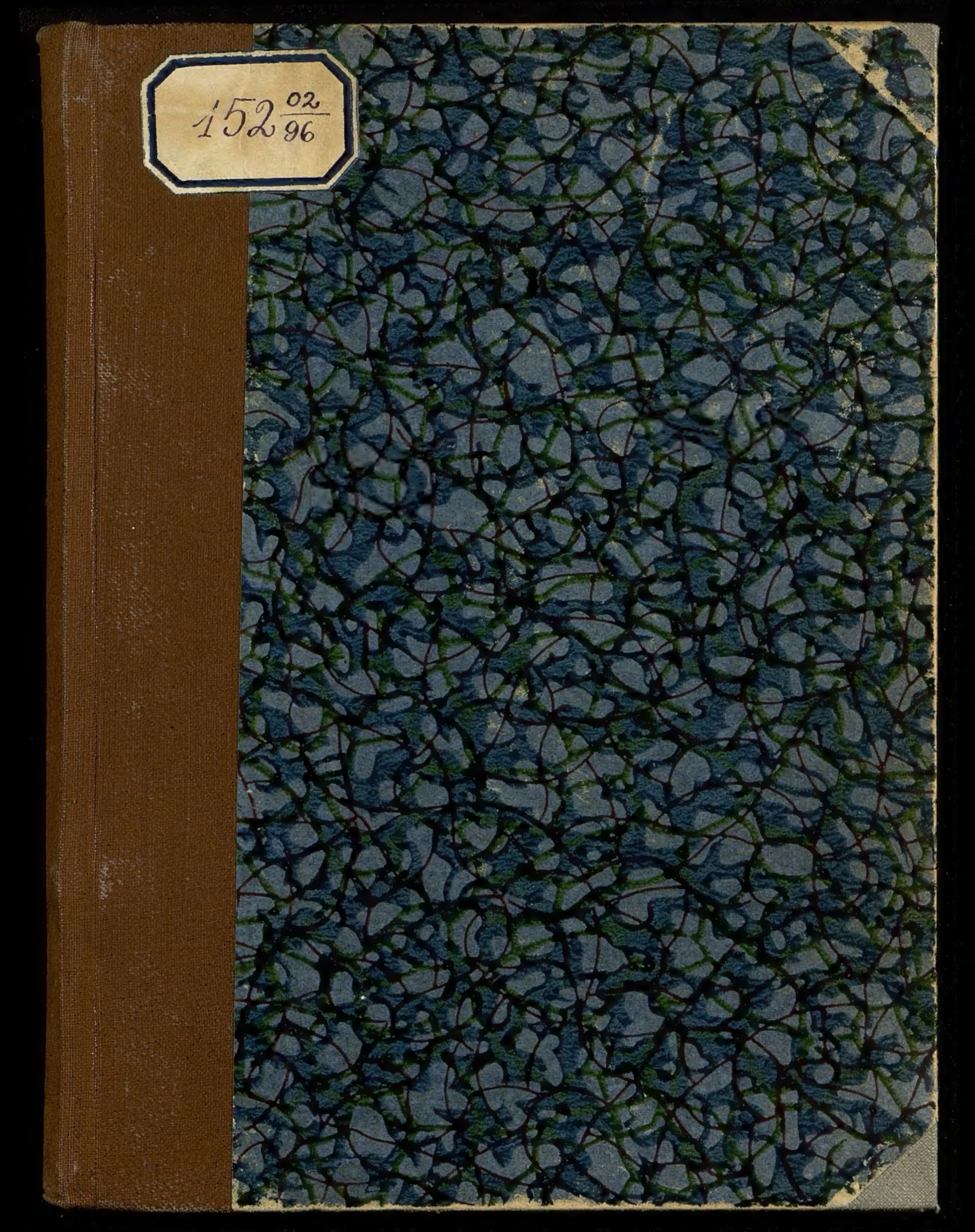
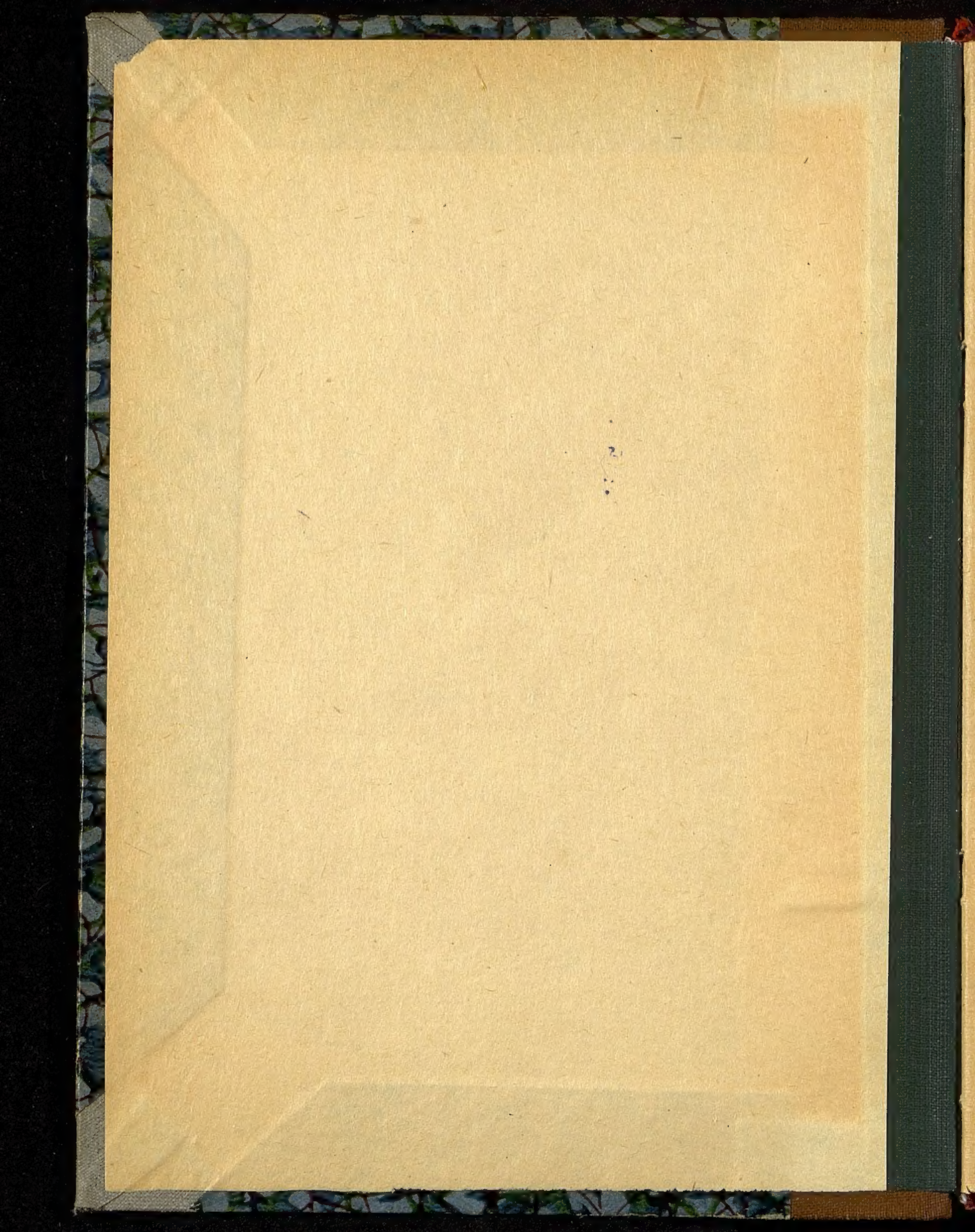

С. С. КОНДУРУШКИНЪ.

ВСЛѢДЪ ЗА ВОЙНОЙ

ИЗДАТ. Т-ВО ПИСАТЕЛЕЙ.

М. Соломоновъ

С. С. КОНДУРУШКИНЪ

ВСЛѢДЪ ЗА ВОЙНОЙ

Тип. Т-ва „Екатерингофское Печатное Дѣло“
ПТГ., Екатерингофскій пр., № 7

Издательское Т-во Писателей

С. С. КОНДУРУШКИНЪ

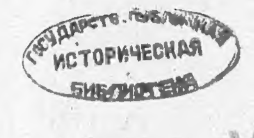
ВСЛѢДЪ ЗА ВОЙНОЙ

Очерки великой европейской войны

(*Августъ 1914 г.—Мартъ 1915 г.*)

Петроградъ. 1915 г.

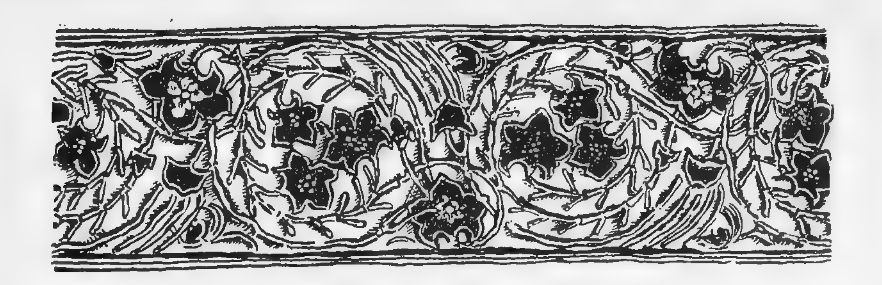

I

Первые дни

Августъ и сентябрь 1914 г.

Варшава, Люблинъ, Кѣльцы, Аннополь

Первые дни.

Іюль 1914 года жилъ я на Кавказѣ, въ Тебердѣ. Прелестное лѣсистое ущелье, синяя крышка неба, сверкающіе ледники Аманауса, шумъ Теберды и дикая лѣнь карачаевскаго народа. Ясный покой, звонкія утра и задумчивые голубые вечера.

Газеты приходили разъ и два въ недѣлю, но ихъ не хотѣлось читать. Въ Россіи, Европѣ и почти во всемъ мірѣ была тишина: спокойное творческое напряженіе работы сотенъ милліоновъ, отдыхъ и лѣнь тысячъ. Никто не ждалъ грозныхъ событій именно въ тѣ дни. Ужъ одно это свидѣтельствуетъ, что, подготовляясь вообще, великая война вызвана именно въ настоящій историческій моментъ злой волей одного правительства.

Такъ мало въ тѣ дни ожидали войну, что даже невѣроятное требованіе Австріи, предъявленное Сербскому королевству, не обезпокоило: думалось—какъ нибудь обойдется! Не можетъ быть, чтобы въ такой міровой тишинѣ разразилась военная буря!.. Но вотъ девятнадцатаго іюля въ Теберду пришло извѣстіе о всеобщей

мобилизаціи въ Россіи. Говорили, повторяли, но никто не хотѣлъ вѣрить. Двадцатаго опредѣленно стало извѣстно, что Австрія объявила Сербіи войну и Россія мобилизуетъ сполна всю армію. Волновались, но скорѣе волненіемъ любопытства: что-то будетъ? Двадцать перваго іюля съ утра узнали мы ошеломляющую новость: Германія объявила войну Россіи.

Всѣ люди въ Россіи, старые и молодые, будутъ до смерти помнить эти дни. Думаю, что такого чувства русское общество не переживало со времени войны 1812 года: чувство особой жути, личнаго ничтожества и готовность на борьбу и смерть за отечество. Во время японской войны не было и тѣни такого настроенія, и никто не почувствовалъ тогда: вотъ отечество въ опасности! Происходила война гдѣ то на разстояніи восьми тысячъ верстъ отъ столицъ. Здѣсь величайшее въ мірѣ побоище произойдетъ на порогѣ нашего дома. Призывается запасъ за семнадцать лѣтъ. Каждый обыватель простымъ ариѳметическимъ вычисленіемъ узнавалъ, что это составитъ около шести милліоновъ штыковъ. Одно народное море пойдетъ на другое народное море. Битва небывалая на земномъ шарѣ. Верховнымъ главнокомандующимъ назначенъ великій князь Николай Николаевичъ. Государь выѣхалъ въ дѣйствующую армію. Войска стягиваются къ линіи Брестъ-Литовскъ—Иванъ-Городъ. Виленскій округъ не мобилизованъ. Польша остается пока открытой, можетъ быть какъ поле близкой битвы...

Вотъ какія вѣсти приходили къ намъ одна за другой. Воображеніе не охватывало размѣровъ грядущихъ событій. Газеты прибывали изъ столицъ спустя пять-шесть дней; читали ихъ съ безплодной жадностью.

Многіе выходили на дорогу, разспрашивали проѣзжихъ изъ Баталпашинска, со станціи Невинномысской. Рады были простому казаку, жадно слушали его наивныя слова, терпѣливо ждали, пока онъ ворочалъ тяжелыми жерновами мысли.

Теберда быстро пустѣла. Всесильный государственный именной и цифровой аппаратъ нащупывалъ людей даже въ глухомъ ущельѣ Кавказа, подъ ледниками Аманауса. Скакали гонцы, привозили телеграммы врачамъ, профессорамъ, инженерамъ, прокурорамъ — на войну! Остановилось всякое частное движеніе по желѣзной дорогѣ; неправильно ходила почта; первые дни телеграфъ не принималъ частныхъ телеграммъ. Было такое впечатлѣніе, что вокругъ насъ останавливается, безшумно рушится обычная жизнь, налаженная вѣками; въ свои права вступаетъ война. Тревожны стали въ горахъ гулкіе ночные выстрѣлы, и ровный шумъ свѣтлой Теберды уже не могъ строить мысли на вопросы далекіе. Сегодняшнее волновало и ничто, кромѣ сегодняшняго, не казалось значительнымъ.

Я не вспоминаю здѣсь нелѣпые слухи, которые приползали къ намъ на горныя высоты по долинамъ Кавказа. Были лишь правдоподобны ожиданія, что въ первые же дни войны и Турція выступитъ на сторонѣ Германіи. Прибрежные и внутренніе курорты Кавказа быстро пустѣли. И только однимъ утѣшались въ эти жуткіе новизной и ожиданіями дни, что война окончится скоро: мѣсяца три—не больше. Казалось невозможнымъ, чтобы при такихъ количествахъ войскъ, при такихъ орудіяхъ истребленія болѣе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ могла продолжаться война. Потомъ я узналъ, что наше обывательское мнѣніе совпадало съ мнѣніями многихъ образованныхъ въ военномъ дѣлѣ людей, и

все это оказалось невѣрно. Такъ полна неожиданностями эта великая борьба народовъ.

Тексты манифестовъ, правительственныхъ распоряженій приходили въ Теберду вслѣдъ за слухами и уже не сообщали ничего новаго. Они только утверждали эти слухи. Но въ торжественной краткости ихъ слога самыя событія представлялись новыми, возбуждали новую тревогу и новые порывы къ борьбѣ. Тянуло въ столицу, гдѣ каждый часъ можно знать, что творится на свѣтѣ. Но въ тѣ дни было безразсудно пускаться съ семьей безъ повелительной необходимости въ далекую дорогу. Даже по военнымъ обстоятельствамъ люди-одиночки съ трудомъ находили себѣ въ поѣздахъ мѣсто.

Поздно ночью 27 іюля къ нашей сосѣдкѣ-дачницѣ пріѣхалъ мужъ, призванный на войну. Всей дачей послали просить его сообщить, что извѣстно новаго. Онъ прислалъ номера мѣстныхъ газетъ отъ 25—26 іюля. На террасѣ, при свѣтѣ лампы мы сгрудились за столомъ, человѣкъ двадцать въ возрастѣ отъ восьми до шестидесяти лѣтъ: чиновники, студенты, дѣти, профессора, врачи. Перебрали нѣсколько чтецовъ, пока остановилось на одномъ, который читалъ выразительнѣе, яснѣе и громче всѣхъ. Читали: Англія объявила войну Германіи; германцы вторглись въ Бельгію; русскіе перешли границу Германіи; первые плѣнные въ Варшавѣ; у береговъ Африки французскія суда встрѣтились съ германскими крейсерами и нанесли имъ уронъ; Италія нейтральна... Можетъ быть по своему понимая странныя слова, — нейтралитетъ, крейсера, граница, плѣнные, морской бой, — и, вѣроятно, еще живѣе взрослыхъ воспринимая жуткую сущность великихъ на землѣ со-

бытій, девятилѣтняя дѣвочка слушала и, прижавшись ко мнѣ, вся дрожала мелкой дрожью.

— Что съ тобой?

Она не могла раскрыть рта—стучали зубы. Заплакала, жалуясь на холодъ. И, когда засыпала, сквозь слезы бранила злые народы за то, что дѣлаютъ войну...

Съ такими переживаніями въ дѣтствѣ совсѣмъ иными вырастутъ молодыя поколѣнія нашихъ дней. Да и въ душѣ взрослыхъ сразу другимъ предсталъ человѣческій міръ. Даже прелесть горъ, лѣсистыхъ склоновъ, каменныхъ вершинъ, сверкающихъ ледниковъ, звонъ голосовъ въ ущельѣ—все по новому воспринималось потревоженной душой.

31 іюля, возратившись съ прогулки, узналъ я, что на мое имя привезли съ ближайшей телеграфной станціи (50 в.) телеграмму. Ужъ вся дача знала ея содержаніе: это газета „Рѣчь“ предлагала мнѣ ѣхать на войну. Со мной стали обращаться, какъ съ человѣкомъ, доживающимъ послѣдніе дни: ласково-печально.

Изъ Теберды на Кисловодскъ выѣхали мы 2 августа. Первый день до аула Маріинскаго, второй—до Кисловодска. Ѣхали на линейкахъ. Свѣтлыя воды Теберды, мутная Кубань, зеленыя цвѣтистыя поляны, хрустальные звоны горныхъ источниковъ, тепло, благоуханье, тишина и сверкающія на солнцѣ снѣжныя высоты кругомъ. А утромъ съ двухверстной высоты Маріинскаго перевала открылся видъ на главную цѣпь Кавказскихъ горъ, отъ Эльбруса до Чернаго моря. Передъ нами на двѣсти верстъ протянулся изорванной лентой снѣговыхъ вершинъ, четко и колюче вылѣпленный изъ лавы горный кряжъ. Двумя круглыми бѣлыми головами Эльбрусъ подпиралъ молочно-голубыя небеса.

Синее, зеленое, сверкающая бѣлизна, прозрачное стекло безмѣрныхъ далей... Прекрасное очарованье! Но сознаніе, что въ этомъ удивительномъ мірѣ началась война, какъ темное чудовище на днѣ прозрачнаго озера, лежало въ глубинѣ души, изрѣдка колыхало и темнило свѣтлыя впечатлѣнія бытія.

По дорогѣ до самаго Кисловодска ничто о войнѣ не напоминало. Мирный Карачай, свободный отъ солдатчины, безмятежно ползалъ со стадами по склонамъ горъ. Дымились ароматнымъ дымомъ тихіе аулы. Но уютный и въ это время года, обыкновенно, полный народомъ Кисловодскъ былъ почти пустой. На станціи Минеральныя Воды война уже стала близкой. Погромыхивая буфферами, тянулись на сѣверъ одна за другой длинныя цѣпи солдатскихъ поѣздовъ. Вслѣдъ поѣздамъ выли и причитали бабы, ослабѣвшія отъ горя валились другъ другу на груди:

„Да онъ та у меня былъ хорошенькій! Да онъ та былъ лю-би-и-имай!..“

Въ почтовомъ поѣздѣ мѣста̀ брались штурмомъ. Были счастливы, если съ билетомъ перваго класса попадали въ третій. Въ Ростовѣ на Дону еще тѣснѣе. Женщины бросали черезъ окна на диваны дѣтей, а сами блѣдныя лѣзли въ окна; люди плакали, дрались, кричали, охваченные истерикой общей тревоги. Двое сутокъ до Москвы въ два ряда стояли въ корридорахъ вагоновъ, и только за Москвой стало просторнѣе и свободнѣе.

Въ арміяхъ всѣхъ странъ соблюдалась полная тайна въ распредѣленіи, передвиженіи и устройствѣ войсковыхъ частей, и военные корреспонденты въ мѣста военныхъ дѣйствій въ началѣ войны не допуска-

лись. Въ главномъ штабѣ полковникъ, вѣдающій дѣлами печати, сказалъ мнѣ, что до сихъ поръ неизвѣстно будутъ ли вообще допущены военные корреспонденты, а если допущены, то на какихъ условіяхъ. Онъ даже не могъ сказать, съ какой черты начинается запрещенное для стороннихъ наблюдателей мѣсто.

— А можно ли ѣхать въ Варшаву?

— Не знаю... Попробуйте!

Пришлось выждать первыя недѣли всеобщаго возбужденія, подозрительности и тревоги.

Петроградъ (до 19 августа еще Петербургъ) жилъ въ фантастикѣ жуткихъ своей краткостью сообщеній штаба верховнаго главнокомандующаго. Удачи—неудачи, какъ жаръ и холодъ великой общенародной лихорадки, посмѣнно мучили душу. Удачное и быстрое наше вступленіе въ Восточную Пруссію и—австрійцы подъ Люблиномъ; несчастіе подъ Сольдау и—взятіе Львова... Наконецъ безграничное изумленіе, ужасъ, негодованіе всей Европы по поводу суровыхъ и жестокихъ пріемовъ веденія германцами войны.

Въ тѣ дни, казалось, всѣ силы души человѣческой были направлены на то, чтобы представить себѣ, какъ совершается дѣло войны? Разсказы раненыхъ солдатъ печатались и читались, какъ откровеніе. Кто въ тѣ дни не перечиталъ „Войну и Миръ“ Л. Н. Толстого?! Люди склонны были вѣрить легендамъ и сомнѣвались въ фактахъ; мучительно хотѣлось найти потерянную мѣру дѣйствительности.

Для меня въ тѣ дни вопросъ о военной обстановкѣ имѣлъ не только художественный, но ближайшимъ образомъ и житейскій интересъ — какъ собраться на войну? Я слышалъ, что многіе писатели пред-

полагали ѣхать на войну и только ждали разрѣшенія или выясненія обстоятельствъ войны. Ближайшихъ изъ нихъ я видѣлъ тогда же, это А. И. Купринъ и В. И. Немировичъ-Данченко (оба—отъ „Русскаго Слова"). Особенно интересна была бесѣда съ В. И. Немировичемъ-Данченкомъ. Онъ участвовалъ въ трехъ войнахъ и боевую обстановку знаетъ хорошо. В. И. показывалъ мнѣ свои снаряженія: вьюки, одежду, обувь, бѣлье, сумки, сѣдло и др. вещи, какое-то имъ самимъ придуманное пальто: два мѣха и прослойка изъ брезента, ни за что не промокнетъ! Впрочемъ, самъ онъ отмѣчалъ, что война здѣсь происходитъ въ мѣстахъ населенныхъ и богатыхъ, и большихъ лишеній испытывать не придется. Даже въ Манчжуріи онъ всегда находилъ себѣ крытый ночлегъ...

Въ концѣ августа, не дождавшись разрѣшенія отъ главнаго штаба, я выѣхалъ въ Варшаву.

Петроградъ,
24 апрѣля 1915 г.

Ближе и ближе...

До Варшавы изъ Петрограда пассажирскій поѣздъ идетъ расписаніемъ воинскаго первой очереди. Ѣдемъ тѣсно, но въ общемъ терпимо и довольно быстро, хотя составъ поѣзда превосходитъ высшіе предѣлы.

По желѣзной дорогѣ безпрерывнымъ потокомъ текутъ воинскіе поѣзда, текутъ рѣки солдатскія въ громадное солдатское море. Чѣмъ дальше, тѣмъ шире и глубже эти потоки. Все молодое, въ цвѣтѣ силъ, тихое, трезвое, сосредоточенное.

Странное впечатлѣніе производятъ вокзалы. Они многолюдны, по всюду тихо, точно люди говорятъ шопотомъ. Офицеры, солдаты, купцы, рабочіе, дамы и бабы съ дѣтьми и скарбомъ, густо движется народъ, бѣгутъ, несутъ—и тишина. Стоятъ полные людей поѣзда красныхъ вагоновъ — и тихо. Только пчелкой гудитъ въ глубинѣ вагона задумчивая пѣсенка.

Встрѣчаю солдата. Подбирая полы шинели, онъ бѣжитъ на звуки сборной трубы въ поѣздъ.

— До свиданья!—говорю ему, протягивая руку.

— Счастливо оставаться! — говоритъ онъ, крѣпко отвѣчая на рукопожатіе.

Побѣжалъ, обернулся и издали повторилъ мое слово-

— До свиданья! Спасибо на добромъ словѣ...

Скрестились поѣзда, нашъ и воинскій, окно къ окну, на разстояніи двухъ аршинъ. Сидятъ на нарахъ солдаты, молодыя лица, застѣнчивыя улыбки. Все населеніе нашего вагона подошло къ окнамъ, передаютъ, что есть: газеты, книги, табакъ, съѣстное, чай, сахаръ, деньги. Генералъ купилъ у бабы корзину булокъ и раздаетъ въ вагоны, строгимъ голосомъ прикрывая свое умиленіе:

— Ну-ка, ты, разиня! Бери, передавай товарищамъ.

Тронулся поѣздъ. Солдаты, вагонъ за вагономъ, машутъ намъ фуражками, кричатъ:

— Оставайтесь здоровы!

Молодая дѣвушка въ нашемъ вагонѣ плачетъ, машетъ платкомъ и сквозь слезы кричитъ:

— Будьте цѣлы, дорогіе! Возвращайтесь здоровыми, родные!

Въ душѣ у всѣхъ глубокое волненіе. Ибо не только Государь и его генералы, всѣ мы, сто пятьдесять милліоновъ, мысленно провожаемъ ихъ такъ: „Умрите, но побѣдите!“. Вотъ, что мы думаемъ, провожая каждаго солдата.

Ахъ, какая великая и всеочищающая душевная мука!

Мирны поля. Одно за другимъ гаснутъ закатныя облака. Тихіе перелѣски, села. Все молитвенно-задумчиво и тихо, какъ люди. Такое настроеніе, будто кто-то невидимый надъ русскими полями читаетъ великопостную молитву Ефрема Сирина:

...„Духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми“...

Ушами не слышно, а въ душѣ въ эти важные дни звучитъ онъ день и ночь. Мысленно преклоняются колѣни и въ сердцѣ отдается эхомъ: „Не даждь ми“!

„Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви даруй ми, рабу Твоему!..“—читаетъ большой и властный.

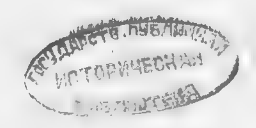
„Даруй ми“...—помимо воли повторяютъ, шепчутъ губы многовѣковой великопостный призывъ.

Чѣмъ дальше отъ Петрограда на западъ, тѣмъ непосредственнѣе, тѣмъ ощутительнѣе тревога войны. И есть на этомъ пути такая черта, за которой ужъ никто не можетъ ни о чемъ, кромѣ войны, думать и говорить. Живутъ люди, ходятъ на работу, на службу, любятъ, устраиваютъ свою жизнь, но на всемъ—велѣнія войны, все ей подчинено — мысли, чувства, поступки, даже сны.

Надъ Бѣлостокомъ уже видѣлъ я нѣмецкій аэропланъ. Онъ прилетѣлъ съ юго-запада, около одиннадцати часовъ утра. Было ясное небо, свѣтило солнце, и городъ, полный людьми, гудѣлъ отъ движенія автомобилей, повозокъ, телѣгъ, конскаго бѣга. Увидѣвъ аэропланъ, улицы пріостановились; всѣ поднялись лица въ небо и слѣдили высокій полетъ бѣлой стрекозы.

Послышались далекіе, пачками, выстрѣлы. Аэропланъ сдѣлалъ торопливый загибъ и улетѣлъ на западъ. Городъ снова задвигался, зашумѣлъ, загудѣли автомобили.

Въ вагонахъ пассажирскихъ поѣздовъ все люди властно захваченные войной. Они торопливо и напряженно плетутъ порванную войной великую ткань мирной жизни. Вотъ возвращаются изъ Берлина (черезъ Данію, Швецію, Петроградъ) курортные. Они измучены и

нервно говорливы. Они много волновались, но мало наблюдали. И разсказы ихъ, въ большинствѣ, безсодержательны. Но слушаешь внимательно; хочется безъ преувеличеній знать, въ какой мѣрѣ ослабѣваетъ нашъ врагъ.

Вотъ полякъ-помѣщикъ изъ-подъ Радома, отвезъ свою семью въ Вильну, самъ возвращается въ имѣніе. Мы сидимъ другъ противъ друга, молчимъ, а заговоримъ, такъ о войнѣ. Я чувствую, что и молча онъ все время думаетъ о войнѣ.

— Въ августѣ числа десятаго,—разсказываетъ онъ,—проѣхали черезъ мое имѣніе германцы, цѣлый корпусъ. У меня въ домѣ остановился штабъ корпуса, двадцать офицеровъ и одинъ генералъ. Были очень вѣжливы, просили ихъ кормить, дать лошадямъ сѣно, овесъ. Жили у меня три дня. Уѣзжая, уплатили за свое содержаніе русскими деньгами двадцать одинъ рубль, по рублю съ человѣка. За лошадиный кормъ дали расписку на семьдесятъ рублей.

— Ну, а какъ вели себя солдаты?

— Солдаты были въ сосѣднихъ имѣніяхъ. Тоже, говорятъ, не обижали. Только разъ одинъ къ моему арендатору-огороднику забрались солдаты въ огородъ, хотѣли даромъ набрать овощей. Онъ прибѣжалъ ко мнѣ, я доложилъ генералу. Генералъ распорядился, чтобы этого не было.

— Ну, а какъ вы сами жили въ домѣ?

— Очень стѣснялись. А главное — жутко; ночью вокругъ дома стоитъ цѣпь солдатъ съ ружьями на прицѣлъ... Нѣмцы не такъ на часахъ, какъ наши; у нихъ ружье на локтѣ, къ выстрѣлу... Съ 8 часовъ вечера намъ запрещалось выходить изъ комнатъ. Когда

они уѣзжали, взяли у меня три рабочихъ лошади, а вмѣсто нихъ оставили своихъ, измученныхъ, еле на ногахъ стояли. А кони хорошіе, откормлю—рублей по четыреста будутъ стоить... Много у нихъ было автомобилей, нѣсколько сотъ. Выѣхали отъ насъ по дорогѣ раннимъ утромъ,—загудѣли, какъ громъ.

Сидимъ долго, молчимъ. Увидитъ въ окна вагона солдатъ, повозки,—вздыхаетъ и мечется на лавкѣ жалливая и нервная пухлая еврейка.

— Охъ, охъ, Боже-жъ мой!

Можетъ быть, черезъ часъ послѣ этого разговора помѣщикъ улыбается и говоритъ:

— А рожи у солдатъ червонныя!.. Много толстыхъ. Ухъ, ухъ, такъ и отдуваются,—ходить не могутъ.

У него и сомнѣнія не возникаетъ въ томъ, что я пойму это, какъ продолженіе нашего разговора о германскомъ корпусѣ, который провелъ у нихъ три дня. Ибо мысли его тянутся одной непрерывной цѣпью въ которой каждое звено—война.

Полагалъ я, вотъ человѣкъ захваченъ вплотную войной со всѣмъ своимъ имуществомъ, семьей, всѣмъ благосостояніемъ. Такъ, можетъ, у него есть такое желаніе, чтобы война, хоть бы какъ-нибудь, только скорѣе окончилась. Спросилъ его и былъ взволнованъ отвѣтомъ.

— Мы, пане, только одного боимся, чтобы война на половинѣ не остановилась. Воевать надо до полной побѣды. Намъ тяжело, ахъ, какъ тяжело! Ну такъ, вѣдь, если на половинѣ теперь остановиться,—черезъ десять лѣтъ опять будетъ война. Нѣтъ ужъ, воевать надо до конца.

Холоднымъ розовымъ утромъ ѣхалъ я по улицамъ

варшавскаго предмѣстья. Втягивая голову въ теплое кольцо шарфа, кучеръ показалъ кнутовищемъ:

— Нѣмецъ летаетъ!

Надъ городомъ плавалъ бѣлорозовый цеппелинъ, точно небольшое, заостренное съ двухъ концовъ облако. Туго толкнулся въ воздухѣ гулъ далекаго взрыва. Кучеръ пріостановилъ лошадь и высунулъ изъ шарфа волосатое ухо. Послушалъ, хлеснулъ лошадь и раздраженно сказалъ:

— Та стэрва, куда забрался!

Холоднымъ паромъ куталась полноводная Висла. Въ пролеты чугунной сѣти моста было видно, какъ неуклюже заворачивается бѣлое облако цеппелина. Повернулся концомъ, сталъ круглымъ, почти невидимымъ водянистымъ пятномъ. Еще гулъ выстрѣла.

На набережной Вислы со стороны города, несмотря на ранній часъ, стояла куча народу. Сонные, озябшіе отъ испуга и холодныхъ испареній рѣки рабочіе, бабы, мальчишки, полицейскіе. Засунувъ въ карманъ руки, кутались холодными воротниками пальто, вздрагивали, пританцовывали. И въ окнахъ домовъ мелькали встревоженныя лица. Но городъ пустъ и сонный. Улицы, какъ длинныя свѣтлыя трубы между домами, безлюдны и чисты.

Радостно засыпалъ я въ чистой кровати роскошной гостиницы. Пусть бросаютъ бомбы, только бы уснуть... Вблизи всякая опасность проще и не такъ пугаетъ, какъ издали. Даже самая смерть не такъ страшна, какъ о ней думаютъ.

Варшава.

Какъ прекрасна Варшава! Какіе дома, театры, храмы, дворцы, мосты! Полнолюдны и въ безпрерывномъ движеніи, прелестныя улицы, откуда такъ трудно уйти въ комнату... И почти невѣроятной, даже нестерпимой кажется мысль, что вотъ могли придти сюда враги и разрушить удивительный городъ...

Варшава полнолюдна, но живетъ жизнью напряженной и тревожной. Жестокости калишскаго нѣмецкаго разгрома въ первые дни навели на всѣхъ столбнякъ недоумѣнія и страха. Очевидно, это былъ со стороны нѣмцевъ холодный разсчетъ: поражать враговъ не только пулями, снарядами и штыками, но и ужасомъ. Врядъ ли разсчетъ дальновидный! Ужасъ можетъ смѣниться негодованіемъ, негодованіе—презрѣніемъ. Даже побѣдителямъ нужно бываетъ историческое оправданіе. А побѣжденнымъ?!

При малѣйшей тревогѣ жители бѣгутъ изъ населенныхъ мѣстъ Польши, какъ безумные. Въ Варшаву все еще прибываютъ бѣглецы изъ Калиша. Съ однимъ изъ нихъ я разговаривалъ. Это молодой, лѣтъ 20, паренекъ, служилъ на фабрикѣ кружевъ. Онъ бѣжалъ изъ Калиша послѣ того, какъ Прейскеръ

цѣлый день мучилъ ихъ ужасомъ разстрѣла, держалъ полунагихъ на площади около мельницы Кунига, потомъ въ казармахъ. Всѣ мы уже читали объ этомъ, но въ передачѣ пострадавшаго это производитъ новое и потрясающее впечатлѣніе. Вотъ нѣкоторыя подробности.

По словамъ разсказчика, нѣмецкіе солдаты (большинство — поляки, запасные), вели толпу мужчинъ (нѣсколько сотъ человѣкъ) на площадь, бранились и грозили: „вотъ мы васъ сейчасъ разстрѣляемъ, какъ вы въ насъ стрѣляли!“ Тѣ, которые шли рядомъ съ солдатами, старались отойти въ средину толпы, чтобы не слышать угрозъ. Солдаты за это многихъ ранили штыками.

На площади сортировали людей для разстрѣла тоже штыками, многихъ ранили. Сначала строили рядами по 50 человѣкъ: рядъ приговоренныхъ, а за ними рядъ солдатъ съ винтовками. При этомъ приговоренные составили внѣшній четыреугольникъ, а солдаты — внутренній.

Потомъ перестраивали четыреугольными колоннами по 10 человѣкъ сторона колнны, а всего по сто человѣкъ въ каждой колоннѣ. Многіе плакали, умоляли: „за что вы насъ хотите убить?!“.

Офицеры и солдаты спрашивали, нѣтъ ли прусскихъ и австрійскихъ подданныхъ. Нашлись такіе, а нѣкоторые назвались германскими подданными изъ страха. Кто могъ представить документы, того отпускали. Остальныхъ били и возвращали въ ряды.

Когда разстрѣлъ былъ отсроченъ и людей заперли въ казармы, раненые жаловались офицеру. Ихъ отправили на перевязку.

Въ 8 час. вечера пришелъ Прейскеръ и прочиталъ

послѣдовательно три своихъ приказа: всѣхъ предать смерти, разстрѣлять десятаго, отправить въ Познань военноплѣнными и, наконецъ, телеграмму Вильгельма о дарованіи жизни. „Будьте благодарны!“.

Ночью же всѣ они ушли изъ города. Проходя по Новому рынку, мой собесѣдникъ видѣлъ на землѣ мертвую женщину съ ребенкомъ. Патруля они не встрѣтили и шли 22 версты до села Цековъ, гдѣ были русскіе драгуны.

Недавно юноша снова хотѣлъ пробраться въ Калишъ, взять что-нибудь изъ своего скарба. Онъ видѣлъ вокругъ города загражденія шириной до 2 саженъ изъ колючей проволоки и бочекъ, но въ Калишъ не проникъ.

По всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ прибываютъ въ Варшаву раненые. Задолго до прихода такого поѣзда у вокзала собираются толпы народа. Это вновѣ и жутко волнуетъ. Хочется хоть издали взглянуть на тѣхъ, кто вблизи видѣлъ страшное лицо войны.

Шелъ я мимо Вѣнскаго вокзала въ полночь. Подъѣхала санитарная линейка. И черезъ нѣсколько минутъ большая толпа народа окружила зданіе вокзала. Внутрь пускали только съ разрѣшенія коменданта станціи. Подошелъ небольшого состава поѣздъ, всего одинъ салонъ-вагонъ съ ранеными. Въ переднемъ вагонѣ — стража изъ солдатъ.. Вмѣстѣ съ больными — врачъ, сестры милосердія, санитары. Раненыхъ выводятъ подъ руки. Кои могутъ, выходятъ сами. Вынесли казака съ прострѣленной головой. Казачій офицеръ, стиснувъ челюсти, медленно сошелъ съподножки вагона и безъ словъ плечемъ отстранилъ санитаровъ, желавшихъ ему помочь. Пошелъ по гладкой широкой платформѣ къ выходу. А навстрѣчу ему широко раздвига-

лась, жадно заглядывала въ глаза молчаливая и взволнованная толпа.

Долго не могли уложить на носилки солдата, раренаго въ ногу и въ пахъ. Онъ попискивалъ, стоналъ тоненькимъ голоскомъ, наконецъ, съ трудомъ приподнялся и самъ передвинулъ, какъ надо, рукой больную ногу. Понесли. Онъ покрылъ фуражкой лицо и со стономъ дышалъ въ нее коротко и неровно.

Былъ я въ одномъ изъ городскихъ лазаретовъ. Полдень, пріемные часы. Много женщинъ принесли въ ведрахъ компотъ, корзины булокъ, пирожнаго, папиросы, ходятъ и раздаютъ.

Много раненыхъ въ руки. Когда я спросилъ одного солдата—почему?, — онъ отвѣтилъ коротко и остроумно:

— Потому что тѣ, кои ранены въ голову, остались на полѣ битвы.

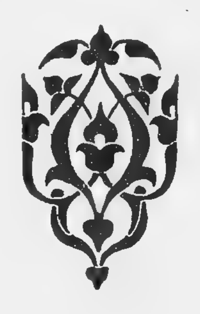
Слушаешь десятки разсказовъ, одинаковыхъ, какъ и сами солдаты, какъ тѣ условія, въ которыхъ одновременно находились въ бою тысячи и десятки тысячъ людей, и чувствуешь, что узкій кругъ личныхъ впечатлѣній уже томитъ разсказчиковъ. Война — явленіе огромное, она такъ много говорила воображенію еще съ дѣтства. А тутъ случилось все такъ просто, буднично и несложно, даже рана и самая смерть... Вотъ сидѣлъ въ прикрытіи, шелъ рано утромъ въ составѣ своей роты къ лѣсу, на взгорокъ, разорвалась бомба и онъ выбылъ изъ строя... Неужели все? Не можетъ быть? Да ему и не повѣритъ никто, что онъ только это видѣлъ и знаетъ!

Потомъ и другое мнѣ показалось: точно они разсказываютъ какой-то сонъ. Неуловимо и, пожалуй, не-

передаваемо на словахъ, хотя несложно. И станетъ яснымъ только тогда, когда разскажешь хоть какими-нибудь словами... Мы разговариваемъ съ солдатомъ, а за моей спиной проснулся раненый, глядитъ на насъ недоумѣвающимъ взглядомъ; вытеръ здоровой рукой потное лицо, переложилъ осторожно больную.

— Вотъ такъ проснусь и долго не могу вспомнить—гдѣ я нахожусь?

Принимая больныхъ въ первую очередь, варшавскіе госпитали довольно быстро очищаются, готовясь принять новыя партіи раненыхъ послѣ крупныхъ боевъ.

Люблинъ.

Тридцатаго августа выѣхалъ я изъ Варшавы въ Люблинъ. Наканунѣ мнѣ не дали съ Ковельскаго вокзала по телефону справки—когда отходитъ поѣздъ на Люблинъ?

— Такихъ справокъ мы по телефону теперь не выдаемъ, пожалуйте на вокзалъ лично.

Впрочемъ, билеты туда продавались безпрепятственно.

Это были тѣ дни, когда, послѣ долгой и упорной борьбы на линіи Люблинъ—Холмъ, австрійская армія подъ натискомъ нашихъ войскъ стремительно отступала къ югу.

Около станціи Вонвольница поѣздъ нашъ остановился. Была теплая и тихая ночь. На югѣ вспыхивали безшумныя молніи. Всходила луна, и степь стала таинственной и призрачной.

Было неожиданно для пассажировъ, что за линіей темныхъ вагоновъ оказался цѣлый обозъ раненыхъ. Ихъ только что привезли съ ближайшихъ мѣстъ боя на длинныхъ польскихъ телѣгахъ. Телѣги полны соломой, а на соломѣ раненые по четверо на каждой: двое впередъ головами, двое назадъ. Возбужденные и

обрадовавшіеся намъ солдаты и санитары говорили безпорядочно, стараясь какъ можно скорѣе высказать, что накопилось въ душѣ, о себѣ, товарищахъ, о здоровыхъ и раненыхъ, о войнѣ и русскихъ побѣдахъ. Съ благодарностью брали газеты, папиросы, сахаръ и чай. Ходили съ нами отъ телѣги къ телѣгѣ, задавали раненымъ вопросы. Они-то ужъ знаютъ, а надо, чтобы и мы услышали. Впрочемъ и для нихъ тѣ же разсказы имѣютъ каждый разъ новый и неповторяемый смыслъ.

Когда группа пассажировъ, кондукторовъ и солдатъ, освѣщенная ручнымъ фонаремъ, появлялась около телѣги, навстрѣчу намъ поднимались головы... И прежде всего въ сумракѣ ночи виднѣлись глаза: казались они большими, широкими и таинственными. Потомъ проступали лица, страдающія—у тяжело-раненыхъ, терпѣливо-спокойныя и даже сонныя—у легкихъ. Оживлялись намъ навстрѣчу, охотно разговаривали. Время ихъ тянется скучно. Саженяхъ въ пятидесяти сквозь парусину палатки свѣтятся огни полевого госпиталя. Тамъ идетъ лихорадочная работа перевязки и сортировки раненыхъ. Здѣсь стоитъ поѣздъ, куда кладутъ осмотрѣнныхъ. Скоро ли нагрузятъ поѣздъ?

Рѣдкіе электрическіе фонари призрачно освѣщаютъ группу телѣгъ, солдатскихъ шинелей, разномастныхъ лошадей, кучи мужиковъ съ бичами, хворостинами. Солома въ телѣгахъ свѣжа и душиста, пахнетъ солнцемъ и ароматомъ перегорѣвшей земли. Жуютъ и фыркатъ лошади, глухо журчитъ въ степи многоголосый разговоръ,—точно крестьянскій базаръ, или обозъ съ хлѣбомъ остановился на ночлегъ около желѣзной дороги.

Но ходятъ межъ телѣгами санитары и сестры ми-

лосердія, поятъ раненыхъ. Но изрѣдка пахнетъ въ теплой ночи запахомъ іодоформа. Нѣтъ, это война! Она здѣсь близко, на разстояніи трехъ десятковъ верстъ, ходитъ съ громами пушекъ. А за нею ползетъ мягкая, заваленная соломой крестьянская телѣга и, полная раненыхъ, мирно тарахтитъ по проселочнымъ дорогамъ къ желѣзнодорожной станціи.

Въ одной телѣгѣ—раненый запасный богемецъ. Въ глазахъ его появился враждебный испугъ, когда подошла наша группа. Папиросу не взялъ, указавъ сухимъ, длиннымъ пальцемъ на конецъ трубки, торчащей изъ бокового кармана куртки.

— Табакъ!

Его сосѣдъ, русый молодой солдатъ, уроженецъ Псковской губерніи, легко раненъ въ ногу; пулю уже вырѣзали. Закуривъ съ наслажденіемъ папиросу, онъ охотно поднялся съ соломы на здоровое колѣно, вынулъ изъ кармана затасканный кошелекъ и съ добродушной бранью показываетъ окровавленную австрійскую пулю.

— Вотъ мнѣ отъ австрійца гостинецъ прилетѣлъ. Спасибо, докторъ изъ мяса вырѣзалъ, такъ показать могу...

Всѣ обсуждаютъ австрійскую пулю. Она продолговата, больше дюйма длиной и въ толщину—тонкій карандашъ.

— Наши тяжелѣе! Наши крѣпче бьютъ!—шутитъ „хозяинъ“ пули, покачиваясь на одномъ колѣнѣ. — А эта укусила, какъ пчела, только и всего.

Мы идемъ межъ телѣгами. Всѣ оживленно разсказываютъ слухи о нашей большой вчерашней побѣдѣ.

— Германецъ приволокъ сюда два корпуса. Вчера

ихъ разбили вдрызгъ. Взяли сто двадцать орудіевъ, но-о-венькія! И испортить не успѣлъ,—всѣ цѣлы.

Видать, что это—прежде всего, радость мастеровъ того дѣла, которое они еще недавно дѣлали: а оно и безъ нихъ продолжается тоже хорошо!

И только тяжело раненые безучастны. По крайней мѣрѣ, ни голосомъ, ни жестомъ не выражали своихъ чувствъ. Лежа на спинѣ, смотрѣли въ тихое небо, на звѣзды, думали свои думы, углубленныя страданіемъ.

На третій звонокъ всѣ заторопились къ вагонамъ. Проходя мимо телѣги, гдѣ, утонувъ въ соломѣ, неподвижно лежали раненые, я слышалъ, какъ одинъ тихо прошепталъ:

— Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Я нагнулся къ его обтаявшему въ страданіяхъ лицу и спросилъ тихо, стѣсняясь своего яснаго, здороваго голоса:

— Во что раненъ, дружокъ?

— Въ пахъ раненъ и бедро раздроблено,—еле слышно прошепталъ онъ, съ трудомъ шевеля губами.

— Выздоравливай!—сказалъ я, убѣгая, стыдясь своего торопливаго безсилія.

Помчался дальше поѣздъ. Молчаливы поля, тепла ночь, и тихо вздрагиваютъ на горизонтѣ зарницы.

Утомительно долго держали нашъ поѣздъ передъ Люблиномъ. Видно движеніе цвѣтныхъ огней, слышно шипѣніе паровозовъ, лязгъ буфферовъ, гудки будочниковъ и гулъ жизни полнаго города. Только послѣ полночи поѣздъ подошелъ къ вокзалу Люблина.

Нѣсколько недѣль городъ этотъ жилъ подъ угрозой нашествія непріятельскихъ войскъ и еще четыре дня тому назадъ населеніе Люблина слышало гулъ орудій-

ныхъ выстрѣловъ, а ночью съ крышъ города было видно, какъ на темномъ небѣ, оставляя свѣтлые слѣды, летали снаряды.

— Ровно спичками кто чиркалъ по небу!

На вокзалѣ густо народомъ. Пассажиры, офицеры, солдаты, желѣзнодорожные служащіе. Все торопливо, сосредоточенно, молчаливо и отчетливо въ дѣйствіяхъ, скупо на слова, даже на жесты...

Въ пару дыханья, въ пыли отъ сотенъ ногъ тускло свѣтило электричество. Въ одной изъ комнатъ, сложивъ въ козла ружья, спятъ солдаты. Свернулись сильныя молодыя тѣла; наивно и безпомощно парами разбросались по полу сонныя ноги. У каждаго на вискѣ лежитъ фуражка. Спятъ, но чувствуется, что въ усталыхъ тѣлахъ не заснула тревожная готовность — вскочить при первомъ звукѣ команды.

Какъ и люди, чутки были ночныя улицы города. И въ два, и въ три часа ночи все еще не можетъ успокоиться тревожно-радостный послѣ побѣдъ, захлебнувшійся людьми городокъ.

Рано утромъ я иду съ членами люблинскаго обывательскаго комитета по городу. Открыты лавки, магазины, кофейни. По улицамъ носятся автомобили, экипажи. На тротуарахъ густая толпа горожанъ и военныхъ Бѣгаютъ мальчишки и горланятъ названія газетъ.

Вотъ нѣсколько солдатъ, съ ружьями на плечо ведутъ большую толпу плѣнныхъ нѣмцевъ. Они идутъ среди улицы плотной синевато-сѣрой кучей, переваливаясь съ ноги на ногу. Большинство смотритъ угрюмо подъ ноги, только немногія лица съ любопытствомъ осматриваютъ дома, сады, извозчиковъ. Толпа на тро-

туарахъ замедляетъ на минуту шаги и молча провожаетъ взглядами неуклюжихъ нѣмецкихъ парней.

Плѣнными занятъ и арестный домъ. Дворникъ съ метлой остановился у окна, смотритъ черезъ рѣшетку съ удивленіемъ на чужія одежды и лица: неужели это тѣ самые, «враги»? Караульный солдатъ кричитъ:

— Ну, чего тамъ стоишь, проходи!

— Да я свой, дворникъ!—отвѣчаетъ тотъ, начиная работать метлой.

— А дворникъ, такъ мети! Нечего ротъ разѣвать.

Встрѣчаемъ на улицѣ крестьянскую телѣгу. Сидитъ крестьянинь, съ нимъ—дама. Мой спутникъ удивленно вскидываетъ руками.

— Какъ, вы здѣсь?

Крестьянинъ оказывается помѣщикъ Красноставскаго уѣзда, Люблинской губерніи, бывшій членъ Государственной Думы П-скій. Австрійцы сожгли его имѣніе. На телѣгѣ у нихъ съ женой корзинка и складной стулъ.

— Вотъ все, что осталось. Ищемъ пристанища.

Около собора куча народу. Осматриваютъ отнятыя у нѣмцевъ пушки. Новыя, кое-гдѣ видны слѣды отъ пуль. И стальные щиты пробиты пулями съ зарядной стороны. Номера пушекъ: 4864 и 4866; на каждой надписи: «pro gloria et patria» и «ultima ratio regis».

Какой-то солдатикъ, видимо артиллеристъ, съ наслажденіемъ показываетъ, какъ изъ пушекъ стрѣляютъ. Для устойчивости онъ раскорячился, самъ себѣ командуетъ, подвинчиваетъ прицѣлъ, хватаетъ изъ воздуха невидимые снаряды, ловко вкатываетъ ихъ въ отверстіе, щелкаетъ замкомъ и коротко вскрикиваетъ:

— Пли!

Толпа невольно откачивается по обѣ стороны дула, разрисованнаго германскимъ гербомъ. Солдатъ смѣется и снова «заряжаетъ»...

Нужно отдать справедливость администраціи города Люблина, его городскимъ властямъ и всему населенію они переживаютъ это время съ достоинствомъ. Не было бѣгства, и даже въ самые тревожные дни всѣ напряженно дѣлали свое дѣло.

Въ госпиталяхъ санитарной комисіи дѣятельно и полнолюдно. Бѣлыя комнаты, въ бѣлыхъ халатахъ врачи, сестры, санитары, въ чистомъ бѣлье раненые. Чувство бѣлизны, чистоты тѣлесной и духовной радуетъ и волнуетъ. Кажется, что всѣ лица бѣлы, бѣлымъ свѣтомъ свѣтятся глаза, взволнованные однимъ чувствомъ, одной мыслью.

Учащаяся молодежь, гимназисты и гимназистки день и ночь служатъ въ госпиталяхъ, исполняя самыя грязныя работы. Узнавая въ этихъ юношахъ и дѣвушкахъ,—почти дѣтяхъ,—не простыхъ служителей, раненые офицеры отказываются принимать услуги:

— Но это невозможно! Вы—гимназистъ, и будете...

— А что же? Позвольте хоть этимъ быть полезнымъ.

Въ помѣщеніи частной польской гимназіи расположился госпиталь курскаго губернскаго земства. Онъ прекрасно оборудованъ, у него есть съ собой все до послѣдней нитки. Онъ можетъ остановиться въ степи и черезъ нѣсколько часовъ развернется на сто кроватей со всѣми удобствами.

Ѣдемъ къ вокзалу на перевязочный пунктъ. Тамъ все въ движеніи: люди, вагоны, телѣги съ ранеными автомобили. Въ длинныхъ сараяхъ (бывшіе товарные

склады) на низкихъ койкахъ-носилкахъ лежатъ длинными рядами раненые. Зданіе сарая уходитъ вдаль суживающейся галлереей, и ряды коекъ кажутся безконечными. Въ одномъ сараѣ перевязываютъ врачи Краснаго Креста, въ другомъ—врачи обывательской санитарной комиссіи. Работа идетъ день и ночь, да развѣ тутъ возможенъ перерывъ?!

Вотъ молодой врачъ осматриваетъ въ головѣ рану запасного австрійца. Солдатъ сидитъ на стулѣ, закрывъ глаза, и непрерывно стонетъ подвывающимъ стономъ. Вотъ промываютъ сквозную рану въ ногѣ русскаго солдата. Нога стала большой и багровой. Раненный кряхтитъ, стиснувъ зубы. Понимая боль, докторъ изрѣдка говоритъ:

— Ну, потерпи, потерпи! Чай не баба. Черезъ мѣсяцъ снова нѣмцевъ бить пойдешь...

Идемъ межъ койками. Раненые терпѣливо ждутъ очереди. Вышелъ врачъ и отбираетъ тяжело раненыхъ. Распахнулъ шинель австрійца, слегка поморщился, спрашиваетъ:

— Ты сколько дней раненъ?

Солдатъ понялъ и, поднимая желтую руку, съ трудомъ разгибаетъ четыре заскорузлыхъ пальца, дышитъ тяжело и отрывисто.

— Несите!—коротко приказываетъ санитарамъ врачъ и быстро идетъ въ перевязочную,—бѣлое и радостное видѣніе. Вѣроятно, какъ ждутъ его раненые!

Русскій солдатъ, глядя на меня, говоритъ, подавляя завистливое чувство:

— Ничего, подожду. Этотъ больно мучается. Поди ужъ загнилъ, сердяга.

Во второмъ баракѣ начинаются почти сплошь

австрійцы: поляки, богемцы, мадьяры, словаки. Спятъ, лежатъ съ открытыми глазами, жуютъ принесенные горожанами подарки. Нѣмецъ съ худымъ желтымъ лицомъ, раненъ въ голову, умираетъ. Вѣроятно, онъ видитъ что-то очень пріятное, ибо лицо его улыбается и рука медленно приподнимается въ нетерпѣливо-радостномъ движеніи.

А вплотную къ баракамъ подходятъ вагоны, устланные соломой, и подвозятъ новыхъ раненыхъ...

Недалеко отъ перевязочнаго пункта лазаретъ на средства люблинскихъ евреевъ — полтораста коекъ. Послѣ перевязочныхъ бараковъ лазаретъ кажется уютнымъ и даже веселымъ мѣстомъ. Всѣ умыты, чисты перевязаны, лежатъ въ теплыхъ кроватяхъ. Врачи фельдшера, сестры, сидѣлки, санитары—евреи. Старый еврей - санитаръ, участникъ русско-турецкой войны 1878 г., тоже приплелся, свертываетъ бинты. Въ услуженіи—учащаяся молодежь, совсѣмъ молодые юноши и дѣвушки.

— А эти-то какъ?—спрашиваю сестру.

— Самые лучшіе работники! Не работаютъ—горятъ.

Раненые—русскіе и многоплеменные австрійцы. Сегодня выписываютъ изъ госпиталя нѣсколько русскихъ солдатъ,—ихъ можно отправить дальше, во внутреннія губерніи. Одинъ черный, рябой запасной псковичъ не утерпѣлъ, заплакалъ отъ благодарности, подзываетъ старшую сестру, взялъ за плечо и креститъ:

— Спасибо, сестрица, дай, перекрещу тебя,

— Благодарю, дорогой,—говоритъ та, глотая слезы.— Уѣдешь, помни, что былъ ты въ еврейскомъ лазаретѣ... Я бы не говорила, да ты знаешь, какъ къ намъ нѣкоторые относятся и что про насъ говорятъ...

Солдатъ смотритъ на нее ласково.

— А я отъ васъ кромѣ добра не видалъ ничего... Ну, а ты та ужъ, чай, русская?

— Нѣтъ, и я еврейка.

— Ну, Господь съ тобой! Не обезсудь, если что не такъ сказалъ, али сдѣлалъ... Прощайте.

Вышли мы изъ госпиталя,—шелъ мелкій осенній дождь. Напряженная работа, и движеніе кругомъ.

Поѣздка въ Кѣльцы.

I.

Въ началѣ сентября началось наступленіе германцевъ изъ Калиша и Ченстохова въ губерніи Кѣлецкую и Радомскую. 14 сентября я выѣхалъ въ Кѣльцы. До Иванъ-Города еще былъ пассажирскій поѣздъ; въ Иванъ-Городѣ пересадка на Кѣльцы. Но поѣзда на Кѣльцы уже не ходили—наканунѣ всякое пассажирское движеніе туда было прекращено.

— Ник-какого сообщенія нѣтъ съ Кѣльцами! Что вы?!—крикнулъ мнѣ набѣгу начальникъ станціи.

Онъ кому-то кричалъ въ темноту подъѣздныхъ путей, махалъ руками и убѣгалъ въ контору. На путяхъ передвигались безконечные „составы", мелькали во мракѣ низко къ землѣ ручные фонари. Холодный туманъ изъ Вислы одѣвалъ станцію, поѣзда, толпу, часовыхъ, и тускло мерцали въ высотѣ рѣдкіе фонари.

Я обратился къ коменданту станціи, объяснилъ ему цѣль моей поѣздки, предъявилъ документы. Въ одну минуту разрѣшеніе было написано, я могъ проѣхать дальше съ поѣздомъ воинскаго назначенія. Не до Кѣлецъ, но хоть немного придвинуться къ цѣли.

— Только вы ужъ сами слѣдите, когда отойдетъ поѣздъ. А то можете остаться.

Найти въ темнотѣ безчисленныхъ путей, заставленныхъ вагонами, тотъ поѣздъ, въ которомъ предстояло ѣхать,—нелегкая задача. Его куда-то „подали“, гдѣ-то онъ „грузился“, потомъ его „перевели“ на другой путь, „продвинули“ дальше... Люди—черные силуэты. Темно въ узкихъ проходахъ межъ вагонами. Только на далекій свѣтъ снизу ясно круглятся колеса; изрѣдка острой полосой сверкнетъ отбликъ мокрой рельсы... Гдѣ-то подъ вагонами чавкаетъ предпріимчивый поросенокъ, и безхозяйная собака трусливо шарахнулась въ сторону.

Въ классномъ вагонѣ холодно, темно, но въ одномъ отдѣленіи кто-то былъ. Онъ грузно перекачнулся въ сидѣньѣ, зашуршалъ одеждой. Дескать—тутъ человѣкъ есть!—И ничего не сказалъ. По смутнымъ очертаніямъ фигуры—священникъ.

— Этотъ вагонъ на Радомъ?—спрашиваю его.

— Кажется, этотъ! — непривѣтливо отвѣтилъ онъ соннымъ басомъ.

— А вы сами куда ѣдете?

— На Радомъ... Такъ этотъ самый и есть,—успокоительнѣе подтвердилъ онъ.

Съ чувствомъ холода и неуюта въ душѣ сидѣли мы долго и молча, раздѣленные темнотой. Священникъ подходилъ къ окну, освѣщенному отблесками далекихъ станціонныхъ огней, теръ ладонью запотѣвшее стекло, позѣвывалъ, вскидываясь кверху, какъ бы выростая, всѣмъ большимъ тѣломъ, крестилъ ротъ и опять опускался на диванъ, позванивая пружинами.

— Господи помилуй! Война-а!—бормоталъ онъ самъ

съ собой. Поѣздъ передвинули разъ и два. Пришелъ кондукторъ, зажегъ свѣчу, покапалъ стеариномъ на столикъ и поставилъ. Стало веселѣе,—скоро поѣдемъ. Священникъ грузенъ, широкобородъ и толстомясъ. Онъ долго глядѣлъ на меня, стараясь угадать—кто я и по какому дѣлу. Но сортовъ людей въ его головѣ было немного: духовный, военный, купецъ, мужикъ. Ни къ одному изъ этихъ я не подходилъ. Ему стало скучно, и онъ задремалъ.

Передъ отходомъ поѣзда къ намъ вошелъ молодой офицеръ. Сразу было видно, что онъ усталъ, но пріятно возбужденъ и хочетъ говорить.

— Часа черезъ два, думаю, и въ Радомѣ будемъ?—спросилъ онъ, обращаясь сразу къ намъ обоимъ. Видимо, ему очень хотѣлось попасть въ Радомъ, и пріятно было доставить ему удовольствіемъ словомъ:

— Конечно! Навѣрно, даже раньше!

— Уфъ! Хоть сутки поживу, какъ слѣдуетъ... Вымоюсь... Полтора мѣсяца не мылся. Отощалъ. Вотъ...

Онъ засунулъ за воротникъ блузы ладонь и оттянулъ его.

— Раньше еле сходилось, а теперь—видите!

Смѣхъ его былъ открытый и пріятный.

— А вы съ пазицій?—спросилъ священникъ, вѣроятно изъ вѣжливости выговаривая „пазиція“.

У офицера было много впечатлѣній и слова одолѣвали его. Видно, что жажду говорить онъ почувствовалъ внезапно, вотъ теперь, въ мягкомъ отдѣленіи вагона второго класса, въ какомъ давно не бывалъ, а болѣе всего потому, что столкнулся не съ военными. Съ товарищами о чемъ же говорить,—всѣ живутъ одной

жизнью, видѣли одно и то же. Онъ говорилъ много и слушать его было пріятно.

— Въ газетахъ пишутъ про войну наивный вздоръ. Надо быть на войнѣ, чтобы ее чувствовать и знать, какъ она происходитъ... Особенно смѣшатъ насъ военные обозрѣватели, когда они составляютъ „планы" войны. По тѣмъ ничтожнымъ даннымъ, какія каждодневно собираются съ громаднаго поля войны въ столицахъ, они увѣренно составляютъ карты, рисуютъ стрѣлки, пишутъ про обходы и заходы въ тылъ и въ бокъ... Вотъ такъ надо сдѣлать, да вотъ эдакъ можно разбить. А про дороги они знаютъ въ этой мѣстности? А какая тамъ погода въ эти дни,—получили свѣдѣнія? А духъ арміи имъ неизвѣстенъ?..—А тысячи, милліоны обстоятельствъ, изъ которыхъ складывается война, учли?.. Да, наконецъ, они, въ сущности, даже и не знаютъ, гдѣ находятся войска, наши и непріятельскія... Для насъ тѣмъ яснѣе это пустословіе, что мы читаемъ газеты иногда недѣли полторы, двѣ спустя, когда предполагаемыя событія уже закончились. Публика прочитала, подивилась проницательности автора и забыла. А мы видимъ, что все это несерьезно, происходитъ въ дѣйствительности совсѣмъ не такъ, какъ писали и предполагали...

— Да, вѣдь, какъ живемъ?!—полувопросомъ отвѣтилъ онъ на нашъ вопросъ. Снялъ фуражку, обнажилъ круглую голову съ плотной щетиной волосъ. Рѣзко обозначилась подъ фуражкой бѣлая незагорѣлая кожа, а открытая часть лица краснобронзовая.—Такъ и живемъ изо дня въ день. Сраженіе—всѣ силы души въ напряженіи. Какъ во снѣ, но все отчетливо и ярко, на всю жизнь памятно. А передвигаешься—ѣдешь вмѣстѣ

съ паркомъ на лошади цѣлые дни. Почлегъ – спишь тревожно. Разговоровъ мало другъ съ другомъ. Всѣ становятся нервными, раздражительными... И ни о чемъ опредѣленномъ не думаешь... Въ Москвѣ у меня остался цѣлый міръ знакомствъ, мыслей, нерѣшенныхъ вопросовъ. Казалось-бы,—здѣсь такъ много внутренней свободы,—цѣлые дни, ночи! Вѣдь, когда нѣтъ сраженія, обязанности не сложны... Но нѣтъ, все я позабылъ, все московское замерло въ душѣ. И, вѣроятно, это—благодѣтельный законъ такой духовный. Какъ вотъ въ тѣлѣ поры кожи закрываются въ холодную погоду, чтобы не было испареній, не выходила изъ тѣла сила, тепло. И тутъ тоже: замереть надо душой до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончена война.

Стучалъ поѣздъ и ползъ темными полями. Останавливался у молчаливыхъ станцій, и было неизвѣстно, зачѣмъ онъ стоялъ иногда подолгу, ибо путь былъ свободенъ. Замолкая, офицеръ быстро засыпалъ. Но его двухцвѣтная голова держалась упруго, не моталась. Просыпался онъ легко и сразу становился общительнымъ.

— А къ страхамъ войны постепенно привыкаешь. Послѣ битвы подъ Высокой, когда австрійцы побѣжали, помню: ѣдемъ полемъ, санитары начали убирать трупы. Ужъ загнили,—жарко было. Ѣдемъ, ясно кругомъ, синее небо, перелѣски, зеленые холмы, рѣчка. А на землѣ вдоль дороги, по дорогѣ, по полямъ трупы лежатъ, кучками, въ одиночку. Рты открыты, только бѣлые зубы поблескиваютъ, даже издали виднѣются зубы. Лица потемнѣли, закруглились... И, въ сущности, только первое впечатлѣніе жутко, а потомъ ужъ почти равнодушенъ.

Деревня сгорѣла. Торчатъ трубы, столбы. Издали— какая-то древняя развалина! На крайнемъ пепелищѣ прежде всего увидѣли мы... сапоги. Подметками къ намъ, оба вмѣстѣ, большіе, стоятъ, какъ заслонка. А кто за подметками—не видно. Подошелъ я — трупъ; одежда вся сгорѣла, а тѣло закоптѣло, блеститъ, какъ у негра. Только сапоги не сгорѣли... Негра этого я потомъ во снѣ видѣлъ... За деревней трупы ужъ были убраны, насыпаны свѣжія могилки. Около дороги— палка, а въ расщепѣ записка: „во славу русскаго оружія палъ въ бою Хаимъ Ицковъ Кукишъ". Вѣроятно, товарищъ послѣднюю честь отдалъ. Солдаты прочитали записку, никто не улыбнулся надъ фамиліей. Къ вечеру пришли въ лощину, гдѣ стоялъ австрійскій паркъ. Наши выстрѣлы застигли его врасплохъ и уничтожили, вѣроятно, въ нѣсколько минутъ... Артиллерія наша, безъ похвальбы, дѣйствуетъ разительно!.. Это было странное зрѣлище! Точно кучи мусора на свалкахъ: руки, ноги, головы лошадиныя, человѣчьи, разбитые зарядные ящики, копыта, лошадиные хвосты... Все забрызгано кровью, каломъ изъ лошадиной утробы, засыпано землей. Лежалъ въ сторонѣ австріецъ, въ кулакѣ зажалъ яблоко, вокругъ него тоже валялись яблоки, желтые съ легкимъ румянцемъ. И во рту у него были кусочки яблокъ, межъ зубами застряли... Неподалеку отъ того мѣста мы и ночевали. Пріѣхалъ къ намъ штабный офицеръ съ приказаніемъ. Мы его угощали, поставили на столъ все, что у насъ было. Онъ взялъ себѣ самое вкусное, все съѣлъ и уѣхалъ, видимо, самъ стыдясь своей неделикатности. Такъ мы цѣлый вечеръ злились... Ну, кажется, пріѣхали? Всего лучшаго!

Весело вышелъ офицеръ. Пыхтя, бормоча подъ носъ

и вздыхая, задѣвая кулькомъ и пакетомъ за двери и ручки, вылѣзъ священникъ. Поѣздъ загремѣлъ дальше. Я остался одинъ и быстро заснулъ отъ холода и неуюта въ душѣ и тѣлѣ.

Разбудилъ меня озябшій голосъ кондуктора. Поѣздъ стоялъ на ст. Скаржиско, верстахъ въ сорокахъ отъ Кѣлецъ.

Большая узловая станція въ центрѣ путей между Домбровскимъ райономъ, Ченстоховомъ, Лодзью, Варшавой и Люблиномъ теперь была пуста. Громадное ровное разграфленное желѣзными графами путей поле станціи было чисто. Свободно гулялъ холодный вѣтеръ. Высокіе электрическіе фонари временами гасли, оставляя въ сумракѣ безконечныя платформы, бѣлую стѣну вокзальнаго зданія, по концамъ коего стояли часовые.

Былъ третій часъ утра. Въ буфетѣ ходили, приплясывали, грѣлись военные — нѣсколько человѣкъ. За стойкой стояла озябшая дѣвушка, давала чай, булки. Гулкій, большой пассажирскій залъ перваго класса былъ теменъ и пустъ. Станцію эту раньше уже занимали австрійцы. И теперь все здѣсь было снова тревожно.

Въ помѣщеніи начальника станціи встрѣтились мы съ путейскимъ инженеромъ, начальникомъ жел.-дор. участка. Онъ былъ въ командировкѣ въ Восточной Пруссіи и въ Кѣльцы ѣхалъ справиться, цѣлъ ли его домъ. Начальникъ станціи, нервный, веснущатый человѣкъ, низкаго роста; сказалъ, что утромъ приказано выслать отсюда въ Кѣльцы пассажирскій поѣздъ. Это будетъ послѣдній, и вернется изъ Кѣлецъ немедленно. Что̀ теперь въ Кѣльцахъ,—ему неизвѣстно, онъ самъ пріѣхалъ сюда на-дняхъ въ командировку...

По привычкѣ—торопиться, бѣгать отъ телефона къ телефону, отъ книги къ книгѣ, на телеграфъ, на платформу, онъ и въ разговорѣ съ нами двигался, переходилъ съ мѣста на мѣсто, хотя телефоны молчали и бригада поѣзда мирно дремала въ сосѣдней комнатѣ.

— А вы, значитъ, съ тѣмъ же поѣздомъ изъ Кѣлецъ обратно? — спрашивалъ меня инженеръ въ буфетѣ, за стаканомъ чая.

— Нѣтъ, останусь. Попробую въ Мѣховъ проѣхать.

— Но Мѣховъ занятъ нѣмцами!.. А вы по-польски знаете?

— Нѣтъ.

— Плохо. Знайте вы польскій языкъ, — могли бы сойти за поляка. А къ русскому, да еще изъ Петрограда, нѣмцы отнесутся здѣсь жестоко. Просто разстрѣляютъ, какъ шпіона.

— Ну, ужъ, такъ и разстрѣляютъ!

— Да очень просто! А вы какъ думали?!

Онъ разсказывалъ свои впечатлѣнія на войнѣ въ восточной Пруссіи. Тысячи подробностей войны, изъ которыхъ каждая могла бы составить общеевропейское ужасающее событіе, если бы случилась въ отдѣльности, въ мирное время.

И ощущеніе великой, почти міровой потревоженности и страданій народовъ остро и больно вошло въ мою душу въ тотъ холодный утренній часъ на опустѣвшей желѣзнодорожной станціи.

II.

Утромъ 15 сентября вышелъ въ Кѣльцы большого состава пассажирскій поѣздъ. Былъ онъ почти пустой—человѣкъ двадцать во всѣхъ классахъ.

Въ отдѣленіи, рядомъ со мной, двое юношей — почтово-телеграфные чиновники. Оба были куда-то командированы, теперь ихъ откомандировали и они не знаютъ, останутся ли сегодня въ Кѣльцахъ, или выѣдутъ обратно. Они спятъ, курятъ, возятся, какъ щенята.

Кромѣ нихъ,—инженеръ, нѣсколько желѣзнодорожныхъ служащихъ. На каждой станціи разспросы: далеко-ли нѣмцы и какъ въ Кѣльцахъ? Станціи пусты и тревожно-готовы свернуться и уѣхать.

Поѣздъ идетъ медленно. День холодный, вѣтреный, низко ползутъ тучи. Перелѣски, холмы, хутора. Дымокъ надъ крышей. Какая мирная радость въ дымѣ и какое святотатство—разрушить мирный очагъ!

Крестьяне торопливо докапываютъ картофель. Всѣ вышли на работу въ холодный день, даже восьми-десятилѣтнія дѣти. Вотъ на кортофельномъ полѣ я вижу—хлопотливая рабочая группа: старикъ, три женщины, двѣ дѣвочки и большая бѣлая курица.

На поѣздъ смотрятъ съ радостью: идетъ пассажирскій, значитъ миновала опасность.

Около Кѣлецъ долго не пускалъ насъ семафоръ. Многіе, не дожидаясь, пошли на вокзалъ пѣшкомъ. Шла мимо съ провизіей женщина. Юноша-телеграфистъ разспросилъ ее.

— Ну, какъ у васъ?

— Нимчи близко, пане!

— Что же не уѣзжаешь?

— Денегъ нэма!.. А за станціей ужъ рельсы разбираютъ. Ахъ!..

Она вздохнула такъ, точно отъ безсилія и не могла ужъ больше дышать. Вся обвисла и мѣшокъ съ провизіей опустила на землю.

— Вотъ четвертый разъ идетъ намъ мученье.

Кѣльцы были плѣнены трижды. Въ первые дни по объявленіи войны сюда пришелъ изъ Австріи сбродъ польскихъ такъ называемыхъ соколовъ и соколокъ. Эти были хуже всѣхъ: вѣшали, грабили, издѣвались надъ мирными жителями. Потомъ пришли австрійцы, наконецъ, здѣсь были германцы. Теперь отъ Ченстохова сюда двигались два корпуса германской пѣхоты. И мирное населеніе города снова готовилось пережить страхи нѣмецкаго нашествія.

На вокзалѣ горы багажа, взволнованныя женщины, дѣти, кучка какихъ-то школьниковъ; мечется съ болонкой старуха. Всѣ торопятся, хватаютъ вещи, толкаютъ другъ друга. На первыхъ, кои бросились къ вагонамъ, желѣзнодорожный чиновникъ закричалъ. А потомъ рукой махнулъ:

— Садитесь!

Увидѣли—идетъ носильщикъ съ моимъ багажемъ къ выходу въ городъ, испуганно-радостно спрашиваютъ другъ друга:

— Это кто-то въ городъ пріѣхалъ?

Одна дама даже ко мнѣ обратилась съ вопросомъ:

— Вы въ городъ пріѣхали?

— Да, а что?

— Такъ! Вотъ уѣзжаютъ всѣ!..

Она стоитъ растерянная. Ее и радуетъ, что кто-то не только не уѣзжаетъ, но даже пріѣхалъ. Такъ хорошо бы остаться. Можетъ, еще и не опасно, если кто-то пріѣхалъ? Но отвернулась, и общее волненіе подхватило ее. Кричитъ:

— Носильщикъ! Носильщикъ! Бери же вещи! Ахъ. Боже мой, носильщикъ!

Заговорилъ я на вокзалѣ съ молодымъ полякомъ-чиновникомъ. Бѣлобрысые усы распущены; румянъ и взволнованъ.

— Сегодня отъ полицеймейстера по городу объявлено: для желающихъ уѣхать будетъ поданъ поѣздъ. Я это понимаю такъ, что опасности большой нѣтъ, но если кто желаетъ,—можетъ уѣхать.

— А вы что же, провожаете семью?

— Нѣтъ, я... Собственно, я тоже уѣзжаю!—подхватился онъ вмѣстѣ съ носильщикомъ, забирая послѣднія вещи.—И вы уѣзжайте! Русскому оставаться здѣсь — безуміе!—сказалъ онъ на ходу, обернувшись къ двери. Распушенный усъ и бѣлокъ глаза были испуганы и зловѣщи.

Въ гостиницѣ „Версаль" кромѣ хозяевъ никого не не было. Мнѣ казалось, что хозяева рады мнѣ: все-таки не одиноки и не такъ жутка пустота, можетъ быть, всегда полной гостиницы. Хозяйка, пожилая, пріятная женщина полька долго разсказываетъ о своихъ волненіяхъ.

— Были соколы. Эти были заносчивы и дерзки, повѣсили нѣсколько евреевъ и поляковъ, пьянствовали и развратничали. Пришли австрійцы. Въ гостиницѣ жили офицеры, вели себя очень чисто и вѣжливо, платили деньгами, давали расписки. Потомъ пришли нѣмцы. Эти были подозрительны и раздражены, за пищу платили, помѣщеніе даромъ; сердились, что не понимаемъ по нѣмецки; думали — притворяемся и шпіонимъ. Всѣ скупаютъ съѣстные припасы и увозятъ: хлѣбъ, масло, яйца, скотъ. Боимся, что ничего въ нашемъ краѣ не останется, будемъ голодать. Соли и угля почти нѣтъ. Господи, ахъ!

Опять тотъ же последній вздохъ человѣка, измученнаго до крайней степени.

— Отчего же вы не уѣхали?

— Да куда же уѣхать? Мы уѣдемъ, всѣ уѣдутъ,— если не нѣмцы, такъ бродяги весь городъ разграбятъ и сожгутъ. Нельзя всѣмъ уѣхать, да и не на чемъ Все равно кому-нибудь пришлось бы остаться...

Она заплакала.

Говорили мнѣ, что больше половины населенія уже покинуло Кѣльцы. И, дѣйствительно, городъ производилъ впечатлѣніе пустоты. А въ пустотѣ—жуткое ожиданіе. Люди сходятся группами на улицахъ, подъ воротами, въ магазинахъ. Въ одиночку-то нестерпимо.

Зашелъ я въ лавочку. Еврей худой, съ большими испуганными глазами, взвѣсилъ мнѣ груши. И на всѣ вопросы отвѣчалъ безсильнымъ вздохомъ.

— Ахъ, Боже мой!

Дулъ сильный вѣтеръ, холодно, моросилъ мелкій дождь. Ѣздили по улицамъ казаки. Проѣхалъ верхомъ на позиціи врачъ. На телеграфѣ и почтѣ все было уложено. Ждали только приказаній забрать аппараты и перерѣзать провода. Телеграммъ уже не принимали, даже отъ офицеровъ.

— Все равно не успѣемъ передать.

Послѣ вокзальной и городской суетни, усталыхъ лицъ, вздоховъ было пріятно запереться одному въ комнатѣ гостиницы. Однако, мысленно я долго и обстоятельно убѣждаю нѣмецкаго офицера (который меня арестуетъ), разрѣшить мнѣ уѣхать. И, несмотря на то, что по-нѣмецки я почти совсѣмъ не говорю, у меня выходитъ убѣдительно.

Засыпая, я думалъ о томъ, что есть въ Россійской

Имперіи мѣста, гдѣ только, можетъ быть, сегодня узнали, что на земномъ шарѣ происходитъ великая война. Это—обитатели Новой Земли: они только съ послѣднимъ сентябрьскимъ пароходомъ получатъ такія новости. И до іюля будущаго года не будутъ знать, что̀ на землѣ происходитъ...

Отъ вѣтра звонко гудѣли пустыя комнаты гостиницы, и гулъ отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей былъ подобенъ внезапной тревогѣ.

Утромъ та же скверная погода: вѣтеръ, дождь. Въ столовой слуга, сухопарый, щетинистый старикъ натиралъ скипидаромъ полы. Хозяйка встрѣтила меня пріятными извѣстіями: говорятъ, что нѣмцевъ отсюда прогонятъ—и въ Кѣльцахъ можно жить спокойно.

И какъ ни мало могла знать о войнѣ хозяйка гостиницы,—такова сила слова—показалось,что, дѣйствительно, это такъ и будетъ и до Кѣлецъ нѣмцы не дойдутъ.

Въ этотъ моментъ раздался сильный взрывъ. Загудѣли стѣны и мелкой колючей дрожью защекоталъ ноги полъ. Хозяйка поблѣднѣла и стаканъ съ молокомъ затанцовалъ въ ея рукахъ на блюдечкѣ.

— Ахъ, Боже мой! Опять!

На улицѣ качались отъ вѣтра тополи, сновали люди. Пробѣжалъ мальчишка. Кто-то нырнулъ въ противоположныя ворота съ узлами подушекъ.

— Это всегда такъ!—охая отъ болѣзненнаго испуга и не безъ юмора пояснила хозяйка.—Какъ начнутъ палить,—они и бѣгаютъ съ постелями. Здѣсь спрячутся—худо, туда перебѣгутъ—страшно. Глупые. Ужъ такимъ бѣжать бы, куда глаза глядятъ.

Раздались еще гулы, но глуше: одинъ другой, третій. Собрались въ столовую хозяева, дѣти, сосѣди.

— Видно, за Карчовкой стрѣляютъ?

— Можетъ быть, съ аэроплана?

— Можетъ, наши взорвали на желѣзной дорогѣ мосты?

— Стрѣляютъ изъ арматовъ!—сердито сказалъ слуга, работая по полу щеткой. Закурилъ и, принимаясь снова за щетку, задумчиво повторилъ, прикрывая отъ дыму правый глазъ:

— Изъ ар-ма-товъ паля-атъ!..

По улицѣ торопливо шли, кое-гдѣ—бѣжали. Вмѣстѣ съ грохотомъ выстрѣла точно электрическій токъ пронизывалъ людей: вздрагивали, прибавляли шагъ, бѣжали, останавливались, перебѣгали черезъ улицу. Скоро улицы почти опустѣли. Единственный полицейскій, который мнѣ встрѣтился, пояснилъ, что онъ прикомандированъ къ магистрату и остался въ городѣ одинъ. Остальная полиція съ полицеймейстеромъ выѣхали въ два часа ночи.

Почта и телеграфъ тоже выѣхали ночью. На телеграфѣ за единственнымъ аппаратомъ сидѣлъ юноша-телеграфистъ. Онъ оставленъ на работѣ до послѣдней возможности. На дворѣ у него стояла пара запряженныхъ лошадей.

Какъ прикажутъ, — перерѣжу послѣдній проводъ, возьму аппаратъ и выѣду.

Рядомъ съ аппаратомъ стояла его походная кровать. На столѣ—стаканъ чаю и кусокъ недоѣденной булки. Онъ непрерывно работалъ, принималъ и передавалъ депеши.

— Если не найдете лошадей, приходите сюда съ багажемъ,—выѣдемъ вмѣстѣ.

До двухъ часовъ дня искалъ я лошадей, чтобы

выѣхать изъ Кѣлецъ въ сторону, свободную отъ непріятеля: къ востоку, юго-востоку, въ крайнемъ случаѣ къ сѣверу, но никто не хотѣлъ ѣхать, даже не назначалъ никакой цѣны; на меня смотрѣли съ недоумѣніемъ, раздраженіемъ, или жалостно говорили:

— Нэма коней, пане.

А при гулѣ выстрѣла прекращали разговоръ, уходили или качали головой:

— Куда тутъ ѣхать, пане!

На улицахъ не было извозчиковъ. Я нашелъ одного на дворѣ, поѣхалъ на вокзалъ. Но по пути мнѣ сообщили, что вокзалъ пустъ, желѣзнодорожные пути испорчены, только на краю города по направленію къ Скаржиску, стоитъ паровозъ и нѣсколько вагоновъ.

Попрощавшись съ милыми хозяевами „Версаля", я выѣхалъ за городъ. Тамъ стоялъ паровозъ съ классным вагономъ и тремя теплушками. Это минный отрядъ поручика М-на. Скоро и самъ онъ подъѣхалъ на дрезинѣ бодрый, озабоченно-веселый. Говорю — такой-то, здѣсь по такому-то дѣлу.

— И застряли?—улыбается онъ.

— И застрялъ. Разрѣшите доѣхать до Скаржиска.

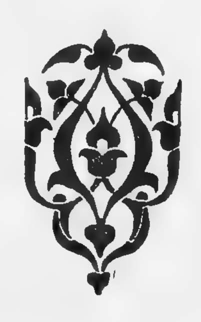
— Садитесь въ переднее купе вагона. Только мы, вѣроятно, не скоро будемъ въ Скаржискѣ. А также— можетъ быть, и небезопасно ѣхать.

— Ужъ какъ придется.

Тронулись. Въ вагонѣ тепло, уютно. Въ отдѣленіи офицера деньщикъ кипятилъ на спиртовкѣ чайникъ. Вся сторона вагона по корридору заставлена стальными плитами,—противъ каждой койки плита. Прислонясь къ

плитамъ, стояли съ ружьями часовые, всматривались въ текучіе перелѣски—не выскочилъ бы на перерѣзъ нѣмецкій разъѣздъ.

Черезъ два дня пятью разными способами передвиженія добрался я до Люблина. Уже стало извѣстно и опубликовано въ газетахъ, что въ окрестностяхъ Кѣлецъ на лѣвомъ берегу Вислы идутъ стычки передовыхъ отрядовъ. И черезъ два часа послѣ моего отъѣзда Кѣльцы были заняты нѣмцами.

Мѣста недавнихъ битвъ.

I.

Осень средней Россіи такое время, когда, по пословицѣ, день мочитъ—недѣлю сушитъ. А здѣсь мочило уже двѣ недѣли. Можно себѣ представить, во что обратились дороги, разбитыя милліонными арміями. Даже Красникское шоссе заплыло глубокой жидкой грязью.

Я ѣду по тому пути, гдѣ недавно происходилъ одинъ изъ великихъ боевъ, который предрѣшилъ судьбу Австро-Венгріи. Въ августѣ мѣсяцѣ австрійская армія быстро перешла границу и смѣло вступила въ предѣлы Люблинской губерніи. Въ Аннополѣ, Ужендофѣ и др. мѣстахъ австрійскіе офицеры на ночлегахъ собирались „черезъ два дня мыться въ люблинскихъ баняхъ“.

Но верстахъ въ двадцати отъ Люблина они уперлись въ уплотненныя твердыни русской арміи, остановились, окопались. Въ среднемъ около двухъ недѣль продолжалось здѣсь состязаніе двухъ громадныхъ армій. Наконецъ море австрійскихъ войскъ, растекаясь въ ужасѣ по старымъ дорогамъ, полилось обратно,—чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе. Ужъ некогда

было искать новыхъ путей, выбирать дороги. И уцѣлѣвшіе австрійскіе офицеры прибѣгали на ночлеги часто въ тѣ же самые дома, гдѣ они ночевали при наступленіи. Тогда они были нарядны, веселы, любезны, шутили съ хозяевами и дарили малымъ дѣтямъ гостинцы. Теперь сидѣли мрачно, не терпѣли дѣтскаго плача, были грубы, даже жестоки.

— Ну, что же, были въ Люблинѣ?—наивно спрашивали ихъ хозяева квартиръ.

Они или угрюмо молчали, или находили въ себѣ силы сказать:

— Нѣтъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ мы немного отступаемъ...

Но и среди ночи начиналась тревога. Какъ безумные, они вскакивали, полураздѣтые бросались на лошадей, въ повозки и мчались дальше, изрѣдка находя въ себѣ мужество—сѣсть въ окопы.

Но русскія войска обрушивались на нихъ всей тяжестью могучаго движенія, давили врага въ песчано-глинистыхъ канавахъ. Часто никто не вылѣзалъ оттуда живымъ.

Все совершившееся здѣсь еще не вполнѣ вошло въ сознаніе русскаго народа. Доселѣ никому неизвѣстныя слова—Красникъ, Яновъ, Красноставъ, Ополье, Неджвица, Высокая, Божеховъ и много другихъ мѣстъ Люблинской губерніи—еще не стали привычны для слуха, не имѣютъ своего настоящаго содержанія, котрое дастъ имъ исторія. И я хочу хоть вкратцѣ разсказать, что видѣлъ теперь на пути, по которому съ громами войны прошли дважды милліонныя арміи.

Мѣстность слегка взволнована. Перелѣски, холмы, хуторa и села. По шоссе и прилегающимъ къ нему

дорогамъ непрерывное движеніе. И кажется, что все движется подъ небомъ: обозы, холмы, низкія облака, люди и ряды березъ, ветелъ и пихтъ по краямъ дорогъ.

Съ трудомъ добрался я до Неджвицы. Отдѣльныя пожарища встрѣчаются и раньше Неджвицы. Стоитъ на выгорѣвшей землѣ печь съ высокой трубой, точно гусь, вытянувшій кверху длинную шею —вотъ все, что осталось отъ крестьянской усадьбы. Въ гминѣ Неджвица сожжено нѣсколько дворовъ. Но главныя опустошенія начинаются на двадцать третьей верстѣ отъ Люблина, въ деревнѣ Малая Неджвица.

Издали видна развалина костела Малой Неджвицы. По обѣ стороны дороги, глубокія воронки, вырытыя снарядами. Столбы помѣщичьяго хмѣльника расщеплены пулями и осколками снарядовъ, покачнулись во всѣ стороны, изображая застывшее смятеніе. Въ стѣнѣ мужицкаго дома снарядъ пробилъ круглую, аршинъ въ поперечникѣ, дыру. Далѣе—рядъ обгорѣлыхъ трубъ. Снаряды и пули летали здѣсь вперекрестъ, со всѣхъ сторонъ. Можно представить себѣ, какой здѣсь былъ адъ.

При входѣ въ костелъ—глубокая воронка. Снарядъ разсыпался брызгами на стѣну, сбилъ тѣльнаго цвѣта штукатурку, а подъ нею обнажились пятна кровяно-краснаго кирпича. Колокольня завалилась, и упали колокола. Крыша костела обвисла четками цинковыхъ листовъ. Раскрашенная статуя Христа съ отбитой благословляющей рукой стоитъ на засоренномъ престолѣ. Въ толстыхъ стѣнахъ костела и каменной ограды пробиты отверстія. Направленіе всѣхъ снарядовъ—съ австрійскихъ позицій за Божеховомъ, верстъ пять отъ Неджвицы по прямой линіи.

Вмѣстѣ со мной ходятъ среди развалинъ два солдата, ахаютъ, качаютъ головами. Смотрятъ, какъ снуютъ по разбитымъ стѣнамъ воробьи, шутятъ:

— Чай, тогда воробьи-та разлетѣлись отсюда!..

На стѣнѣ костела надпись мѣломъ солдатской рукой:

„Сей костелъ сгорѣлъ отъ руки врага австріяка“.

Постоялый дворъ тоже разрушенъ. Семья арендатора только вчера вернулась и ютится въ уцѣлѣвшихъ комнатахъ. Больны дѣти и сами мужъ съ женой не знаютъ, за что взяться—руки опускаются. Слухъ, что германцы у береговъ Вислы, приводитъ ихъ въ отчаяніе.

— Можетъ снова пустятъ сюда германцевъ биться?! Ахъ!

Даже лошадь напоить было не изъ чего. Снарядъ упалъ въ колодезь и взорвалъ его, колодезь обвалился, а на рѣку далеко идти. Такъ и поѣхали дальше.

Пустынны поля. Кое-гдѣ ведетъ тяжелую борозду на одной лошади мужикъ. Копаютъ по затоптаннымъ полямъ картофель и свеклу бабы. Холодно и неуютно въ разоренномъ и выжженномъ краѣ. Люди разбѣжались, упали духомъ. Нѣтъ скота, поля не засѣяны и мало осталось запасовъ—все съѣли милліонныя арміи.

Темныя трубы по сторонамъ дороги. Повалены телеграфные столбы и проволока переплелась на дорогѣ.

Въ сосновомъ лѣсу за Неджвицей начинаются окопы: ряды длинныхъ канавъ, слегка прикрытыхъ хворостомъ и землей, точно жилища пещерныхъ людей. Разбросаны коробки изъ-подъ консервовъ. Пощи-чены пулями деревья. Лѣсъ имѣлъ странный видъ.

Русскіе окопы начинаются отъ Неджвицы. Песчано-глинистыя канавы пересѣкаютъ дворы, огороды, капустники, потомъ выходятъ на поля и рядъ за рядомъ подбираются къ непріятелю.

Смотришь издали на эти поля, изрытыя окопами—точно исполинскій дождевой червь ползалъ здѣсь, и вспухала рядами земля. Поля и до сихъ поръ имѣютъ видъ тревожный. Все еще чудится, какъ многотысячная русская армія подъ градомъ пуль и шрапнелей подбирается въ этихъ канавахъ къ врагу. Сидятъ длинными рядами человѣкъ къ человѣку, положивъ на земляные валы сторожкія винтовки. Перебѣгаютъ впередъ, зарываются въ новыя канавы. Ужъ черезъ землю слышно, какъ у противника говорятъ, слышенъ щелкъ ружейнаго затвора, нервный кашель измученнаго безсонницей и страхомъ смерти человѣка, стонъ раненаго... Не пора ли на ура?!

А съ Вислы, какъ отзвукъ прошедшей военной грозы, доносится глухой толчекъ сегодняшней бомбардировки: буммъ!

Вотъ и австрійскіе окопы. Держались здѣсь австрійцы шестнадцать дней. Окопались большія силы, зарылись крѣпко въ глинистую землю. Начинаются окопы передовой батареей на самой верхушкѣ холма. А къ батареѣ тупымъ угломъ сходятся переднія канавы. Параллельно имъ по южному скату холма безконечные ряды окоповъ, батарей. Окопы уходятъ вправо, влѣво, вглубь на цѣлыя версты. Стоянки обоза, новые окопы...

Окапывались австрійцы съ опаской, осторожно и прочно, для каждаго солдата особая ямка. Ямы составляютъ длинные ряды, а выброшенная земля—общій защитный валъ. Ямки глубоки и даже зарылись слегка

подъ землю, такъ что край окопа нависаетъ козырькомъ. Можно юркнуть туда, если звенитъ въ воздухѣ бомба, свищетъ шрапнель.

По сравненію съ австрійскими—русскіе окопы простодушны, открыты и не бережливы.

Рыли воронки вокругъ австрійскихъ батарей мѣткіе русскіе снаряды. Вотъ снарядъ упалъ въ окопъ, разметалъ все вокругъ. Околышъ картуза, клочекъ мундира, пуговица, патронъ, скелетъ лошади... А по полямъ могильные холмы и свѣжіе деревянные кресты.

Вотъ съ этой линіи черезъ полмѣсяца борьбы, тѣлесно еще почти вся цѣлая, но духовно уже побѣжденная, обезсилѣвшая отъ непрерывнаго ужаса смерти милліонная австрійская армія снялась и побѣжала.

Въ печати было много тогда со словъ раненыхъ русскихъ солдатъ и офицеровъ, будто раздавить австрійскія войска было дѣло не трудное. Говорила тутъ скромность разсказчиковъ или просто въ радостный моментъ побѣды забытъ былъ долгій къ ней путь?.. Когда-нибудь, конечно, намъ будутъ извѣстны всѣ подробности этого великаго состязанія народовъ на мужество и стойкость. Но и теперь мнѣ приходилось слышать, что австрійская армія представляла изъ себя прекрасно вооруженную и отлично оборудованную во всѣхъ отношеніяхъ военную силу. Конечно, будучи побѣждены, они сдавались. Но до пораженія проявили упорство громадное.

Разсказывали мнѣ въ гминѣ Сухая Вылка, что убѣгающій австрійскій отрядъ засѣлъ въ окопѣ. Окопъ былъ взятъ русскими войсками на ура, большинство австрійцевъ перебито, остальные бросили оружіе. Но офицеръ и окруженный русскими солдатами не сдавался.

— Бросьте оружіе!—кричали ему.

Казалось просто невозможнымъ убивать одного человѣка, окруженнаго со всѣхъ сторонъ. Но онъ стрѣлялъ изъ револьвера, потомъ вынулъ шашку и бросился на стѣну русскихъ солдатъ и офицеровъ. Его зокололи штыками.

И вотъ еще какъ разъ сегодня раненый въ бою съ австрійцами офицеръ говорилъ мнѣ:

— Ахъ, это невѣрно, что австрійцы сражались плохо. И артиллерія у нихъ стрѣляла отлично. Только были они побѣждены, стойкости не хватило, ну, и побѣжали! А побѣжденное, бѣгущее войско всегда сдается, какъ стадо барановъ. Побѣжденное уже не войско,—толпа.

Это все я къ тому, что мнѣ кажется: въ радости побѣды, побѣды дѣйствительно громадной, умалили величину совершеннаго. Имена тысячъ и тысячъ павшихъ въ этомъ бою русскихъ солдатъ болѣзненно взываютъ въ душѣ моей къ справедливой оцѣнкѣ подвига русской арміи.

Въ Ужендофъ пріѣхалъ я—уже стемнѣло. По дорогѣ все тотъ же видъ: затоптанныя поля, пожарища, разрушенныя мельницы, трупы лошадей... Ужендофъ запалъ въ сырой долинѣ. Не ѣхали—плыли въ грязи. Сосѣдніе лѣса свѣтились кострами. Двигались силуэты людей. фыркали отъ сырости лошади. И на красныя полосы закатнаго неба четко рисовались очертанія домовъ и деревьевъ. Тревожно тихо было полнолюдное село: недалеко на Вислѣ происходитъ сраженіе.

Въ темной ночи ѣхалъ я еще шесть верстъ лѣсомъ до Джешковицъ. Перебирая текучими облаками полы-

хало въ небѣ зарево далекаго военнаго пожара,—приблизительно въ направленіи къ Сандомиру.

— Кто ѣдетъ?—окрикнулъ насъ около повозки солдатъ.

— Свои!—испуганно вздрогнувъ, отвѣтилъ кучеръ и разсердился на усталыхъ лошадей.

Въ грязи на дорогѣ лежала обезсилѣвшая, брошенная лошадь. Она подняла голову и проводила взглядомъ нашъ медленный проѣздъ.

— Можетъ отдохнетъ—встанетъ?—совѣтуюсь я съ старикомъ-возницей. Потому что все-таки легче, если уѣдешь, но будешь думать, что животнее встанетъ.

— Нѣтъ ужъ, такъ здѣсь и застынетъ. Лошадь падаетъ не затѣмъ, чтобы вставать. Въ ней хитрости нѣтъ...

Ночь, холодно, вѣтеръ. Боже, какого великаго терпѣнія требуетъ война!

Когда во мракѣ засвѣтились огоньки Джешковицъ, я думалъ только объ одномъ, что эти уголки тишины и тепла, заключеннаго между стѣнами домовъ, есть самое лучшее и цѣнное, чего достигъ въ своей культурѣ человѣкъ.

II.

Мой поздній стукъ въ закрытое ставней окно произвелъ въ домѣ землевладѣльца М. маленькую тревогу. Были она насторожены, сидѣли въ одной комнатѣ за семейнымъ совѣтомъ—какъ быть? Уѣзжать завтра въ Люблинъ или подождать? Изъ имѣнія съ береговъ Вислы они уѣхали: къ лѣвому берегу подошли нѣмцы и обстрѣливаютъ изъ орудій правый. Можетъ быть сраженія опять перейдутъ въ Люблинскую губернію

Приняли меня хозяева ласково,—рады новому человѣку. Все какъ будто не такъ жутко. Почти весь ихъ обширный домъ занятъ офицерами и солдатами; въ распоряженіи хозяевъ остались только двѣ комнаты:

— Какъ-нибудь помѣстимся. Женщины—въ одной, мужчины—въ другой комнатѣ. Милости просимъ!

Засыпали вопросами. И сами разсказываютъ, торопливо перебивая другъ друга, смѣшивая вчерашнюю фантазію съ сегодняшнею дѣйствительностью.

Вчера нѣмцы пробовали перейти Вислу ниже Аннополя, стали наводить переправу. Наши допустили навести мостъ до половины рѣки и открыли огонь. Что тутъ произошло! Въ пять минутъ наведенный мостъ разрушенъ, нѣмцы потоплены. И могли только въ безсильной злобѣ сыпать на правый берегъ снарядами, отыскивая русскія батареи.

Уже три дня, какъ нѣмцы бомбардируютъ Аннополь. И сегодня цѣлый день слышались выстрѣлы. Въ Аннополѣ большое имѣніе и домъ хозяевъ. Были тамъ при наступленіи въ Россію австрійцы, потомъ германцы. До сихъ поръ домъ уцѣлѣлъ. Уцѣлѣетъ ли теперь?

— Ужъ разрушили намъ домъ—говоритъ дочь хозяина. И на глазахъ у ней появляются слезы.

— Ну, откуда ты знаешь?—съ неудовольствіемъ возражаетъ отецъ—.Можетъ быть, и цѣлъ.

Спали тѣсно въ полномъ людьми домѣ. И въ тишинѣ ночной изрѣдка слышались глухіе толчки далекихъ выстрѣловъ.

Утромъ мы съ хозяиномъ ѣдемъ въ Аннополь. Слухи тревожны, торопливы и различны: нѣмцы отступили отъ Вислы, нѣмцы перешли Вислу.

Холодный осенній день. Синесѣрыя облака виснутъ надъ землей сплошной крышей, и только къ югу на горизонтѣ свѣтлая полоса неба, осіяннаго изъ-за облаковъ солнцемъ. Туда летятъ съ печальнымъ крикомъ журавли. Пустые фольварки, испуганныя деревни. Недавно здѣсь наступали и отступали австро-германскіе полки. Потомъ, преслѣдуя ихъ, здѣсь же двигались русскія войска. Потоки людей, повозокъ, орудій, походныхъ кухонь не умѣщались на главной дорогѣ. Вдоль дороги по полямъ образовались новыя дороги. Ногами и колесами вырыли картофель, свеклу, морковь, втоптали въ грязь капусту...

На пустыхъ поляхъ, въ долинкахъ видны группы бѣглецовъ изъ привислинскихъ деревень. Захватили, что могли, съ собой на плечи, и бредутъ семьями, сами не знаютъ куда. Присѣли въ мокрой холодной долинѣ отдохнуть и обдумать,—что же дѣлать? Грѣютъ дѣтей. Окаменѣвшимъ отъ холода и горя ртомъ мужикъ жуетъ сухую корку, долго не можетъ проглотить ее и отвѣтить на нашъ вопросъ, Заложилъ за щеку.

— Ну, какъ вь Аннополѣ?

— Охъ, пане, смерть! Вчера разрушило домъ Рушиновица. Снарядъ упалъ въ самый домъ—весь развалился. Хозяинъ раненъ, жена убита. Убитъ еще солдатъ. Убиты Маевичъ, Буракъ, двѣ коровы, Антонъ Пецъ, Гождиковскій.. Имѣніе Якубовица, что къ самой Вислѣ, сгорѣло. Теперь почти всѣ изъ посада ушли. А и не ушли, такъ сегодня уйдутъ.

— А сегодня стрѣляютъ?

— Ни, сегодня пока не слышно. Онъ больше къ вечеру палитъ...

Снова по полямъ окопы. Здѣсь отступавшій непрія-

тель дѣлалъ послѣднія попытки задержаться. Но послѣ краткихъ задержекъ бѣгство его было еще стремительнѣе.

Верстахъ въ четырехъ отъ Вислы, за лѣсомъ—село. Мы остановились въ домѣ помѣщика. У него стоитъ штабъ Н-скаго полка. Всѣ новости, какія зналъ, я долженъ былъ припомнить и разсказать жадно слушающимъ офицерамъ.

— Ну, какъ во Франціи? Какъ Румынія? Турція? Гдѣ же теперь нѣмцы на восточномъ фронтѣ?

Я и не предполагалъ, что такъ много знаю интереснаго. Старался припомнить всѣ подробности міровыхъ событій, какія совершаются теперь каждый день, всѣ предположенія, мнѣнія, разговоры. Они слушали, бросали короткія, энергичныя замѣчанія.

— Да ужъ пусть и Турція скорѣе начинаетъ! Все равно ей умирать!

— И нашимъ и вашимъ, господа болгары. Запутаетесь, братушки!

Есть такой голодъ потревоженной и напряженной души, когда нестерпимо, даже мучительно хочется знать, что совершается въ мірѣ, чтобы согласовать свои дѣйствія, чувства съ дѣйствіями, чувствами другихъ. И если этихъ знаній нѣтъ, тогда люди воображаемое принимаютъ за дѣйствительность до того, что трудно разубѣдить. Вотъ они утверждаютъ, что Краковъ взятъ нашими войсками.

Говорю,—пока еще не взятъ.

— Не можетъ быть. Онъ взятъ.

Стали печальны. Про Аннополь сказали, что сегодня тихо, съѣздить можно.

— Только на горкѣ не задерживайтесь. А то какъ разъ угостятъ съ того берега снарядомъ.

Въ складкахъ песчаныхъ береговъ, по дорогѣ къ Аннополю запало еще нѣсколько деревень. Наконецъ изъ-за холма показался лѣвый берегъ Вислы. Блеснула сѣро-стальная полоса полноводной рѣки. Далеко на югѣ за Вислой клубился великій дымъ, подобный облакамъ. Ужъ вторыя сутки тамъ большой военный пожаръ.

Выѣхали на взгорокъ, открылась долина Вислы, Аннополь и весь лѣвый берегъ. Я знаю, что тамъ стоитъ непріятель и сторожко слѣдитъ, ищетъ уязвимую цѣль на нашемъ берегу. Но я не чувствую враждебности того берега, потому-что онъ молчаливъ и безлюденъ, даже въ бинокль. Виднѣются кубики бѣлыхъ домовъ, мельница, садикъ въ оградѣ, причесанныя соломенныя крыши деревеньки. Далеко, верстъ пять по прямой линіи.

Здѣсь по жнивамъ въ гору ползутъ изъ Аннополя послѣдніе обитатели съ узлами и мѣшками на плечахъ. Идутъ оглядываются, торопятся укрыться въ сосѣдній лѣсокъ. По лощинѣ скачетъ вѣстовой съ донесеніемъ. Онъ тоже торопится проѣхать открытое мѣсто, пригибается въ сѣдлѣ, чтобы быть менѣе замѣтнымъ. Лошадь разстилается по землѣ въ быстромъ бѣгѣ, распушила по воздуху густой хвостъ. Но было все кругомъ такъ мирно и тихо, что казалось страннымъ: зачѣмъ уходятъ плачущіе люди, почему опасливо прячется въ лощинѣ вѣстовой?

Вдругъ съ противоположнаго берега, изъ холодной сиреневой дали, нарушая тишину и мечтательность осенняго вечера, гулко прокатился надъ рѣкой звукъ

пушечнаго выстрѣла. Былъ этотъ гулъ огроменъ, не умѣстился въ широкой долинѣ Вислы, разсыпался по лѣсамъ дробными голосами, точно сразу тамъ раздались тысячи мелкихъ выстрѣловъ.

Сразу враждебенъ сталъ далекій берегъ; холодная тишина дня и свѣтлая полоса неба по горизонту загадочны и тревожны. Кучеръ заторопился, хлестнулъ лошадей. Скорѣе бы укрыться за какой-нибудь стѣной.

Мимо часового мы проѣхали въ помѣщичій дворъ. Былъ онъ широкъ и пустъ; посрединѣ глубокая яма, вырытая снарядомъ. Въ зданіяхъ мелькали фигуры солдатъ.

Наши батареи не отвѣтили. И этотъ первый сегодняшній выстрѣлъ остался на полчаса одинокимъ. Черезъ пять минутъ уже казалось, что произошло какое-то загадочное, но безопасное явленіе природы: кругло и мощно прокатился надъ Вислой громоподобный звукъ и замолкъ.Можетъ быть не повторится? Надо бы пройти въ Аннополь.

— Не совѣтую,—сказалъ мнѣ вольноопредѣляющійся солдатъ.—Скоро пять часовъ. А въ это время они всегда начинаютъ стрѣльбу.

„Если тамъ опасно, такъ и здѣсь опасно! Развѣ знаешь, гдѣ упадетъ снарядъ“?—думаю я, выходя изъ усадьбы.

Саженяхъ въ полутораста отъ усадьбы къ Вислѣ—группа испуганныхъ домовъ Аннополя. Почти всѣ дома заперты, нѣкоторые полуразрушены снарядами. Жутко смотрятъ пустыя окна. Сказочный мертвый городъ. Одинокій пѣтухъ ходитъ на улицѣ, оправляя крылья. Пропѣлъ на свѣтлую полосу неба, долго клокталъ надъ зерномъ, сзывая куръ, но никто не прибѣ-

жалъ. Онъ съѣлъ самъ и, затянувъ пленкой глаза, почесалъ когтемъ красный гребешокъ.

Въ это мгновеніе опять заревѣлъ надъ Вислой звукъ нѣмецкаго выстрѣла. И почти одновременно раздался неподалеку оглушительный взрывъ. Взвился столбъ дыма, земли, штукатурки и черепицы. Точно бисквитный, завалился отъ удара бѣлый каменный домикъ на краю посада. Убѣжалъ съ испуга пѣтухъ.

Чувство тревожной беззащитности охватило меня. Старинный домъ усадьбы все-таки надежнѣе: тамъ стѣны толще. Надо вернуться туда. Возвращаясь, я смотрѣлъ на враждебные берега Вислы. Представлялъ себѣ нѣмецкаго офицера, какъ онъ слѣдитъ за выстрѣломъ въ бинокль. Увидѣлъ развалившійся домикъ и самодовольно сказалъ, мнѣ кажется, нарочно по-русски сказалъ:

— Оччень каррашо!..

И, обернувшись, отдалъ приказаніе по-нѣмецки:

— Дай ему еще одинъ разъ!

Снова гулъ выстрѣла, снова взрывъ, вихрь земли, свистъ разлетающихъ осколковъ.

Въ окнѣ мелькнуло испуганное лицо еврея. Онъ выбѣжалъ изъ дома, заперъ дверь, оглянулся, схватившись ладонями за голову, туда-сюда и, вскинувъ подмышку узелъ съ вещами, побѣжалъ въ гору. Вѣроятно, это былъ послѣдній человѣкъ въ посадѣ.

Когда я подходилъ къ помѣщичьей усадьбѣ, солнце опустилось ниже края тучъ, и всѣ предметы загорѣлись ярко-оранжевымъ свѣтомъ. Стѣны домовъ, телеграфные столбы, стволы сосенъ, камешки на землѣ — одна сторона синяя, другая ярко-оранжевая. Было одно изъ такихъ вечернихъ освѣщеній, которыя не пере-

даются никакими красками и вообще на картинахъ кажутся выдумкой. Можетъ быть и воздухъ надъ Польшей, насыщенный газами отъ пушечной стрѣльбы, сообщалъ солнечному свѣту особенныя краски.

Какъ ярокъ долженъ быть теперь этотъ фантастически освѣщенный берегъ на фонѣ сѣрыхъ тучъ оттуда, съ непріятельскаго берега?! Каждый телеграфный столбъ, каждая труба, каждое дерево стали четкими и точными прицѣлами. И когда я подошелъ къ помѣщичьему дому, дѣйствительно, вблизи и вдали по Вислѣ загудѣли нѣмецкія пушки, обстрѣливая правый берегъ. Наши батареи впервые отвѣтили густыми, слегка звенящими, тяжелыми ударами. Началась почти непрерывная стрѣльба.

Было бы неправдой сказать, что страха у меня не было. Но чувство, охватившее меня, я не могъ назвать только страхомъ. Былъ тутъ еще волнующій восторгъ близкой опасности. Я съ радостью чувствовалъ, что владѣю собой, не спрячусь за сосѣда, не брошусь отъ испуга за уголъ, вообще не сдѣлаю смѣшного движенія, за которое потомъ самому будетъ стыдно. И всѣ чувства мои стали остры,—зрѣніе, обоняніе и слухъ. Всѣ мелочи окружающей обстановки врѣзываются въ памяти, вѣроятно, надолго, если подобныя впечатлѣнія не повторятся. Горячими потоками хлынула по тѣлу кровь; тепло въ рукахъ и во всемъ тѣлѣ, и холодный воздухъ льется въ грудь, какъ прохладительный напитокъ.

Крытая тяжелая галлерея дома хорошо защищаетъ. Здѣсь столпились солдаты, проходятъ офицеры. Послышался близко звукъ летящаго снаряда,—какое-то противное, звонкое жужжанье. Оглушительный взрывъ

около самаго дома. Запахъ дыма и горѣлой глины. Лица всѣхъ умыты волненіемъ, и у солдатъ нѣсколько разбѣгаются отъ нервнаго состоянія глаза.

— Ты чего же за меня прячешься?! — шутитъ съ товарищемъ вольноопредѣляющійся. — А еще артиллеристъ!

— Ну вотъ, прячусь, — безобидно улыбаясь, отвѣчаетъ солдатъ.—Дай въ дверь пройти, капитанъ зоветъ.

Слышится залпъ русской батареи—четыре гулкихъ могучихъ удара безъ перерыва другъ за другомъ.

— Пад-дай имъ хорошенько, такъ ихъ...—радостно вскрикиваетъ солдатъ, ударяя себя по бедрамъ.

Мимо усадьбы тарахтятъ въ гору крестьянскія телѣги. Опять изъ гуловъ орудій вырывается жужжащій звонъ снаряда. Бомба падаетъ недалеко отъ телѣгъ, взрываетъ пустой окопъ и поднимаетъ черное облако земли и дыма. Метнулась съ испуга въ сторону лощадь, кувыркомъ катится телѣга, а между лошадью и телѣгой темнымъ комочкомъ мелькаетъ мужикъ.

— Гони ихъ, чертей, отсюда!—кричитъ часовому офицеръ.—Ѣздятъ тутъ! А тѣ, дураки, думаютъ,—нашъ обозъ, и жарятъ. Не пускать мимо, чтобы духу не было!

Съ грохотомъ телѣги прячутся за стѣны.Одна удираетъ по взгорку, а за ней съ звонкимъ лаемъ бѣжитъ собака.

— Айда картошку ѣсть!—кричитъ изъ рабочаго дома солдатъ.—Картошки сварилъ.Ужинъ когда будетъ...

Рабочій домикъ—не то, что крытая галлерея помѣщичьяго дома: отъ одного выстрѣла развалится. Отдѣлилось нѣсколько солдатъ, пошли ѣсть картошку. Не утерпѣлъ и вольноопредѣляющійся.

— Чортъ съ ними, пусть стрѣляютъ. А картошки поѣсть надо,—говоритъ онъ и бѣжитъ черезъ дворъ, длинноногій и зескладный, какъ молодой жеребенокъ.

Погасло сказочное освѣщеніе, и въ холодный сумракъ осенняго вечера погружались холмы, лѣса, дорога. Но пушки не переставали гудѣть. Съ нѣмецкой стороны звуки, смягченные четырехверстнымъ разстояніемъ. Съ нашей—оглушительны и громадны. Вздрагиваетъ земля и ощутимо сотрясается воздухъ. Ужъ цѣлый мѣсяцъ покрыто облаками надъ Польшей небо и поливаетъ дождемъ разоренную страну. Это пушки дѣлаютъ дождь.

Все обезпокоено, все сотрясено и взволновано небывалой войной—земля и небо, люди и животныя.

Когда мы возвращались изъ посада, за холмомъ въ лѣсу ярко горѣли безчисленными огнями походныя кухни. Ночью онѣ повезутъ на передовыя позиціи солдатамъ ужинъ. Пушки все еще гудѣли, постепенно умолкая. И въ перерывахъ успокаивались, засыпали осеннія поля.

Какъ пасхальный фонарь, свѣтится полотняными стѣнами полевой госпиталь. Вьется на полотнѣ черная, взъерошенная тѣнь. Звонкій голосъ кричитъ:

— Антонъ, доложи! Привезли раненыхъ!..

„Жертва вечерняя“,—думаю я, свертываясь теплѣе въ сидѣньѣ. Въ душѣ одновременно усталось послѣ напряженія, тихая радость, что я живой, и нѣжное состраданіе къ раненымъ.

Разсказъ женщины.

Перваго октября выѣхалъ я изъ Люблина черезъ Кіевъ въ Петроградъ. Съ двухъ часовъ дня до двѣнадцати ночи пассажиры стояли на вокзалѣ плечо къ плечу, ни пройти, ни сѣсть, ждали поѣзда. До Ковеля сидѣлъ въ коррядорѣ, только утромъ изъ Ковеля стало нѣсколько свободнѣе.

Утро ясно и тихо. Блеклолистые лѣса, синева далей. На станціяхъ безлюдно. Дозорные солдаты, сигнальные шесты, обмотанные соломой. Мы постепенно выбирались изъ области, непосредственно захваченной войной. Въ Кіевъ пріѣхали—какая мирная тишина и покой по сравненію съ Варшавой и Люблиномъ!

Въ вагонѣ со мной ѣхала дама съ тремя дѣтьми изъ Люблинской губерніи. Разсказывала, какъ переживали они времена перваго австрійскаго нашествія. Примѣчательный разсказъ женщины умной и наблюдательной! Привожу его здѣсь вкратцѣ.

Ахъ, Боже мой! Потому и не уѣхали мы тогда изъ города, что, вѣдь, не боялись войны! Вы можетъ быть, и не повѣрите, а это такъ. Правда, мужъ мой по должности не выѣхалъ, до послѣдняго дня ждалъ

распоряженія, и не получилъ. Ну, а я съ дѣтьми осталась вмѣстѣ съ нимъ.

И никакого страху у насъ не было. Думали мы: воюютъ и подвергаютъ себя опасности наши братья, мужья, женихи. А мы, женщины, дѣти, старики, мирные жители,—какая намъ грозитъ отъ войны опасность? Война—въ Европѣ. Если и непріятель придетъ—культурные европейцы! Чего бояться?

Господи, смѣшно и стыдно теперь объ этомъ вспоминать! Точно дѣти думали о войнѣ. Будто что-то въ родѣ развлеченія произойдетъ съ вѣжливыми поклонами, деликатностями. А какъ началось все это!..

Страшно, когда придетъ непріятель, жутко, когда и наше войско нахлынуло. Сила пришла, у которой свои порядки и законы... Опасно и тогда, когда никакого войска, никакой власти въ нашемъ городкѣ не было, ни русской, ни непріятельской. И смерть пришла, когда мы очутились въ серединѣ, между нашими и непріятельскими войсками, въ самомъ огнѣ сраженія. Какъ мы живы остались – удивляюсь. Дѣти больны, мужъ совсѣмъ разбитъ, сама измучилась и всего лишились. Теперь, какъ заслышали—опять приближается военная гроза,—все бросили: домъ, остатки имущества, въ чемъ были—уѣхали. Пять дней до Люблина по грязи подъ дождемъ плыли. Только бы унесъ Господь.

Ахъ, даже вспоминать все это, въ памяти наново перебирать страшно!

Пришли къ намъ австрійцы, какъ сейчасъ помню, второго августа. Въ городѣ у насъ были только русскіе казаки. Австрійцы шли на городъ съ трехъ сторонъ: пѣхота, артиллерія. А кавалерійскіе разъѣзды кругомъ стали показываться.

Казачій офицеръ у насъ въ домѣ стоялъ, вечеромъ перваго августа сказалъ, что просилъ помощи пѣхотой. Если не дадутъ—завтра городъ будетъ оставленъ.

— Ну, а вы какъ?—спрашиваетъ.

— Да куда же намъ идти!—говорю.—Вездѣ можемъ на австрійскіе разъѣзды наткнуться, подъ пули попасть. Ужъ въ городѣ лучше.

Утромъ наши казаки ушли, а черезъ часъ времени, не больше, точно учуяли, вошли въ нашъ городокъ австрійцы. Проскакали по улицамъ человѣкъ тридцать, земля дрожитъ. Все мадьяры, черные, сердитые, никто ихняго языка понимать не можетъ. Прямо въ магистратъ проѣхали. Весь народъ по домамъ спрятался, на улицахъ ни души, только собаки бѣгаютъ, да лаютъ.

Собрали они кое-кого изъ жителей города, за моимъ мужемъ прислали. Назначили бургомистра, членовъ магистрата—изъ поляковъ и евреевъ. Офицеръ вынимаетъ часы, показываетъ.

— Вотъ къ этому часу (черезъ два часа) чтобы было двѣ тысячи булокъ. Наше войско придетъ, приготовьте!

— Да гдѣ мы въ такой срокъ возьмемъ двѣ тысячи булокъ?! И двѣсти не найти! Городокъ у насъ маленькій, булочныя съ испугу закрыты. Надо испечь. Къ вечеру приготовимъ.

— А не будетъ готово—вотъ видѣли?!..

Вынулъ револьверъ, приставилъ моему мужу ко лбу. Потомъ отвелъ револьверъ немного въ сторону и выстрѣлилъ.

— Теперь, говоритъ, мимо, а потомъ—въ самый лобъ.

Вотъ и подумайте, какой негодяй! Ну это обошлось

благополучно. Часа черезъ два пріѣхалъ австрійскій генералъ. Мужъ доложилъ, какъ офицеръ требовалъ невозможнаго. Генералъ согласился.

— Онъ, говоритъ, въ часахъ ошибся. Къ вечеру чтобы было!

Ну, къ вечеру-то напекли.

Потомъ нѣсколько дней черезъ нашъ городъ шли австрійскіе войска и обозы. Тутъ было не страшно, только мужу было трудно. Прикажутъ австрійцы приготовить хлѣба, мяса, а гдѣ возьмешь?! Вотъ члены магистрата и мечутся по городу. Австрійцы деньги не за все давали, часто платили расписками. Ужъ хлѣбъ сталъ до двадцати копѣекъ фунтъ доходить. Соли совсѣмъ мало. А подвозу ни откуда нѣтъ. Потомъ начали кое-что изъ Австріи привозить—легче стало. А тогда испугались мы, думали—съ голоду помремъ.

Сидимъ мы всѣ въ домахъ, да въ окошки смотримъ. Пушки, пулеметы, зарядные ящики, кухни, повозки для раненыхъ. Кавалерія, пѣхота, опять пушки, обозы... Лошади у нихъ, какъ львы. Упряжь, повозки—очень хороши. А для раненыхъ въ повозкахъ даже ванны устроены. Ну только потомъ все это ни къ чему оказалось. Какъ повезли къ намъ раненыхъ австрійцевъ, многіе по девять дней безъ перевязки лежали, такъ и умирали. На двѣ тысячи раненыхъ былъ у нихъ одинъ врачъ.

Прошли войска и наступила у насъ тишина: ни русскихъ, ни австрійцевъ. Такъ, повѣрите ли, кажется самое жуткое было время. Когда русскіе уходили, выпустили изъ тюремъ арестантовъ. И остались мы безъ всякаго начальства, безъ защиты. По ночамъ выходить на улицу боялись, почти не спали. Жутко.

Потомъ начались бои, привезли къ намъ раненыхъ австрійцевъ, русскихъ плѣнныхъ. Поселился въ городѣ штабъ австрійскаго корпуса. Начались въ австрійской арміи тифъ и дизентерія, просто завалили нашъ городокъ больными и ранеными. Въ домахъ и на улицахъ лежали, пройти нельзя было. Жарко, смрадъ въ городѣ, гнилымъ мясомъ пахнетъ. По улицамъ ходить трудно.

Русскіе плѣнные помѣщались въ городскомъ саду. Ночью бесѣдки, заборы ломали и жгли, грѣлись, картошку на угляхъ пекли. Намъ подходить къ нимъ строго воспрещалось. Передать что съѣстное можно было. Принесешь булку, передашь черезъ австрійскаго солдата. Онъ разрѣжетъ на куски, тогда передастъ, а цѣлую—ни за что. Только скоро ѣсть почти нечего стало. А тутъ еще двоихъ членовъ магистрата арестовали: еврейскаго раввина и моего мужа. Будто бы раввинъ подговорилъ евреевъ, а мой мужъ—поляковъ провизію спрятать.

Что я тогда пережила! Пошла съ дѣтьми въ штабъ. Дѣтей, видите, у меня: старшей дѣвочкѣ девять лѣтъ, второй—шестой пошелъ, а маленькому четыре года вчера минуло. Думаю, можетъ быть, съ дѣтьми все лучше пропустятъ. Да и не остаются дома одни, маленькіе, а понимаютъ опасность. Сколько труда только добраться къ начальству! Часовой не пускаетъ. А станешь просить доложить—крикнетъ: „zurück!". Офицеръ вышелъ, я къ нему. Смотришь на офицеровъ, вѣдь, видно по лицамъ, что люди образованные, думаешь, какъ не понять людское горе? Нѣтъ, лица строгія замкнутыя,—не до тебя.

Все-таки добилась я, дошла до генерала. Худой высокій, бритый австріецъ. Говорю ему (по-нѣмецки-то я

немного говорю), стою съ дѣтьми, плачу, а кажется мнѣ, что онъ даже и не слушаетъ меня, о чемъ-то другомъ думаетъ, въ бумагу смотритъ. И чувствую я, что такъ ничтожна въ его глазахъ съ дѣтьми и мужемъ со слезами и своимъ горемъ, что страшно мнѣ стало. Закричалъ онъ на меня.

— Вашъ мужъ измѣнникъ! Теперь эта земля австрійская, и вы всѣ подданные австрійскаго императора. А вашъ мужъ не соблюдаетъ нашихъ интересовъ, все думаетъ, что онъ русскій подданный. Потомъ я разберу дѣло вашего мужа, а теперь ничего утѣшительнаго сказать не могу. Идите!

Въ этотъ же вечеръ впервые къ намъ на квартиру пришли жить три австрійскихъ офицера: мадьяръ, полякъ и еврей. Я одна съ малыми дѣтьми, да прислуга старуха. Велѣли сдѣлать обѣдъ. Подала прислуга на столъ, зовутъ меня офицеры. Вѣжливо, но строго и холодно говорятъ:

— Попробуйте!

Я не понимаю, въ чемъ дѣло, спрашиваю:

— Развѣ плохо приготовили?

— Попробуйте!—кричитъ мадьяръ. А полякъ мнѣ подсказываетъ:—„Вотъ ложка, хлебните“.

Поняла я, что отравы боятся. И стыдно мнѣ, и больно, и жутко. Взяла ложку, рука дрожитъ, хлебнула—проглотить не могу. И еще больше пугаюсь: подумаютъ, что боюсь проглотить отъ яду. Ахъ, Господи! Какое униженіе, какой ужасъ между людьми! Такъ призывали они меня пробовать все, что имъ подавали. Дѣти за мной тянутся, плачутъ. Офицеры сердятся, особенно мадьяръ.

— Ахъ, говоритъ, заткните имъ глотки!

Ну, что тутъ скажешь!..

Ночью дѣти уснуть не могутъ, около меня жмутся, И я не раздѣваясь лежу. Вошелъ ко мнѣ въ спальню мадьярскій офицеръ. Я такъ и застыла на мѣстѣ отъ ужаса. Неужели, думаю, и дѣтей не пожалѣетъ, меня оскорбитъ? А маленькій вскочилъ, на него кулачкомъ замахнулся. Слезы на глазахъ, кричитъ:

— Уйди, я тебя не люблю!

Понялъ офицеръ, чего я боюсь. Холодно и строго говоритъ по-нѣмецки:

— Не бойтесь сударыня, я вамъ не сдѣлаю никакого вреда. Я только долженъ осмотрѣть вашу комнату, нѣтъ ли кого, кромѣ васъ.

У меня отъ серца отошло.—Смотрите! Кромѣ насъ и Бога никого не было въ нашемъ домѣ.

Черезъ день на радость и мужа выпустили изъ-подъ ареста. Заставили ихъ съ раввиномъ обращеніе къ жителямъ написать, чтобы не брали лишняго за продукты, ничего не утаивали и всѣми силами старались помочь австрійскому начальству. Офицеры у насъ больше недѣли жили. Обжились, перестали бояться, по-хорошему разговаривали. Уѣдутъ на позиціи, вернутся, разсказываютъ, какъ дѣла. Полякъ говорилъ намъ:

— Пока ничего, наше дѣло идетъ. Погода хорошая, изъ Австріи провизію привезли, пища есть. Но долго мы не выдержимъ, солдаты наши слабые.

И видимъ мы, что дѣла у нихъ къ концу августа все хуже. Потомъ германцы пришли. Тѣ рѣшительны и суровы. Пришли, выбросили изъ одного дома раненыхъ австрійцевъ прямо на улицу, заняли штабомъ. А тутъ ужъ вскорѣ и битва вокругъ нашего города началась.

Вечеромъ 29 августа вернулись офицеры съ позицій печальные. Говорятъ:

— Кажется, плохо наше дѣло, отступаемъ. Уходили бы вы отсюда! Здѣсь навѣрное будетъ бой.

Хорошо сказать—уходите! А куда уйдешь? Тогда-то ужъ ушли бы, да некуда.

Съ утра тридцатаго начали въ нашемъ городѣ русскія шрапнели рваться. Около нашего дома на улицѣ лошадь убило. Взвилась она на дыбы, да объ землю грянулась. Часа два землю грызла,—издохла.

Австрійцы поспѣшно отступали. Обратнымъ порядкомъ бѣжали пушки, пулеметы, обозы. Все смѣшалось. Вышли и германцы. И началась надъ нашимъ городомъ перестрѣлка изъ орудій.

Цѣлую ночь мы, нѣсколько дамъ, — я, докторша, мировиха, аптекарша, жена одного торговца, прислуга наша—у насъ на дворѣ яму рыли. Глядите, вотъ мозоли, еще до сихъ поръ не сошли, кровью руки сочились. Вырыли мы яму глубокую, навалили бревна, насыпали землей потолокъ аршина два толщиной. Откуда сила и смекалка взялись! Входъ сдѣлали кривой, чтобы пули и шрапнели не залетали. Къ утру туда и переселились съ дѣтьми, захватили, что могли, пить-ѣсть.

И начался надъ нашимъ городомъ адъ. Ужъ какими словами разсказывать этотъ кошмаръ и не знаю. Знаю, что было, а такъ и до старости мнѣ будетъ казаться, что видѣла я какой-то необыкновенный и ужасный сонъ. . . . .

Гудѣла земля, раздавались надъ нами взрывы. Начались пожары. Около насъ горѣла больница съ ранеными. Кои могли, уползли, а человѣкъ шесть такъ

тамъ и сгорѣли. Одинъ мадьяръ приползъ на нашъ дворъ, легъ на солнышкѣ на крышѣ нашего погреба. Тутъ его шрапнелью и добило.

Нѣмцы зажгли склады, костелъ. Костелъ-то ограбили, но потомъ эти вещи у нихъ наши войска отбили. Дома горѣли близко около нашего погреба. Стало въ погребѣ жарко и дымомъ полно, дышать нечѣмъ. Думали — задохнемся. Всѣ дѣти глазами заболѣли отъ сырости, дыму и темноты. Ночью мужъ мой вылѣзъ, подрубилъ и повалилъ сосѣдніе заборы, чтобы ужъ совсѣмъ до насъ огонь не дошелъ.

Сидимъ мы сутки, двое. Молчимъ. О чемъ же разговаривать? Дѣти плачутъ; прижмешь ихъ къ себѣ и сама съ ними втихомолку поплачешь.

Въ перерывахъ стрѣльбы немного задремлешь. Вдругъ — трpахъ! Разорвется снарядъ поблизости. Вскочатъ всѣ, какъ безумные. Проснутся, заплачутъ дѣти... Думали—всѣ сѣдые вылѣземъ на свѣтъ Божій, если только придется вылѣзти.

На третьи сутки слушаемъ, будто выстрѣлы съ новой стороны почудились. Говорю мужу:

— Слышишь, выстрѣлы съ новой стороны?

— Нѣтъ,—говоритъ,—это тебѣ показалось.

Прислушались, — въ самомъ дѣлѣ такъ. И съ нѣмецкой стороны прекратилась стрѣльба изъ орудій. Только, ружья щелкъ-щелкъ. Выползли мы, ослѣпли отъ солнца. Приглядѣлись,—на взгоркѣ солдаты. Долго повѣрить не можемъ, что русскіе. Нѣмцы сходны съ русской пѣхотой. Бѣгутъ ближе—видимъ, дѣйствительно наши. Зашли русскіе съ фланга, германцы отступили, и стрѣльба прекратилась,—вотъ что случилось.

Прибѣжали наши въ городъ, какъ море залили всѣ

улицы. А мы все еще какъ изъ погреба вылѣзли, такъ кучкой и стоимъ, не расходимся. Плачемъ и руками машемъ. Кричимъ:

— Сюда, сюда!

А къ чему «сюда»,—сами не знаемъ. Подбѣжали къ намъ гвардейцы, спрашиваютъ:—Что кричите? — Говоримъ: „Милые, спасители". Они покурить попросили и убѣжали дальше.

Ну, только наши страданія не кончились. Ушли нѣмцы, пришли русскія войска. Начались отъ страха доносы: евреи на поляковъ, поляки на евреевъ, другъ друга обвиняли въ расположеніи къ австрійцамъ и къ германцамъ. Господи, а какое ужъ тутъ расположеніе— смерть наша была! Всѣ-то мы жалкіе, всѣ несчастные, отъ страха смерти покорялись.

Опять моего мужа арестовали и другихъ поляковъ, того же раввина и нѣсколько евреевъ. Обвиняли въ томъ, что служили австрійцамъ. А какъ они могли бы не исполнять приказаній?! За обращеніе къ жителямъ винили. А какъ они могли не подписать?.. Разсказать вамъ невозможно, что тутъ я пережила. Горько, обидно, больно... Ну, мужъ мой какъ-какъ отъ смерти ушелъ, а раввина съ двумя евреями повѣсили.

Вотъ теперь нѣмцы близко появились, за Вислой стоятъ. Такъ ужъ мы куда глаза глядятъ убѣгаемъ. Милостыню будемъ просить, гдѣ-нибудь въ богадѣльнѣ жить, только чтобы снова того же не пережить. Не снаряды даже страшны, не смерть, а унизительное состояніе: точно вчера были мы, мирные жители, люди, а теперь—тараканы, или просто соръ, который мѣшаетъ и надо его подмести.

Не могу сказать, чтобы кто-нибудь жестоко съ

нами обращался. Безсмысленной жестокости, если разобраться, ни отъ кого мы не видѣли. Ну, а все-таки намъ беззащитнымъ и слабымъ худо. Между вооруженными мы, какъ червяки на дорогѣ. Невзначай наступитъ прохожій сапогомъ и раздавитъ, развѣ отъ жестокости?! Да, вѣдь, онъ даже и не замѣтилъ червяка подъ ногой! А и по желанію раздавитъ, такъ для того, чтобы не мѣшалъ!..

Вотъ въ какомъ мы положеніи были. Ахъ, тяжелое дѣло война! По-моему, лучше быть солдатомъ, съ оружіемъ въ рукахъ сражаться, каждую минуту жизнью рисковать, чѣмъ вотъ такъ мирнымъ жителемъ остаться. Куда труднѣе мирному-то жителю!

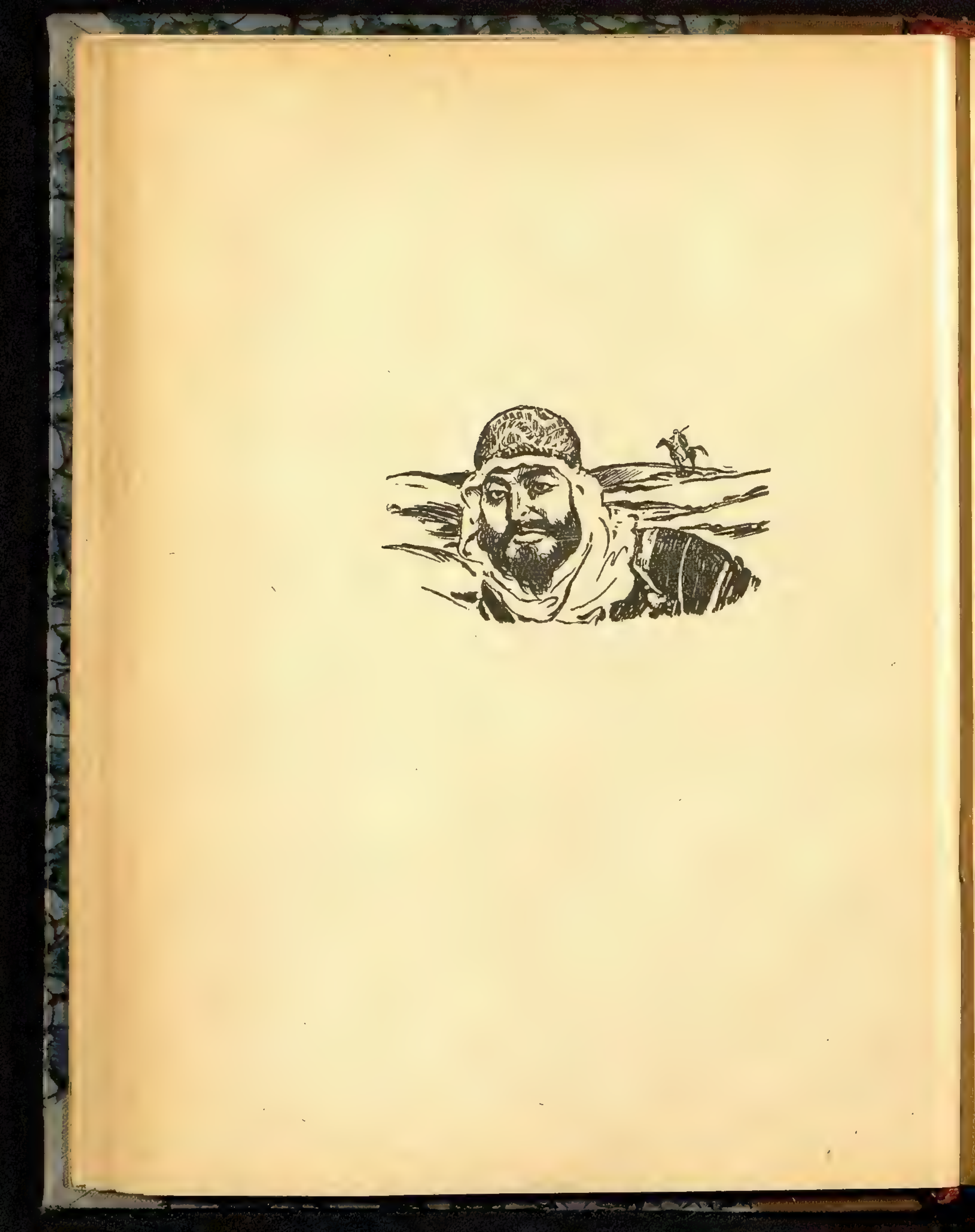

II

Ноябрь и декабрь 1914 г.

Кавказъ.

Отъ Новороссійска до Батума.

I.

Я мѣняю „фронтъ“, переѣзжаю съ запада на далекій кавказскій югъ.

Когда удобно ѣдешь, качаешься въ вагонѣ двое и трое сутокъ, поневолѣ настраиваешься созерцательно, какъ индусъ на молитвѣ. И великія передвиженія армій, разгромы городовъ, вытоптанныя поля, пропитанная по широкимъ „линіямъ“ военныхъ столкновеній кровью земля—все это представлялось мнѣ въ вагонѣ какъ бы уже давно прошедшимъ, историческимъ: вотъ была великая европейская война, возникла стихійно и закончилась, какъ борьба стихій: обѣ ослабѣютъ, но побѣдитъ которая-нибудь одна...

Я вспомнилъ, какъ въ 1908 году лѣтней іюльской ночью на о. Капри у М. Горькаго мы сидѣли нѣсколько человѣкъ. Яркія созвѣздія на южномъ небѣ и яркія созвѣздія рыбацкихъ огней на морѣ. Разговоръ на террасѣ шелъ о растущемъ человѣческомъ братствѣ, о великой самобытности, красотѣ и силѣ русской литературы. Но почему то зашла рѣчь о войнѣ, и Горькій упорно твердилъ:

— А все-таки война скоро будетъ въ Европѣ. Больша-ая война, страшная!

Даже пари держали, Горькій съ кѣмъ-то, кажется на книги, что въ теченіе пяти лѣтъ въ Европѣ будетъ-не будетъ война.

Тогда я только что впервые проѣхалъ по нѣмецкимъ странамъ и находился подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ тупого самодовольства и гордости нѣмецкой культуры. Нескладное могущество камня, стали, бронзы и желѣза и ничтожество духовныхъ запросовъ. Былъ моей душѣ враждебенъ весь нѣмецкій міръ, и въ этомъ внезапномъ спорѣ о войнѣ людей мирныхъ и невоинственныхъ я тогда внутренно охотно склонялся къ утвержденію, что „великая война скоро будетъ“. Въ этой войнѣ я не представлялъ себѣ иныхъ противниковъ, какъ русскіе и нѣмцы. Это — самые несходные народы на земномъ шарѣ.

Вотъ какъ думалъ и вспоминалъ я въ вагонѣ, забывая объ ужасахъ сегодняшняго дня, даже вотъ этихъ часовъ и минутъ. Но одно во мнѣ было уже несомнѣнно, и это я везу съ собой, въ этомъ живу и буду жить до смерти: я уже не могу по старому воспринимать европейскую культуру, ея, казалось до сихъ поръ, такія надежныя слова и духовныя цѣнности. Всѣ европейскіе народы предстали мнѣ въ новомъ свѣтѣ, и я смутно предчувствую, что эта страшная война перевернетъ всѣ наши старыя понятія о жизни и людяхъ, заставитъ наново переоцѣнить всѣ цѣнности философіи, морали, даже религіи...

И вотъ, какъ откликъ моихъ думъ, я съ волненіемъ слышу, какъ послѣ долгихъ разговоровъ и споровъ о войнѣ мой сосѣдъ по вагону, старый чиновникъ съ про-

куренными табакомъ бѣлыми усами, возбужденно кричитъ, ударяя кулакомъ по колѣнкѣ:

— Въ переплетъ! Теперь надо всеё жизнь наново въ переплетъ!..

Мнѣ кажется, что старика волнуетъ та же самая новизна жизнеощущенія, вызванная войной. Мнѣ хочется подробнѣе узнать о порядкѣ его „переплета“.

— Да что же переплести?—спрашиваю его.

Онъ въ подробностяхъ путается—чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

— Все переплести!—кричитъ онъ сердито.—Нѣмцевъ переплести,—будетъ ужъ, долго имъ вѣрили, какъ на людей, сукиныхъ сыновъ, надѣялись. Довольно!.. Самимъ жить дружнѣе надо—вотъ оно что. А то велики мы, а нескладны. „Га-а, го-о!“ Каждый оретъ свое, а дѣла не дѣлаетъ... Ахъ, до чего мнѣ эти политическія слова надоѣли!..—поморщился онъ и замоталъ головой, точно проглотилъ что-то отвратительное.—Ну, и за духовенство надо приняться! – неожиданно перескочилъ онъ.

— Да почему же духовенство?—спрашиваю я, стараясь понять темную связь его мысли.

— Духовенства-та?!—раскрылъ онъ на меня изумленные въ красныхъ складкахъ вѣкъ глаза. — Э-э, не говорите! Духовенства много значитъ! Ну, и учителя тоже... Всѣхъ надо переплести!

Въ Тифлисъ на войну ѣдетъ нѣсколько юношей-студентовъ. Къ этимъ то я внимательно присматривался, прислушивался къ ихъ рѣчамъ. Особенно одинъ мнѣ понравился: милое, открытое лицо, располагающій голосъ и всегда улыбается, точно не можетъ забыть что-то очень радостное.

— Почему на войну поѣхали?--спрашиваю его.

Начинаетъ разсуждать о выгодахъ. Вотъ онъ пробудетъ четыре мѣсяца въ военной школѣ, а потомъ три мѣсяца прапорщикомъ на войнѣ—такъ и отбудетъ воинскую повинность. Семь-восемь мѣсяцевъ — не два года... А въ общемъ оставилъ институтъ потому, что «нельзя заниматься».

— Даже совсѣмъ невозможно. Пробовалъ усердно учиться,—ничего не выходитъ. Написалъ отцу — хочу на войну пойти. Онъ отвѣтилъ — согласенъ. Вотъ и ѣду...

Но, повидимому, и самъ онъ чувствуетъ, что чего-то главнаго не объяснилъ. Помолчавъ немного, добавляетъ:

— Въ прошломъ году было какъ-то сѣро, скучно. А теперь все оживилось. Интересно стало жить! Даже и смерть не страшна.

Ближе къ Новороссійску пустѣли вагоны. Проснувшись утромъ за Екатеринодаромъ, я увидѣлъ, что остался въ спальномъ вагонѣ одинъ. Тихи желѣзнодорожныя станціи и звонко отдаются въ горахъ свистки паровоза.

Видѣли ли вы, какъ громыхающая телѣга распугаетъ на токовинѣ голубиную стаю? Завернется пологомъ стая, разлетится во всѣ стороны, и потомъ робко по одиночкѣ собираются птицы на прежнія мѣста... Такъ и война по всѣмъ границамъ пугаетъ мирное населеніе.

Вначалѣ изъ приморскихъ городовъ Чернаго моря выѣзжали жители и дачники еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда только что началась война. Второй испугъ — обстрѣлъ Новороссійска, Ѳеодосіи, Севастополя и Одессы, 16 октября. И третій, самый послѣдній испугъ—обстрѣлъ

Поти, 26 октября. Каждый разъ встревоженно поднимались съ насиженныхъ мѣстъ стаи мирныхъ жителей.

Но „послѣ битвы храбрыхъ больше", говоритъ арабская пословица. Жители собираются на свои мѣста, и жизнь входитъ въ старую колею.

Въ уличной толпѣ Новоросійска почти нѣтъ женщинъ; снуютъ школьники, оживляя, какъ птицы зимній лѣсъ, опустѣвшіе тротуары. Много семей еще внѣ города, но дѣловое мужское населеніе вернулось къ своимъ занятіямъ. И дневное впечатлѣніе отъ Новороссійска – городъ какъ городъ. Только видъ сгорѣвшихъ и свернувшихся, какъ бумага, керосиновыхъ и нефтяныхъ цистернъ у вокзала и на участкѣ «Русскаго Стандарта» напоминаетъ о томъ, что военная гроза прошлась по Новороссійску вплотную.

Между старымъ и новымъ городомъ по набережной громыхаютъ возы, снуютъ люди, поглядывая въ туманныя дали зеленаго враждебнаго моря. У пристаней отъ непріятельскихъ выстрѣловъ осѣли въ водѣ два торговыхъ парохода: «Николай»—Русскаго о-ва лежитъ на боку; «Friderix»—англійскій грузно опустился на дно по самые борты. Большой голландецъ не тронутъ, какъ пароходъ невоюющей державы, а за нимъ укрылся тогда отъ выстрѣловъ и русскій.

Ночью жутки темныя улицы; по тротуарамъ почти сталкиваются другъ съ другомъ прохожіе. Темная гавань и темный амфитеатръ города надъ шумнымъ темнымъ зимнимъ моремъ.

II.

Изъ Новороссійска на Геленджикъ, Джубгу, Туапсе выѣхалъ я 7 ноября, какъ потомъ выяснилось,—въ то

самое утро, когда турецкій броненосецъ „Гамидіе“ обстрѣливалъ Туапсе. И это обстоятельство наложило особый отпечатокъ на настроеніе всего моего пути по черноморскому берегу: я ѣхалъ навстрѣчу тревожнымъ слухамъ, идущимъ отъ станицы къ станицѣ.

Война! Все и всюду полно войной. Ничтожное и великое, трагическое и смѣшное—все отъ войны и къ войнѣ. И въ нашей четырехмѣстной коляскѣ, какъ въ малой каплѣ водъ, отражаются тѣ же настроенія и мнѣнія, какія волнуютъ и весь русскій народъ. Насъ четверо: отставной чиновникъ съ молодымъ персомъ—на передней скамейкѣ; мы съ дамой, торговкой изъ Геленджика — въ кузовѣ коляски. Кучеръ изображаетъ пугливую толпу: не успѣли мы за городъ выѣхать, ему показался въ морѣ миноносецъ. Даже лошадей пріостановилъ.

— Миноноска турецкая! Гляньте, господа!

— Пшелъ-пшелъ, чего тутъ—миноноска! Гдѣ миноноска?—сердится чиновникъ.

Онъ раздраженъ, что не имѣетъ мѣста въ кузовѣ.

— Я тебѣ говорилъ, чтобы мнѣ въ кузовѣ сидѣнье!..

— Да, вѣдь, нѣтъ же, вашбродь! — почтительно наклоняется къ нему кучеръ, стараясь тономъ украсить неудобства передняго сидѣнья.

Бакинскій персъ ѣдетъ изъ Константинополя. Онъ вырвался оттуда дня за два до объявленія войны; направляется домой, но ему зачѣмъ то надо заѣхать въ Туапсе. Черными влажными глазами онъ весело смотритъ на море, горы, усмѣхается своимъ мыслямъ и щелкаетъ языкомъ:

— Ну вотъ ужъ и война!—восклицаетъ онъ, огля-

дывая пустое море.—Ни одного парусочка не бѣлѣетъ! Ть-ть-ть.

Шоссе вьется по крутымъ склонамъ горъ надъ моремъ, ныряетъ въ ущелья. Виноградники, сады, пустыя дачи. Опали лѣса, и шоссе усыпано дубовымъ, буковымъ и кленовымъ листомъ. Море, насколько видитъ глазъ, пустое. И отъ пустоты—непривѣтливо, какъ Ледовитый океанъ.

У перса много мыслей и плановъ о войнѣ, ему хочется ихъ высказать. Онъ гибокъ, восторженъ и общителенъ, какъ молодой сеттеръ, и, обращаясь то ко мнѣ, то къ чиновнику, разсуждаетъ:

— И очень просто сейчасъ эту Турцію разбить. Россіи самой и ручки марать не надо. Съ одной стороны — Румынія, съ другой — Болгарія. Турціи капутъ!

— А ты поди-ка, заставь ихъ!—сердито оборачивается къ нему чиновникъ. Коричневая просторная кожа натягивается у него вдоль глотки косыми складками и нижняя губа отвисаетъ презрительнымъ ковшичкомъ.

— И очень просто!—обрадовался персъ.—Болгаріи сказалъ—вотъ тебѣ Македонія и Адріанополь. Румыніи сказалъ—вотъ тебѣ Бессарабія за это. Турціи конецъ, завтра конецъ!

— Эдакъ ты всю Россію раздашь!—презрительно отвернулся чиновникъ.—То-оже, министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Ламздорфъ...

Персъ забезпокоился отъ невысказанныхъ мыслей.

— Зачѣмъ отдать? Совсѣмъ отдать—никакъ нельзя! Потомъ отнять, непремѣнно отнять!..

Такого оборота мысли никто не ожидалъ. Даже

кучеръ качнулъ шапкой. Старикъ засмѣялся, точно засипѣли старинные стѣнные часы, только посипѣли, а не ударили.

— Ахъ ты, вотъ такъ дипломатъ! Это, значитъ по-персидски!—уже ласково обернулся онъ къ персу.

Въ фаэтонѣ стало весело и дружно. Женщина жалуется на свое положеніе: мужъ на войнѣ, осталась одна; дѣти, торговля. Недавно письмо писала матери въ Екатеринодаръ:

„Милая матушка! Пріѣзжайте, поглядите, какъ живу одна съ дѣтьми, наведите порядокъ. Какъ вы больше моего жили, а я молодая, жить не умѣю (плачетъ). И одна осталась на морскомъ берегу. Турецкіе корабли мимо насъ ходятъ, съ пушками!.. Совсѣмъ я несчастная (рыдаетъ). Но только турокъ вы, матушка, не бойтесь (успокаивается, утирая слезы). Мнѣ и мужъ пишетъ съ войны: „Сиди на своемъ мѣстѣ, турка не бойся и никуда не бѣгай. Турокъ не страшенъ намъ; побьемъ нѣмца, а турецкое озорство—два дня работы, и духу его не станетъ“! Есть которые глупые люди,—убѣжитъ, потомъ назадъ ѣдетъ. И самъ не знаетъ, куда дѣваться. А я ужъ такъ и сижу на своемъ мѣстѣ, никуда не уѣзжала, да и не уѣду, хоть вотъ онъ совсѣмъ близко подходи, турокъ. Не можетъ быть, чтобы онъ на берегъ осилился сойти. Женщина я, можетъ, глупая, а этому повѣрить никакъ не могу“...

Насчетъ турецкаго десанта чиновникъ сначала возражаетъ дамѣ, потомъ соглашается. Вообще, сначала онъ на все возражаетъ и не признаетъ выше своего никакихъ авторитетовъ. У него имѣются фантастическія свѣдѣнія о дѣлахъ и разговорахъ лицъ высо-

кихъ, и передаетъ онъ это такъ увѣренно, точно самъ все видѣлъ и слышалъ. Онъ подавляетъ насъ важностью сообщеній и отъ удовольствія шутитъ съ кучеромъ:

— Ну что, Ѳедоръ, обгоняетъ насъ миноносецъ?

Переговоривъ, казалось, все о войнѣ, но не высказавъ и тысячной доли того, что есть въ душѣ, мы молчимъ.

— Все генера-алы! — задумчиво говоритъ чиновникъ.

— Какіе генералы?

— Да вотъ владѣльцы дачъ здѣсь генералы. Пусто теперь... Чай, многіе на войну пошли.

И въ связи своихъ соображеній черезъ нѣсколько минутъ добавляетъ:

— Поди, которыя усадьбы послѣ войны и въ продажу пойдутъ...

Въ Геленджикъ пріѣхали вечеромъ. Широко и плоско легло по берегу большой круглой бухты селеніе, защищенное со всѣхъ сторонъ горами. Среди садовъ и лѣсовъ разбросаны нарядныя дачи. Уткнувшись носомъ въ мель, одиноко во всемъ заливѣ дымитъ пароходъ Русскаго Общества. Когда я подъѣхалъ къ дверямъ гостиницы, уже плотно закрывались выходящія на море окна и двери. Въ комнатѣ пустой гостиницы численникъ оторванъ по 16 октября— день бомбардировки Новороссійска. Очевидно, послѣ того здѣсь никто не былъ.

Въ Геленджикѣ еще ничего опредѣленнаго не знали о событіяхъ въ Туапсе, но настроены были тревожно. Они учуяли бѣду. Говорятъ, даже нѣкоторые слышали утромъ гулы орудійной стрѣльбы, и

утверждаютъ, что это — турецкіе броненосцы около Туапсе. Трудно допустить, чтобы были столь явственны гулы орудій за сто верстъ по прямой линіи, но здѣсь угадали событіе даже до подробностей. Это какая-то особая, почти звѣриная чуткость людей, сжившихся съ горами и моремъ.

Люди сходились на улицахъ группами, разсуждали долго и страстно, —какъ можетъ онъ напасть, какъ можно его отразить, задать ему...

— Да онъ ночью къ намъ не придетъ!

— Почему?

— Потому... Нельзя ночью. Придетъ такъ утромъ, когда и не ждемъ...

Въ срединѣ группы священникъ и старикъ съ сѣдой бородой. Говорятъ о нѣмцахъ, какъ и въ Россіи и у себя дома они набирались силъ, готовясь къ войнѣ съ нами. Окружающіе слушаютъ жадно, подтверждаютъ. Встревожены, но не угнетены, а скорѣе возбуждены къ дѣятельности, такой же дѣятельности, какъ и у нѣмцевъ.

Становилось нестерпимо отъ этого непрерывнаго напряженія народной души, ожиданія, раздраженія, надеждъ, почти—помѣшательства на одной мысли—о войнѣ. Не сидѣлось въ гулкой пустой гостиницѣ, и я нѣсколько разъ выходилъ на темныя улицы.

Широкая бухта въ раковинѣ высокихъ горъ темна. Только рѣдкіе, сквозь занавѣску огоньки, — какъ свѣтлая паутина во мракѣ. Зловѣще шурша галькой, вставала и билась о берегъ рѣдкая волна, давая звукъ отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. На берегу стоялъ парень и озабоченно всматривался въ сумракъ морскихъ далей.

— Говорятъ, съ берега по ночамъ сигналы бываютъ,— пояснилъ онъ свое наблюдательное состояніе.—Красный, зеленый, голубой свѣтъ... Только бы мнѣ углядѣть, я бы его, стерву, накрылъ. У меня не ушелъ бы...

Восьмого ноября утромъ—дальше на почтовыхъ. На станціи Михайловскій Перевалъ затрудненіе номеръ первый: въ ожиданіи большихъ почтъ, не даютъ лошадей. Справились у начальника почтоваго отдѣленія—говоритъ, нельзя. Вотъ и самъ онъ пришелъ на станцію. Я назвался. Онъ смилостивился, разрѣшилъ отправить. Крикнулъ кучерамъ - татарамъ, которые возились около лошадинаго копыта:

— Чья очередь?

— Моя! — отозвался одинъ, выглядывая изъ - за лошади.

— Запрягай, отвези господина! Только къ четыремъ часамъ быть здѣсь...

Пухлымъ пальцемъ, перетянутымъ золотымъ кольцомъ, онъ показалъ передъ собой въ землю. Татаринъ вытянулся изъ-за хвоста, поглядѣлъ, куда направилъ палецъ чиновникъ, и пошелъ запрягать.

Чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе и тревожнѣе были слухи о бомбардировкѣ Туапсе. Дорога глуше въ горы—темнѣе и пугливѣе слухи. У моря яснѣе и какъ бы не такъ страшно: можно издали замѣтить приближающуюся бѣду.

Послѣднюю станцію до Джубги ѣхалъ я ночью на обывательскихъ лошадяхъ. Темныя горы кругомъ, сѣрая лента шоссе. Изрѣдка дорога ныряетъ въ рѣшетчатые тоннели мостовъ, переброшенныхъ черезъ горные потоки. Лошади топорщатся, не хотятъ идти. Около Джубги на мосту остановилъ насъ часовой.

— Кто такіе?

— Свои,—испуганно отвѣтилъ кучеръ.

Часовой опросилъ подробно — кто, откуда, куда ѣдетъ, пощупалъ въ телѣгѣ багажъ и пропустилъ. Выѣхали на улицу къ морю. Тамъ ходили вооруженные дозоры. Море шумѣло. И было почти ощутимо, что гдѣ-то, грузно качаясь на волнахъ, ходятъ въ холодномъ туманѣ, ищутъ другъ друга броненосцы, пугаютъ по берегамъ населеніе, разрушаютъ города. Холодная каменная чашка Чернаго моря стала ненадежной и тревожной повсюду.

Ночлегъ нашли въ армянской кофейнѣ. Хозяинъ провелъ меня въ домъ со двора, потому что передняя дверь къ морю не открывается ночью совсѣмъ, чтобы даже на секунду не блеснулъ огонь въ темныя дали. Вылъ въ ставняхъ вѣтеръ, шумѣло море. И хозяинъ испуганнымъ голосомъ разсказывалъ о бомбардировкѣ Туапсе (здѣсь уже знали объ этомъ). Спрашивалъ совѣта, уѣзжать ему съ семьей или нѣтъ? Я понималъ, что ему не хочется покидать домъ, лавку, сказалъ:

— Зачѣмъ же уѣзжать? Вѣдь по частнымъ домамъ турки не стрѣляютъ.

— И я то же говорю!—радостно согласился онъ.— Вотъ это вѣрно! Куда поѣдешь? На всемъ свѣтѣ война,—гдѣ спрячешься? Уфъ! Страшно стало жить на землѣ.

Долго молчимъ, слушая шумъ моря. Въ тишинѣ съ потолка къ освѣщенному столу спустился на паутинкѣ паучекъ. Хозяинъ заволновался вопросомъ— какое добро предвѣщаетъ онъ этому дому? Осторожно перевелъ за паутинку паука на полъ и раздавилъ его

ногой. И отъ этого наивнаго суевѣрія въ душу пахнуло холодомъ первобытной человѣческой беззащитности и неуюта. Почему ему не порадоваться появленію паука, если все человѣческое на земномъ шарѣ стало тревожно и непрочно?..

Скорѣе спать, отдохнуть отъ тревогъ, сомнѣній и вопросовъ.

Отъ Джубги до Туапсе восемьдесять съ лишнимъ верстъ ѣхалъ я на крестьянской телѣгѣ круглыя сутки. Шелъ дождь. Маленькія лошадки, высотой съ телѣгу, плетутся шагомъ, семенятъ вынужденной рысью только подъ гору. Ночью стало холодно и темно. Стучатъ по шоссе колеса, а куда ѣдемъ — ничего не видать. Дремлетъ кучеръ и, просыпаясь, кричитъ на лошадей испуганнымъ и жалостнымъ крестьянскимъ голосомъ всегда одни и тѣ же слова:

— Но-ка, вы, впередъ!

Отъ этого повторенія дорога кажется безконечной.

Въ палаткѣ на телѣгѣ тихо, можно даже зажечь свѣчу, почитать старую газету о войнѣ, о подвигахъ, о великомъ волненіи народовъ всего міра. Но вдали щелкнулъ ружейный выстрѣлъ. Не по нашему ли странному, движущемуся въ горахъ огню? Затушилъ свѣчу и дремлю, весь во власти явленій пережитого. И уже кажется, что это мнѣ кто-то кричитъ испуганнымъ и жалостнымъ голосомъ: „Но-ка вы, впередъ!“ Я тороплюсь, дѣлаю усилія бѣжать впередъ и просыпаюсь. Крякаетъ отъ холода кучеръ. Слышитъ, что я не сплю, спрашиваетъ:

— А какъ, по вашему, господинъ, побѣдимъ мы этого нѣмца, али нѣтъ?

Говорю—непремѣнно побѣдимъ!

— Мнѣ и сынъ съ войны пишетъ, что побѣдимъ. Вотъ тогда наше сердце будетъ веселое...

Въ Туапсе пріѣхали десятаго къ полудню. Падалъ снѣгъ, и разстроенный нападеніемъ непріятеля городокъ выглядѣлъ непривѣтливо. Поврежденій турецкіе выстрѣлы причинили мало. Было на морѣ большое волненіе, и «Гамидіе» не могъ брать прицѣла, торопливо и безпорядочно разбрасывалъ снаряды по городу и окрестностямъ.

Въ „Метрополѣ“ нельзя было останавливаться: холодно въ номерахъ. Одинъ снарядъ попалъ въ крышу гостиницы, разрушилъ часть задней стѣны и одну комнату третьяго этажа, пробилъ потолокъ во второй этажъ и ранилъ сестру милосердія, денщика и собаку.

Остановился въ «Европѣ» на самомъ берегу порта. Зеленое море, снѣжные берега. До самаго горизонта перекатываются на просторѣ тяжелые валы.

Въ Таупсе, конечно, только и разговоровъ, что о недавнемъ событіи. Говорятъ, разсказываютъ и сами еще не могутъ вполнѣ повѣрить въ то, что было.

— Своего ждали. Глядимъ—катитъ! Обрадовались. А онъ обернулся бокомъ, да какъ бахнетъ! По улицамъ дзы-нь...

— Шашнадцать буша-акъ! Съ одного боку шашнадцать, да съ другого боку шашнадцать. Хахъ ты, Азія!

III.

Черноморское побережье Кавказа—природная крѣпость, у которой есть лишь нѣсколько узкихъ входовъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и высокихъ переваловъ. И даже слабая защита обезпечиваетъ этой естественной твердынѣ полную неприступность. Особенно зимой. Вонъ

они, бѣлки горъ! Совсѣмъ близко придвинулись къ морю, спустились до зелени лѣсовъ. И ледники, и голыя скалы покрылись вчерашнимъ слоемъ чистѣйшихъ снѣговъ. Отъ ихъ сверканія бѣлѣютъ волны моря.

На внѣшней сторонѣ этой величественной крѣпостной стѣны протянулась узкой лентой Черноморская губернія, губернія дачниковъ.

Несмотря на свою почти полную для мирнаго населенія безвредность, выстрѣлы устрашаютъ шумомъ и грохотомъ, устрашаютъ такъ же, какъ впервые устрашаетъ всякая новая опасность: чума, холера, рѣдкая новая болѣзнь. И въ первый мѣсяцъ войны на Черномъ морѣ нервная дачная губернія испугалась.

Изъ Туапсе въ Сочи хотѣлъ я выѣхать пароходомъ онъ отправлялся вдоль побережья съ продуктами. Но въ ночь на 13 ноября въ городѣ произошла тревога: въ морѣ показались огни, и пароходъ отложилъ на сутки свой отходъ. Неувѣренный въ срокѣ отъѣзда съ пароходомъ, я выѣхалъ автомобилемъ.

Никогда черноморское шоссе не знало такого движенія, какъ въ эти дни. Мы постоянно встрѣчаемъ телѣги, коляски, дилижансы, линейки, полные людьми и вещами. Ѣдутъ и везутъ на лошадяхъ, на буйволахъ, коровахъ, въ автомобиляхъ, ѣдутъ верхомъ, идутъ пѣшкомъ.

Въ с. Лазаревскомъ встрѣтили больше десятка казенныхъ и частныхъ автомобилей изъ Сочи: ѣдетъ отрядъ сестеръ милосердія, командированный въ Екатеринодаръ; постоянные жители Сочи и Гагръ, владѣльцы дачъ и имѣній выѣзжаютъ во внутреннія губерніи.

Съ нами въ автомобилѣ ѣдетъ къ мужу въ Сочи дама. Настроена героически и восторженно. Она не

боится никакихъ турокъ, будетъ жить въ Сочахъ всю зиму. Она болтаетъ наивный и пріятный вздоръ. Рѣчь идетъ почти о войнѣ, но какъ будто и не о войнѣ.

Кончился свѣтлый день, наступилъ лиловый вечеръ. На дорогу выходятъ зайцы.

Послѣ перваго же зайца дама стала молиться: «Господи, только бы не къ худу!» И ужъ недалеко отъ Сочи встрѣтила съ возомъ мужа.

— Петя, ты? — закричала она въ сумракъ; скорѣе учуяла, чѣмъ увидѣла мужа.

— Я!—слышится озябшій сердитый голосъ Пети.

Въ настроеніи разочарованія и отчаянія, что въ Сочахъ жить не придется, дама въ первую минуту даже не хочетъ пересаживаться на мужнинъ возъ.

— Я озябла. Завтра тебя въ автомобилѣ догоню.

Но, конечно, это она отъ неожиданности. Съ охами, ахами указываетъ шофферу развязать вещи.

— Да вѣдь я же тебѣ писала—пріѣду!

— Такъ я тебѣ телеграфировалъ - не пріѣзжай!..

Слышимъ мы перекоры, оставляя на дорогѣ взволнованныхъ супруговъ. Всю дорогу до Сочи молчимъ, дремлемъ, убаюканные упругой летучестью автомобиля. Очнулись только у залитаго электрическимъ свѣтомъ подъѣзда гостиницы.

— Все дѣло заяцъ испортилъ! — говоритъ, потягиваясь, одинъ изъ спутниковъ.

Среди кипарисовъ, тополей, пальмъ и липъ бѣлѣютъ осіянныя луной стѣны сочинскихъ домовъ. Окна на море темны. На улицахъ пусто. Только за закрытыми дверями кофеенъ, въ облакахъ табачнаго дыма, за домино, трикъ-тракъ и чашкой кофе сидятъ, шумятъ, проводятъ вечеръ тѣ, коимъ некуда, не на что, да и

незачѣмъ уѣзжать. Это – странная смѣсь и помѣсь казаковъ, грековъ, армянъ, грузинъ, турокъ и всѣхъ народовъ Кавказа.

Между Туапсе и Сочами верстъ сто по прямой линіи, а въ Сочахъ совсѣмъ иной климатъ. Синѣе морскія дали, теплѣе горы. Здѣсь еще не всѣ деревья отряхнули листья. Зеленѣютъ грабъ и липа, наполовину зеленъ дубъ. Листья банановъ пожухли отъ ночныхъ заморозковъ, но кедры длиннолисты и свѣжи и, кажется, курятся сизымъ дымкомъ ихъ пушистыя вѣтви. Цвѣтутъ розы. Свѣтло, тепло, и уже съ утра припекаетъ.

Этой зимой черноморское побережье Кавказа ожидало громаднаго съѣзда публики. Но вотъ бичъ войны — испугъ разогналъ малодушныхъ.

Помню я, минувшимъ лѣтомъ какъ музыкальный ящикъ, гудѣлъ полный народомъ городокъ, разбросавшій по лѣсистымъ холмамъ бѣлые дома, дачи. Роскошная у моря гостиница съ садомъ тропическихъ растеній, бесѣдками, дорожками, площадками. Отдыхали, лежали въ качелькахъ, длинныхъ креслахъ, ходили по саду, берегу моря въ легкихъ свѣтлыхъ одеждахъ свѣтлокудрые люди-боги. Наслаждались музыкой, шумомъ теплаго моря и отвѣтнымъ гуломъ горъ... Радость и нѣга теплыхъ утръ и вечеровъ, жаркая истома дней, дали моря и горъ...

Теперь боги разбѣжались. И въ свѣтломъ уединеніи застылъ теплый городокъ на берегу пустого моря. Вѣроятно, испугъ скоро пройдетъ, и къ веснѣ оживетъ снова теплый и свѣтлый край.

Черноморская губернія и безъ шальныхъ турецкихъ выстрѣловъ переживала бы нѣкоторое затрудненіе. Изъ

ста тысячъ рабочаго населенія здѣсь было до десяти тысячъ турокъ. Турки на девять десятыхъ уѣхали, около тысячи арестовано и выслано во внутреннія губерніи въ качествѣ военноплѣнныхъ. Прекратилось движеніе пароходовъ, и нужно наладить сухопутное движеніе людей и товаровъ.

Путь отъ Сочи до Гагръ прелестенъ. Я иначе не могу назвать состояніе природы, какъ теплой прохладой. Такіе дни зимою помню я только въ дамасской равнинѣ и по склонамъ Ливана къ Средиземному морю.

Въ селахъ копошится народъ; отсюда мало кто выѣхалъ. Вдоль шоссе кое-гдѣ положено каменное основаніе желѣзнодорожнаго полотна, сдѣланы насыпи, срѣзаны откосы горъ, начаты тоннели.

Недалеко отъ Гагръ каменоломни желѣзной дороги испортили сегодня шоссе. Человѣкъ пятьдесятъ рабочихъ спѣшно дѣлаютъ обходный путь. Съ той и другой стороны обвала столпились люди. Ходятъ кучера съ кнутами, ссорятся, не знаютъ, что дѣлать. Обходъ будетъ готовъ не раньше утра.

— Переноси вещи!—говорю нашему кучеру.

Онъ долго не можетъ понять, смотритъ въ обвалъ, оцѣпенѣлъ. Надо было требовать, шумѣть, чтобы онъ это сдѣлалъ. Перенесли вещи, сѣли въ гагринскіе экипажи. А пассажиры изъ Гагръ пересѣли въ наши. И всѣ удивились, что это просто, удобно и требуетъ небольшихъ лишнихъ расходовъ.

— Вотъ спасибо! Вотъ хорошо!—радуется турецкій армянинъ, усаживаясь удобнѣе на новомъ мѣстѣ.—Сейчасъ въ Гагры пріѣдемъ. А то безъ васъ мы сидѣли бы здѣсь всю ночь.

И отъ радости близкаго отдыха вспомнилъ самую большую свою злобу.

— Это все нѣмецъ дурака-турка въ войну потащилъ. У-у, проклятый девдонъ, весь свѣтъ перевернулъ!..

Онъ погрозился на закатъ кулакомъ; по желтому горизонту, точно далекіе броненосцы, цѣпью плыли надъ моремъ темныя облачка.

Въ Гаграхъ все идетъ своимъ порядкомъ. Въ ущельѣ, на рѣкѣ Жоэкварѣ, такъ сказать, на заднемъ дворѣ Гагръ, людно, какъ и всегда. Свѣтятся рабочіе бараки, мастерскія, базаръ, работаютъ всѣ учрежденія гагринской климатической станціи. По переднему фасаду, на крутомъ склонѣ горы къ морю темно и тихо. Здѣсь дворецъ принца Ольденбургскаго и рядъ казенныхъ гостиницъ. Чистъ роскошный паркъ съ озерами, фонтанами, лебедями, тополи, пальмы, цвѣтники и бесѣдки.

Въ гостиницахъ почти пусто, но на мѣстахъ слуги. Комнаты съ бѣлоснѣжными постелями, глухіе телефоны по комнатамъ, отсутствіе звонковъ, всюду порядокъ, чистота. Созданный неутомимой волей принца уютный, теплый уголокъ на черноморскомъ побережьѣ еще не нарушилъ мирнаго порядка жизни.

Въ большомъ залѣ ресторана вынесены почти всѣ столы, два-три заняты немногими гостями. Хризантемы на столахъ, тихіе шаги дѣвушекъ съ бѣлыми наколками. За большимъ столомъ къ обѣду собрались „свои“: инженеръ-полковникъ, завѣдующій технической частью гагринской климатической станціи; докторъ; морской офицеръ; крупный подрядчикъ; агентъ пароходнаго общества.

— Ну, какъ живете?

— Да, вѣдь, отлично живемъ!—объясняетъ полков-

никъ.—Удивляемся, до чего пугливы люди: услыхали про выстрѣлы и разбѣжались. Со дня на день ждемъ—пароходы къ намъ придутъ, привезутъ продукты, рабочихъ.

Уходя спать, я почувствовалъ, что меня охватила разслабляющая лѣнь, навѣянная удобствомъ обстановки, покоемъ, теплой тишиной: пожить-бы здѣсь и поглядѣть въ пустыя синія дали моря.

Гагринское утро прохладное, двукрылое: свѣтлое крыло моря и темное бархатное крыло горы. И такъ—долго, пока поднимется надъ горами солнце и освѣтитъ море и берегъ, лѣса и сады. Въ зеленой листвѣ спѣлые мандарины—цвѣта утренняго солнца. Точно тысячи маленькихъ солнцъ разсыпаны по вѣтвямъ.

IV.

Недалеко отъ Гудаутъ, пока отдыхали на станціи лошади, я пошелъ впередъ. Было тепло и тихо надъ горами и моремъ. Абхазы собирали по ольхамъ виноградъ сорта „изабелла". Это еще старики садили лозы около деревьевъ; лоза разросталась и разбрасывала по вѣтвямъ черные грозди. Везутъ возами, несутъ въ корзинахъ.

Догналъ я пѣшехода. Видъ—монастырскаго странника: сумка, палка, длинные волосы подъ шапкой, глазки маленькіе съ хитрецой. Это ярославскій мужикъ, Иванъ Новиковъ, вышелъ изъ Ярославской губерніи въ маѣ мѣсяцѣ и шесть мѣсяцевъ идетъ пѣшій на Новый Аѳонъ. Близко ужъ, завтра дойдетъ.

— А потомъ-та я, если Богъ благословитъ, дальше пойду, мыслями въ Старый Ерусалимъ рѣшилъ сухопутьемъ дойти. Не знай, какъ Богъ...

— Да, вѣдь, война!?—удивляюсь я.

— А что-жъ мнѣ война!—раскинулся онъ въ стороны руками.—Я ни съ кѣмъ не воюю, иду Богу молиться... Зайду и къ концулу,—добавилъ онъ уступчиво,—разрѣшенье возьму. Дескать, дозвольте по турецкой странѣ ко Гробу Христову пройти мирному страннику.

— Консула теперь нѣту у насъ турецкаго,—объясняю ему.—На границѣ только войска, наши и турецкія.

— Не можетъ быть, чтобы безъ концула! Тамъ между солдатами гдѣ-нибудь ужъ и концулъ находится... А то и такъ пройду, безъ концула! Богъ съ ими, они сами по себѣ, я самъ по себѣ.

— А когда же ты сухопутьемъ въ Іерусалимъ задумалъ пройти: до войны эта мысль у тебя или ужъ—когда про войну узналъ?

— Нѣтъ, до войны. Я еще какъ изъ дома вышелъ, такъ себѣ и рѣшилъ.

Поглядѣлъ я на его сапоги, шапку и палку, покрытое испариной курносое лицо, и почему-то повѣрилось мнѣ, что дойдетъ Иванъ Новиковъ до Іерусалима. Такъ и пойдетъ черезъ Арменію, Сирію и Палестину, къ Пасхѣ какъ разъ въ Іерусалимъ попадетъ.

Пока догоняли насъ лошади, онъ и всю жизнь свою разсказалъ. Служилъ въ солдатахъ; на японскую войну былъ призванъ изъ запаса. А въ это время его старуха-мать продавала: сарай — „сараемъ кормилась“, избу—„избой кормилась“. Теперь она померла и Иванъ Новиковъ пошелъ пѣшимъ путемъ въ Іерусалимъ.

Въ Новый Аѳонъ пріѣхалъ я вечеромъ. Огибая монастырскія постройки, къ самому морю подходитъ шоссе.

На монастырской пристани ходилъ дозорный солдатъ. Пустынно бѣлѣли монастырскія стѣны и тихо сіяли на темномъ полотнѣ горы главы собора верхняго монастыря.

Гостиница была заперта и отецъ гостинникъ читалъ повечеріе. Но по случаю пріѣзда рѣдкаго гостя (посѣтителей мало въ монастырѣ!) вышелъ изъ кельи, обезпокоился комнатой и ужиномъ. Пока я ѣлъ, они втроемъ—гостинникъ и двое молодыхъ послушниковъ—разспрашивали о новостяхъ. Слушали и, позѣвывая и крестя рты, ужасались.

— О-о, Господи! Какая смута пошла кругомъ!

Такъ и чувствовалось, что вотъ здѣсь средина—тишина. А чѣмъ дальше отъ центра, кругомъ, тѣмъ больше шуму, движенія и смуты.

— А у васъ какъ въ монастырѣ?

— Живемъ по прежнему, только вотъ пришлаго народу нѣтъ, пусто. Въ началѣ войны по городамъ и селамъ заметался народъ, ровно мыши, туда-сюда поразбѣжались, ну и намъ, будто, скучно стало. Потомъ оглядѣлись—ничего, живемъ. Хлѣбъ у насъ есть и соли запасъ имѣется. Только въ Сухумъ отъ насъ берутъ, соли тамъ нѣтъ. Не знаемъ, скоро-ли будетъ подвозъ... Два раза мимо насъ въ морѣ пароходы прошли; броненосцы что-ли эти... Одинъ постоялъ немного, да такъ прямо въ море и удалился. Не знаемъ, какъ дальше Богъ дастъ...

— Никто изъ монаховъ не ушелъ?

— Нѣ-этъ, какъ можно! Мы—съ настоятелемъ. Настоятель здѣсь, и мы съ нимъ. Ну, если онъ уйдетъ, и мы за нимъ. Вотъ и солдатъ прислали въ монастырь... Намъ хоть-бы врага, если какой придетъ, не сразу за монастырскія стѣны впустить...

— Да къ вамъ, навѣрное, не придетъ никто.

— Это ужъ, какъ Господь. Допуститъ—Его воля.

— Ну да! Только я говорю, что нѣтъ смысла къ вамъ туркамъ подходить.

— А это ужъ опять, какъ Господь расположитъ...

Было увѣренно и спокойно въ кряжистыхъ, толстостѣнныхъ комнатахъ монастырской гостиницы, гдѣ живетъ неистребимый запахъ кипариса, постныхъ щей и тлѣнія. Сонный бой монастырскихъ часовъ, размѣренный прибой волнъ подъ стѣнами и ранній покой людей размѣреннаго труда и размѣренной молитвы,—все сообщало настроеніе жизненнаго упорства, ощущеніе того, что одно тянется вѣками черезъ всѣ времена и народы: смуты были, смуты будутъ, а въ основѣ—равномѣрный и упорный трудъ, и въ трудѣ длительный, однообразный подвигъ.

Послѣ малодушнаго смятенья нервной дачной губерніи было пріятно провести въ Ново-Аѳонскомъ монастырѣ ночь, день и еще ночь. По горному скату уступами расположились двѣ части монастыря: нижняя съ гостиницами и верхняя съ соборомъ. Между ними и вокругъ—мандариновые сады, масличныя рощи, мастерскія, виноградники. По скатамъ горы и по низинѣ темный кипарисъ—монашеское дерево — выстроился длинными рядами аллей.

Въ живой, не-монашеской части своей природы новоаѳонскіе монахи, какъ были, такъ и остались русскими мужиками: упорные строители, скопидомы и кулаки. За сорокъ лѣтъ они хорошо обжили дикое мѣсто, обстроились прочно, живутъ богато, даже красиво. Въ монастырѣ мирты, рукаріи, магноліи, лавры, олеандры, кокосовыя и финиковыя пальмы—это для украшенія.

Виноградники, апельсиновые и лимоновые сады—для дохода. Въ 1911 году выпалъ здѣсь небывалый снѣгъ, такъ что дикіе звѣри приходили къ человѣческимъ жилищамъ. Тогда померзли эвкалиптусы и латаніи, пропали апельсиновыя и лимоновыя деревья.

— И послалъ Господь эту напасть намъ къ добру,— объяснялъ садовникъ, о. Тиверій.—Мы перешли на мандарины. Въ нынѣшнемъ году уже собрали больше тридцати тысячъ, да вотъ вывезти теперь некуда. Самимъ придется ѣсть...

Внизу у моря настроили монахи красивые пруды, чтобы было куда на прѣсную воду съ водосвятіемъ ходить: на Крещенье, на Преполовенье... Въ прудахъ бѣлыя утки-шептуны; онѣ шепчутъ, а кричать не могутъ; бѣлые и черные лебеди. Сопровождавшій меня монахъ разсказалъ длинную исторію борьбы въ прудахъ стараго лебедя съ молодымъ. (И весь монастырь эту исторію знаетъ). Старый властвовалъ надъ молодымъ. Когда лебедки сидѣли на яйцахъ, они бились другъ съ другомъ и старый побѣждалъ. Наконецъ молодой вошелъ въ силу и убилъ старика.

— И тутъ война, Господи помилуй! Въ родѣ, какъ русскіе и нѣмцы теперь... А лебедку убитаго мы черному лебедю придали. Живетъ, только неплодна.

Поднята съ воды и стоитъ въ сараѣ на берегу моря вся монастырская флотилія: парусныя барки, моторныя лодки. Просили монахи на-дняхъ у настоятеля благословенія въ Новороссійскъ съѣздить, запасовъ привезти,—что-то Господь ему не внушилъ, не благословилъ.

— Мы-та проживемъ, а вотъ окрестъ насъ трудно народу. Безпечно живетъ, запасовъ никакихъ.

Все въ монастырѣ связано крѣпкою цѣпью „послушаній“, у каждаго монаха свое „послушаніе“. Сила „послушанія“ сильнѣе личнаго страха. Это оно въ трудныя минуты родитъ мужество.

Два монаха сидятъ на „послушаніи“ въ образной и книжной лавкѣ у пристани. Покупателей нѣтъ, но они непреклонны въ своемъ дѣлѣ, сидятъ, смотрятъ въ пустыя дали, гдѣ до самаго горизонта колышутся волны.

Былъ я на горной площадкѣ надъ монастыремъ въ виноградникахъ, на „послушаніи“ отца Садока. Его не было въ кельѣ, онъ хлопоталъ въ виноградникахъ съ рабочими. Изъ деликатности, чтобы не оставить меня одного, задержался въ ожиданіи Садока монахъ изъ нижняго монастыря, о. Іодоръ. Нервный и тревожный, о. Іодоръ ужасается о жизни.

— Это что — броненосцы тамъ и непріятель. Тьфу А вотъ ужасаюсь я о жизни. Сорокъ пять лѣтъ прожилъ, двадцать—уже въ монахахъ и, Господи Боже мой, будто вчера пришелъ въ монастырь! Ничего не сдѣлалъ, не приготовился къ будущей жизни. Ахъ, ужасаюсь!..

Пришелъ о. Садокъ. Онъ сильный, большой, любопытный и веселый, въ полумонашескомъ одѣяньѣ. Поилъ меня чаемъ съ вареньемъ и ласковыми глазами глядѣлъ, когда я разсказывалъ. Послѣ прихода отца Садока, отецъ Іодоръ на полразговорѣ ушелъ. Садокъ же слушалъ и смѣялся, когда я шутилъ, что онъ теперь всему монастырю дозорный — дальше всѣхъ въ морѣ увидитъ непріятельскіе корабли.

— Нѣтъ, и выше меня живутъ монахи. Еще есть верхніе виноградники и вонъ, гдѣ дрова по жолобу съ горы спускаютъ,—оттуда дальше видать.

Когда я спускался внизъ, молочный туманъ куталъ горы, отчего колокола звучали глуше, а глубина подъ ногами казалась бездонной. Зашелъ я въ церковь, гдѣ монахи творили денно и нощно „послушаніе“ церковной молитвы...

Въ нижнемъ монастырѣ, звонко перекликаясь, солдаты и монахи шли въ трапезную на ужинъ. Въ столовой гостиницы, выполняя свое „послушаніе“, ждалъ насъ къ ужину о. Авениръ. Ужинъ накрытъ на троихъ: для меня и двухъ аѳонскихъ чиновниковъ: начальники почты и таможни. Они отправили семейства внутрь страны, а сами исполняютъ „послушанія“ службы, можетъ быть, внутренно не такъ примиренные, какъ монахи, но живутъ...

На утро, обгоняя двуколесные на буйволахъ возы съ монастырской солью, я ѣхалъ въ Сухумъ. Я снова вступилъ въ настроеніе жизни, которая творитъ лишь въ спокойствіи и радости и легко распадается въ испугѣ.

А Иванъ Новиковъ пришелъ утромъ въ монастырь.

V.

На сто шестьдесятъ тысячъ населенія Сухумскаго округа здѣсь проживало до двадцати тысячъ турокъ. Главное богатство края — табакъ. И табаководство въ значительной мѣрѣ находилось въ рукахъ турецкихъ подданныхъ. Понятно, что турецкая война отразилась здѣсь тяжело какъ на турецкихъ подданныхъ, такъ и на русскомъ населеніи. Нѣкоторыя поля табаку не убраны, многія убраны съ опозданіемъ, табакъ обрабатывается кое-какъ и не имѣетъ прежняго сбыта.

Арестовано въ Сухумскомъ округѣ въ качествѣ во-

еннопленныхъ более трехъ тысячъ турокъ. И до сихъ поръ они еще живутъ по глухимъ угламъ, не въ силахъ разстаться съ обжитыми местами, домомъ, иногда —русской семьей. Многіе мирно и деловито сами приходили подъ арестъ. Вскоре по объявленіи войны въ сухумскую тюрьму привели партію военнопленныхъ турокъ, триста человекъ. На утро начальникъ тюрьмы съ недоуменіемъ насчиталъ при проверке триста пятьдесятъ. Эти лишніе набрались въ тюрьму вечеромъ и ночью: приходили, просились, ихъ пускали.

— Откуда вы?

— Мы—турки. Все равно ужъ, сами пришли, берите! Война, Богъ дастъ, кончится—отпустите, опять сюда придемъ.

Въ Сухуме не было ни обстрела, ни даже попытокъ къ обстрелу. Но городъ почти опустелъ.

Путь отъ Сухума къ Поти становится хуже. Здесь горы отошли отъ моря на несколько десятковъ верстъ, и на низины упали сотни ручьевъ и речекъ. Равнина покрыта папоротникомъ и редкимъ лесомъ. Еще до Очемчири дорога сносна. Но и то пятьдесятъ две версты четверка хорошихъ лошадей тащила нашу линейку ровно целый день. А отъ Очемчири пришлось переправляться вбродъ черезъ реки, ехать илистыми низинами. Шелъ непрерывный зимній дождь и полноводныя реки растеклись десятками новыхъ рукавовъ по старымъ русламъ. Горе тому войску, которому пришлось бы проходить здесь съ обозомъ и артиллеріей. Судите по тому, какъ мы ехали.

Въ линейке насъ шесть человекъ, не считая малыхъ детей. Кроме меня — грузинъ съ женой, старухой-матерью и двумя детьми: груднымъ и четырехлетнимъ;

старый абхазецъ; мальчикъ въ одной рубашкѣ и рваныхъ башмакахъ. Всѣ уѣзжаютъ въ Кутаисъ по случаю тревоги на побережьѣ. Ѣдутъ и вздыхаютъ, — зачѣмъ уѣзжаемъ? И мнѣ казалось,—не было только человѣка, который сказалъ бы: „Да куда вы, останьтесь! Вотъ я остаюсь“... И они остались бы съ радостью и благодарностью.

Сначала переѣзжали мы рѣки вбродъ, не слѣзая съ линейки. Но рѣки становятся глубже. Дама не успѣла подобрать ноги, намокла по колѣни. Около часа переодѣвалась въ духанѣ, а мы отъ скуки ѣли съ мамалыгой свинину (хлѣба уже нѣтъ здѣсь), пили вино. Увидѣлъ меня, сразу призналъ русака стекольщикъ изъ Рязани. Пьяненькій, блаженно улыбается и вздыхаетъ:

— Родной, вѣдь, рассейскій! Хахъ, ты, Господи!

Онъ въ рваномъ мокромъ пиджакѣ и жалуется, что у него зябнетъ пиджакъ. Недоволенъ низостью своего общественнаго положенія: „Судьба дьячка наградила — подавать попу кадило, потому что не попъ, а дьячекъ“. И ужъ, когда мы усѣлись снова въ линейку, онъ изъ духана кричалъ, что попомъ будетъ. А это такъ, случайная заминка въ его жизни вышла, на пьяное мѣсто попалъ.

Дальше путь нашъ все труднѣе. Подъѣзжая къ рѣкѣ, кучеръ останавливаетъ лошадей. Мы вылѣзаемъ; кучеръ плыветъ съ лошадьми и линейкой вбродъ, а мы переѣзжаемъ на лодочкахъ, переходимъ по жердочкамъ, по зыбкимъ и скользкимъ слегамъ, положеннымъ на шаткихъ столбикахъ. Теперь удивляюсь, какъ никто изъ насъ ни разу не упалъ.

При такихъ переходахъ я несу на рукахъ грудного ребенка, отецъ — большого, и помогаетъ переходить

женщинамъ. Я, въ сущности, радъ, что у меня только одна обязанность — нести ребенка, и никто отъ меня большаго не требуетъ, нравственно не требуетъ. Зато я выполняю свою обязанность добросовѣстно, кутаю ребенка отъ дождя плащомъ и несу осторожно. Старый абхазецъ ласково смѣется и тычетъ въ дитя пальцемъ: «Твой сынъ это, сынъ...,» А мать при каждомъ переходѣ увѣренно и благодарно кладетъ мнѣ его на руки.

И такъ былъ весь нашъ путь до Зугдидъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ длиннѣе приходилось дѣлать переходы, иногда до трехъ верстъ. Черезъ Ингуръ переѣзжали уже на буйволахъ. Встали всѣ на высокую двуколеску; старуха завалилась черезъ наклеску и не можетъ подняться на ноги, лежитъ ничкомъ, не то смѣется надъ своей слабостью, не то плачетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ. Заплакалъ отъ испуга мальчикъ и бьетъ ее хлыстомъ, чтобы вставала. Поплыли по быстрой водѣ медлительные буйволы, поднимаютъ широкіе носы, при этомъ опускаются въ воду концы загнутыхъ книзу роговъ. Льетъ непрестанный дождь, звонко падаютъ въ рѣку капли...

Мнѣ вспоминаются обрывки какихъ-то миѳовъ. И, дѣйствительно, поросшіе папоротникомъ, пустынные берега, туманы, мутныя быстротекучія воды и разлатыя головы буйволовъ въ водѣ, съ большими черными выпуклыми глазами, — все это внушаетъ настроеніе древней, сказочной первобытности. Въ прорывѣ тучъ изрѣдка сверкнутъ розовые снѣга Сванетскихъ горъ. Вѣроятно, въ горныхъ высотахъ морозно и свѣтитъ закатное солнце...

Въ Зугдиды пріѣхали вечеромъ. Былъ уютенъ видъ

населеннаго, полнаго людьми городка, освѣщенные рестораны и кофейни; былъ великій соблазнъ — переночевать здѣсь. Но ужъ хотѣлось добраться до желѣзной дороги и, наконецъ, почувствовать себя въ прочной связи со всѣмъ міромъ. Можетъ быть сегодня и въ Поти попаду?

Но никто въ точности не знаетъ, когда теперь ходятъ поѣзда на Поти. На Кутаисъ—всѣмъ извѣстно, а на Поти—нѣтъ. Плохой признакъ,—значитъ туда никто не ѣдетъ. Одинъ грузинъ утверждаетъ, что въ полночь черезъ Ново-Сенаки проходитъ поѣздъ на Поти. До желѣзной дороги отсюда сорокъ одна верста. Шоссе отличное. Извозчикъ ручается довезти за пять часовъ. Значитъ, часовъ въ 11 въ Ново-Сенакахъ.

Пока подавали лошадей, я сидѣлъ въ ресторанѣ.

За окнами толпился народъ. Проходили нарядныя женщины, и въ этомъ—признакъ благополучія мѣста.

Мимо меня въ ресторанѣ долго ходитъ, какъ маятникъ качается, господинъ, наконецъ, рѣшается подойти.

— Вы изъ Сухума?

— Изъ Сухума.

— Какія тамъ новости?—оживился онъ.—Говорятъ, будто тамъ бомбардировка...

— Никакихъ новостей,—отвѣчаю ему. — Все благополучно. Народъ только разъѣхался почему-то. Вотъ скажите, пожалуйста, почему вы изъ Сухума уѣхали?

Собесѣдникъ счелъ мой вопросъ за выговоръ, обидѣлся, что-то забормоталъ и пошелъ прочь.

Въ Ново-Сенакахъ ночного поѣзда на Поти не оказалось, и попалъ я въ Поти только на другой день. Широко и полно, въ уровень съ илистыми берегами

текъ, разсѣкая городъ, мутный Ріонъ. Улицы вровень съ Ріономъ, залиты дождемъ, и весь городъ производитъ впечатлѣніе потерпѣвшаго отъ наводненія. Тѣмъ болѣе, что и на улицахъ пусто: двѣ, три одинокихъ бурки, озябшій стражникъ. Дружно прошелъ взводъ солдатъ. Магазины, дома, конторы почти сплошь закрыты. Только правительственныя учрежденія дѣлаютъ свое дѣло.

Съѣзжаются въ Поти медленно и пугливо только мужчины. Не зная, за что взяться, толпятся цѣлый день на базарѣ, около кофеенъ. И городъ, какъ большая и сложная, но остановившаяся машина, а люди, какъ мухи ползаютъ по неподвижнымъ частямъ этой машины и безсильны пустить ее въ ходъ.

— А намъ же лучше, когда населеніе разъѣхалось! Свободнѣе для военныхъ дѣйствій!—говорилъ сегодня за обѣдомъ въ пустомъ ресторанѣ офицеръ.—Только скучно очень; въ окопахъ ужъ знаешь, что окопъ! А то—городъ!.. Сегодня я отъ нечего дѣлать съ утра до полдня считалъ, сколько прошло по улицѣ людей. Тридцать два человѣка и ни одной женщины.

— Интересная драма! — раздался звонкій дѣтскій голосъ.—Тысячу пятьсотъ метровъ. Сильно тяжелая драма!

— А-а, драгоцѣнный! Ну-ка, давай сюда, что тамъ за драма?!

Мальчикъ побѣжалъ по улицамъ, и каждый житель Поти получилъ сегодня объявленіе перваго, послѣ бомбардировки, представленія въ кинематографѣ. Былъ веселый вечеръ. Всѣ мы были въ кинематографѣ. Двери завѣшены темной бумагой, и только въ щели пробивается на улицу свѣтъ. И въ темномъ залѣ, на экранѣ

двигались безшумныя свѣто-тѣни жизни многолюдной, теплой и полной. Вы не можете себѣ представить, какъ всѣ мы, сегодняшніе обитатели Поти, были благодарны кинематографу!

Батумъ.

I.

Пріѣздъ мой въ Батумъ былъ ночью, часа въ четыре утра. Торопливо бѣжала по пустымъ заламъ вокзала публика. Осіянныя луной, пусты улицы. Горы поднимаются надъ городомъ съ трехъ сторонъ—синія тучи. Швейцаръ гостиницы минуту разсматривалъ насъ сквозь стекло двери, наконецъ, открылъ, но огня не зажегъ.

— Да вы бы посвѣтили!

— Нечѣмъ,—говоритъ онъ соннымъ голосомъ. По голосу слышно, что мокры отъ ночной сырости его усы, а глаза полузакрыты въ дремотѣ.

— Развѣ нѣтъ у васъ электричества?

— Послѣ двухъ часовъ ночи нѣту. Турокъ подобрался, за Чорохомъ электрическую станцію повредилъ. Верстъ семь отсюда...

Швейцаръ водитъ насъ—меня и казачьяго офицера—по темнымъ корридорамъ гостиницы, заводитъ въ темныя комнаты. Натыкаемся на стулья, столы, кровати.

— Да вы хоть бы свѣчку зажгли!

Молчитъ, даже куда-то ушелъ. Черный онъ и въ темнотѣ совсѣмъ не виденъ, пропалъ. Кричать стѣсняемся, навѣрное есть обитатели. Появился, какъ духъ, спрашиваетъ озябшимъ и сердитымъ голосомъ:

— Ну, какой номеръ желаете?

— Да посвѣти хоть чѣмъ нибудь, чертъ бы тебя слопалъ!—вышелъ изъ терпѣнья казакъ.

Опять пропалъ швейцаръ. Ждемъ долго, дремлемъ. Наконецъ появился со свѣчей, идетъ, ищетъ насъ, глядя поверхъ сіянья,—гдѣ мы?

Остатокъ ночи спалось плохо. На улицахъ былъ слышенъ шумъ автомобилей, топотъ лошадей, многозвучный шагъ солдатскихъ отрядовъ.

Ночь и день очень разнятся въ крѣпостномъ городѣ. Съ девяти часовъ вечера все мирное населеніе—въ домахъ. На улицахъ остается только „крѣпость". Днемъ крѣпость смѣшана съ уличной толпой. Ночью она одна въ городѣ и за городомъ совершаетъ свое секретное ночное дѣло.

Но вотъ въ занавѣшенныя темной матеріей окна пробилась полоска желтаго свѣта. Громыхнули желѣзныя двери магазиновъ, и звонкоголосые мальчишки дружной стаей разсыпались по улицамъ съ одинаковымъ крикомъ:

— Тэлеграмъ! Интересный тэлеграмъ! Русскіе взяли Карпатъ!..

Голоса настойчивые. Кажется, не будь ихъ — не стряхнуть бы городу очарованья крѣпостной ночи. Мальчишки сдѣлали день. Крѣпость окуталась мягкой ватой обычной жизни. Вышелъ на тротуаръ чистильщикъ сапогъ, прошла на рынокъ дѣвушка съ корзинкой, проѣхалъ на ослѣ керосинщикъ... Поднялось надъ

горой солнце, и улицы, сады, море залилъ нѣжный мандариновый свѣтъ.

Когда закричали мальчишки, я всталъ и вышелъ на Маріинскій проспектъ. Одна сторона улицы въ фіолетовомъ сумракѣ, другая въ розовомъ желткѣ утренняго свѣта. Таетъ на крышахъ ночной иней, и асфальтовые тротуары въ мокрыхъ полосахъ.

Расходятся по казармамъ ночные дозоры, идутъ чиновники, купцы, хозяйки. Всѣ рады дню, яркому мандариновому свѣту. Ночь прошла благополучно. Но все-таки—„крѣпость"...

Вѣдь крѣпость—это значитъ крѣпко! И всѣ знаютъ, что вокругъ крѣпко. Тяжелые вѣнцы батарей разбросаны въ горахъ, на морскомъ берегу, онѣ сдѣлали вокругъ насъ крѣпко.

Крѣпко, но не безопасно для мирныхъ жителей именно потому, что крѣпко. Тамъ, гдѣ слабо, можетъ быть, и враждебная сила пройдетъ мимо. А туда, гдѣ крѣпко, придетъ и сила. И въ борьбѣ силы съ силой для насъ не безопасно.

Я иду по городу и вижу повсюду это двойственное настроеніе: „крѣпко, но не безопасно". Батумъ живетъ почти такъ же, какъ и всегда жилъ. Меньше мирныхъ обывателей, но все есть, все на своемъ мѣстѣ. Вотъ даже мѣдникъ громко выстукиваетъ молоткомъ мѣдную кадильницу. Ну, ужъ если мѣдникъ дѣлаетъ кадильницу, значитъ жизнь въ городѣ идетъ своимъ порядкомъ. Но вотъ скачетъ на лошади солдатъ, мѣдникъ прекратилъ оглушительный стукъ, и долго провожаетъ его взглядомъ, потряхивая въ рукѣ молотокъ. „Крѣпко, но не безопасно"—читаю я во всей его внимательной фигурѣ.

Идетъ армянинъ съ ключами открывать шляпный магазинъ. Онъ собирался уѣхать, семью отправилъ, ну, а самъ не уѣхалъ... Дѣла... Вѣдь, крѣпость, чего бояться?!..

„Но все-таки не безопасно!“—слышу я въ его голосѣ, когда онъ отвѣчаетъ на привѣтъ знакомаго: „Слава Богу, ничего... пока живемъ“.

Сворачиваю въ сторону отъ проспекта. Овощныя лавки, горы луку, картофеля, капусты. Оретъ продавецъ каштановъ, и праздные люди стоятъ на раннемъ солнцепекѣ, грѣютъ подмышками озябшія руки.

Надъ бухтой розовый туманъ. По набережной—лодки. Куча рыбаковъ и покупателей: турки, грузины, армяне, аджарцы. Въ корзинахъ бычки, камбала, сельди, скумбрія. Шумятъ, торгуются и спорятъ. Въ горахъ слышится орудійный выстрѣлъ. На мгновеніе пріостановились въ жестахъ, словахъ, работѣ, но только на одно мгновеніе. И ужъ опять каждый продолжаетъ дѣлать то же, что дѣлалъ. Только высокій турокъ-рыбакъ почему-то вдругъ разсердился, началъ кричать:

— Не хочешь, не бери! Дорого—самъ лови! Поди, полови въ морѣ... Война!

И отвернулся.

На мосткахъ кучка людей. Гимназистъ поймалъ удочкой большого краба. Спорятъ—можно ли его ѣсть.

— Нѣтъ, это не такой чтобы ѣсть, это—пустой!—говоритъ гимназистъ и поворачиваетъ краба сапогомъ. Соглашаются, что ракъ пустой, и бросаютъ его въ воду. Долго смотрятъ, какъ онъ опускается на дно и бокомъ ползетъ по камнямъ. Проплыла медуза, машетъ кисейной юбочкой съ фіолетовымъ кружевомъ—тоже

интересно. Собралась на мосткахъ большая толпа. Вздыхаютъ, прислушиваясь къ выстрѣламъ.

Военное судно близко у берега. Тамъ оживленіе: ходятъ матросы, маленькіе среди гигантскихъ трубъ, цѣпей и башенъ. По сѣрому стальному боку судна спускается въ лодку офицеръ.

— Въ весла!

Три пары легкихъ веселъ, десять взмаховъ, и лодка у пристани. Ловко соскочилъ на мостки офицеръ, упругимъ шагомъ сошелъ на берегъ, заглянулъ въ толпу рыбаковъ, перемѣшалъ въ корзинѣ пальцемъ свѣжую рыбу. Ему хочется кому-нибудь улыбнуться, встрѣтить красивую женщину. Свѣтъ яркаго утра волнуетъ его радостно.

Я ходилъ, не могъ налюбоваться горами, городомъ, моремъ. Батумъ прелестенъ! Развился и обстроился на мѣстѣ грязнаго приморскаго селенія въ теченіе какихъ нибудь тридцати лѣтъ. Все внезапно у насъ на Кавказѣ и кавказскомъ побережьѣ. Внезапно возникаютъ города, въ нѣсколько лѣтъ создаются громадные курорты.

Былъ у коменданта крѣпости, генерала Г., просилъ разрѣшенія видѣть обстановку войны. Онъ любезно обѣщалъ содѣйствовать. Предложилъ зайти завтра къ начальнику штаба крѣпости, которому будетъ дано распоряженіе.

II.

Слѣдующій день былъ праздничный. Звонили по сосѣдству соборные колокола, а въ штабѣ крѣпости происходило обычное дѣловое оживленіе. Входятъ, выходятъ офицеры, садятся на извозчика, верхомъ, въ автомобили и быстро уѣзжаютъ. Вздрагивая, вытяги-

вается у двери часовой и коситъ на начальство отъ штыка влажнымъ строгимъ взглядомъ.

Въ помѣщеніяхъ штаба тепло отъ солнца, заливающаго комнаты ноябрьскимъ мандариновымъ свѣтомъ, и все сверкаетъ яркими пятнами: зелень сукна, кучи бумагъ, картъ, ремингтоны, чищенные сапоги и эполеты. Толпятся въ передней комнатѣ офицеры. Четкій жестъ, твердый шагъ въ сторону начальства и мягкое, благодушное, съ развальцемъ—къ товарищу.

— Ну что, какъ вчера?..—намекая на что-то веселое, спрашиваетъ капитанъ высокаго, рябого поручика.

— Чорта съ два... Вчера!.. Я вчера-то на горѣ былъ, въ снѣгу спалъ... Полковникъ здѣсь?

— У коменданта. Подожди, сейчасъ придетъ.

Начальникъ штаба крѣпости—среднихъ лѣтъ полковникъ. Лицо у него какъ бы недовольное, даже надменное, но глаза ласковые лаской постоянной, природной доброты. Въ его кабинетѣ окна снизу наполовину завѣшены темнымъ. Подъ потолкомъ сіяетъ, а внизу сумеречно, — и комната имѣетъ видъ таинственный.

По картѣ онъ объясняетъ мнѣ, въ какихъ мѣстахъ области и какъ происходятъ въ настоящее время дѣйствія войскъ, съ какихъ сторонъ, по какимъ ущельямъ стараются проникнуть отряды вооруженныхъ турокъ и куда мы сейчасъ поѣдемъ. Беретъ полуверстную карту—велика; двухверстную—тоже.

— Ну, хорошо, я вамъ на пятиверстной, чтобы имѣть общее представленіе...

Кажутся вылѣпленными на картѣ тѣсныя ущелья, глубоко среди горъ вдавлены рѣчныя долины.

— Почти все это теперь покрыто снѣгами. Вотъ и

съ улицъ вы видите, вокругъ Батума горы уже на высотѣ трехсотъ саженъ запорошены снѣгомъ. Но это такъ отсюда кажется, будто легкій снѣжокъ, метлой смести можно. А тамъ, по дорогамъ и тропинкамъ— въ аршинъ!

Смѣясь добрыми глазами, онъ пускаетъ изъ угла недовольнаго рта струю дыма. Поднимаясь къ свѣтлому потолку, она медленно закручивается въ солнечныхъ лучахъ голубыми узорами. Отъ этого почему-то мнѣ ярче рисуются картины безконечныхъ горъ, укрытыхъ снѣгомъ, ясное небо надъ ними и трехсотверстныя дали съ высокихъ вершинъ

— А вотъ извольте,—вспомнилъ онъ,—патроны!..

На столѣ пачка патронъ въ обоймѣ—маузеровскій зарядъ. Полковникъ отламываетъ изъ патрона изящную никкелированную пулю и показываетъ на внутреннемъ ея концѣ нѣмецкое большое „W“.

— Вильгельмовскими воюютъ турки. И сыплютъ же по горамъ, канальи, безъ толку, не жалѣютъ чужого добра. Веселятся.

— Его превосходительство у автомобиля ожидаютъ!— доложилъ вѣстовой.

Всѣ спѣшно собрались. И когда мы: поручикъ Д., подполковникъ М. и я садились въ автомобиль, комендантъ крѣпости съ начальникомъ штаба уже мчались по улицѣ, почти исчезли въ солнечномъ сіяніи.

— Ну-ка, догоняй!—приказалъ шофферу поручикъ.

Рядомъ съ шофферомъ сидитъ солдатъ, ружье къ правому плечу. На солнцѣ онъ темный, четкій и симметричный силуэтъ, сидитъ настороженно и прямо. Шофферъ завалился въ кресло мѣшкомъ, осѣлъ внизъ, смотритъ сквозь рулевое колесо на дорогу, и прежде,

чѣмъ повернуть автомобиль на быстромъ ходу, перекачивается самъ въ сторону поворота. Отдаютъ офицерамъ честь часовые, прозвучала команда взводу, идущему по улицѣ:

— Равненія на права-а!

Въ быстромъ бѣгѣ автомобиля мы непрестанно касаемся отдѣльныхъ частей того, что называется „крѣпость“, „гарнизонъ“, „войско“. И всюду оно настораживается, дѣлается упругимъ, бодрствуетъ и готово къ подчиненію. Велятъ стоять — стоитъ, идти — пойдетъ, будетъ стрѣлять, лѣзть на неприступныя высоты, убивать и умирать... Оно въ городѣ, но не смѣшалось съ городомъ, оно одно съ тѣмъ, что за городомъ, на склонахъ горъ, въ укрѣпленіяхъ, казармахъ, окопахъ—все связано одной невидимой, но прочной цѣпью подчиненія и порядка на жизнь и смерть.

Дорога поднимается въ гору. На крутыхъ поворотахъ автомобиль дѣлаетъ взадъ-впередъ колѣно, чтобы повернуться. Недавніе ливни размыли склоны горъ и шоссе заплыло грязью. Сотни рабочихъ очищаютъ его. Теперь у нихъ обѣденное время. Къ намъ обращаются и насъ провожаютъ жующіе въ черныхъ усахъ рты, двигаются кадыки.

Съ каждымъ поворотомъ автомобиля шире видъ. Изъ фіолетовыхъ тумановъ выростаютъ вдали розовыя громады главнаго хребта. Это будетъ, по крайней мѣрѣ, за двѣсти верстъ! Ширится внизу разграфленный Батумъ, и синяя бухта рѣзко выдѣляется въ рамкѣ поблекшихъ береговъ.

Мрѣютъ въ теплой тишинѣ море и горы, и близкіе снѣга подъ щетиной лѣсовъ курятся голубымъ дымкомъ испареній.

Пока было возможно, ѣхали въ автомобиляхъ. Потомъ сѣли на лошадей. Солдаты здороваются съ комендантомъ радостными, застоявшимися отъ молчанія въ горахъ голосами.

Загражденія, траншеи, перевязочные пункты, бараки рабочіе, солдаты... И по всѣмъ направленіямъ телефонныя проволоки. Дорога, чѣмъ выше, тѣмъ труднѣе. Сердится и ходитъ, таская за собой на поводу уставшую лошадь, техникъ, кричитъ на рабочихъ. Склоны горъ круты, часто почти отвѣсны.

— Въ семьдесятъ градусовъ склоны приступомъ берутъ солдаты, — объясняетъ полковникъ. — Да не пускайте лошадь по краю! Здѣсь земля мягкая: осядетъ, и покатитесь внизъ.

Судя по фамиліи, онъ малороссъ, но уже давно живетъ на Кавказѣ, знаетъ его, исходилъ вдоль и поперекъ и влюбленъ въ этотъ край. Еще въ прошломъ году онъ сражался въ Урмійскомъ округѣ съ турками и курдами.

— Да, вѣдь, мы сами не знаемъ цѣны этого края. Здѣсь еще дичь и глушь,—вотъ пока-что можно сказать. Бездорожье—главное! За Чорохомъ въ горахъ есть, такъ называемая, Собачья тропа, тринадцать верстъ. Я привыкъ къ высотамъ, но минутами становилось жутко, въ глазахъ темнѣло. Полторы версты отвѣсная пропасть! А тропинка такая, если двое верховыхъ встрѣтятся—ни разминуться, ни назадъ повернуть, и одну лошадь надо внизъ столкнуть. Завьется бѣдное животное въ воздухѣ, два-три удара о скалы, и на дно летятъ окровавленные клочки... Ну, тогда другой всадникъ ѣдетъ впередъ. Тамъ не зазѣваешься.

Послышалась трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, толкнулся въ воздухѣ звукъ орудійнаго удара.

— Вчера мы вотъ эту высоту заняли,—показываетъ онъ запорошенную снѣгомъ вершину.—А теперь... навѣрное, сейчасъ идетъ атака вотъ этой горы.

— Должно быть, наши атакуютъ?! — поворачиваясь въ сѣдлѣ, полувопросомъ, полуутвержденіемъ говоритъ генералъ.

Всѣ прислушались къ неровной дроби ружейной стрѣльбы. Иногда она собиралась въ одинъ тугой узелъ большого залпа и тогда походила на пушечный выстрѣлъ.

Было странно узнать, что въ этотъ тихій, ясный и теплый день, во исполненіе распоряженій и плановъ вотъ этихъ, здѣсь спокойно ѣдущихъ верхами людей, тамъ по семидесятиградуснымъ крутизнамъ солдаты и офицеры взбираются на вершины, выбивая противника, убиваютъ и умираютъ сами.

Здѣсь по склонамъ и глубокимъ долинамъ кукурузныя поля, кучи кукурузной соломы на деревьяхъ, пустые дома. Заросли рододендрона, поблекшаго папоротника, а въ ямкахъ—куски нестаявшаго снѣга. Наконецъ мы взобрались на послѣднее возвышеніе надъ ущельемъ Чороха и спѣшились.

Насъ встрѣтили офицеры. Имъ пріятно въ горномъ просторѣ быть такъ же упруго-четкими въ жестахъ, какъ и внизу, въ тѣсныхъ казармахъ и штабахъ. Прикладывая къ козырьку руку, они отвѣчаютъ на вопросы генерала, жмутъ руки товарищамъ. Старый полковникъ, начальникъ отряда обороны, котораго всѣ зовутъ Василій Петровичъ, докладываетъ:

— Утромъ я имъ пустилъ восемь гранатъ...

— Ну и что же, зажгли? — спрашиваетъ генералъ, разсматривая въ бинокль склонъ зачорохской горы.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство! Камень-съ, дрянь избенки... Разрушить—разрушилъ, а зажечь—нѣтъ-съ, не горитъ.

Въ бинокль видно въ глубинѣ зачорохскаго ущелья: бѣлый домикъ, уголъ завалился. Пробѣжала человѣческая фигура, точно тѣнь метнулась, скрылась за камнемъ.

Всхлипывая и прижимая къ груди бинокль, старикъ объясняетъ:

— Дрянь народъ-съ, ваше пр-ство! Развѣ это врагъ?! Разсыпался, спрятался по камнямъ, вотъ и ищи его. Норовитъ, какъ бы изъ-за куста, какой это врагъ-съ? Снаряда на него, стерву, жалко. Развѣ онъ стоитъ снаряда, ваше пр-ство?!

Рукава солдатской шинели полковника нѣсколько длинноваты, фуражка туго и глубоко зачерпнула мягкій старческій затылокъ. Коричневое обвѣтреное лицо озабочено. Онъ ходитъ съ генераломъ по укрѣпленіямъ. Среди офицеровъ оживленный разговоръ. Молодой прапорщикъ, махая за Чорохъ рукой, говоритъ:

— Я просилъ его: позвольте пойти съ сотней на ту сторону. Я разрушу и зажгу эти дома, чтобы не въ чемъ было имъ прятаться и ночевать. А безъ домовъ пусть-ка они попрыгаютъ ночью въ горахъ!.. Такъ не позволяетъ.

На вершинахъ горъ, когда свѣтъ надъ вами, вокругъ васъ и подъ вами, день кажется ярче. Когда мы смотримъ за Чорохъ, солнце бьетъ намъ прямо въ лицо. Склонъ же зачорохской горы въ темно-фіолетовомъ туманѣ. На срединѣ этого склона лежитъ бѣлое облако,

пронизанное солнечными лучами. Чорохъ растекается при выходѣ изъ ущелья на нѣсколько рукавовъ, сверкаетъ подъ солнцемъ и брызжетъ огнемъ, какъ расплавленный металлъ. И челноки на песчаныхъ отмеляхъ черны, какъ уголь. Внизу по ущелью вьется узенькая полоска шоссе. Кто то ѣдетъ. Затрещали изъ-за Чороха выстрѣлы, и на шоссе клубочками поднимается пыль, взрытая пулями.

Влѣво, на юго-востокѣ бой разгорается. Слышны гулкіе орудійные выстрѣлы. И на склонѣ горы внезапно появляются бѣлыя облачка — это рвутся наши шрапнели. На югъ, востокъ и сѣверъ—снѣжныя горы. На западъ—голубое море. И вся природа залита желто-розовымъ, мандариновымъ свѣтомъ тихаго вечера. Не вѣрится, что война въ этихъ краскахъ, звукахъ, внезапныхъ облакахъ.

— Пугаются, обыкновенно, звуковъ при выстрѣлахъ,— улыбаясь, говоритъ начальникъ штаба,—но, какъ общее правило, тотъ выстрѣлъ уже не опасенъ, который слышишь.

Спускались мы пѣшкомъ по крутому склону горы. Спускъ крутой. Генералъ съ начальникомъ штаба идутъ впереди, шагаютъ убористо и скоро. Подполковникъ—кавалеристъ и немного тяжеловатъ для ходьбы. Переваливаясь, онъ ворчитъ на „пѣхоту“.

— Имъ, пѣхотинцамъ, все нельзя верхомъ. А почему нельзя? Отлично бы ѣхали. Хорошо генералу, у него шагъ легкій.

Въ штабъ приглашенъ по дѣламъ и Василій Петровичъ. Спускаясь, онъ озабоченъ мыслями о ничтожномъ врагѣ, который не ищетъ лица, а норовитъ въ заты-

локъ. Останавливается, смотритъ въ бинокль и, слушая близкіе выстрѣлы, кричитъ коменданту:

— Лампасы то, ваше пр-ство!.. Кажись, по лампасамъ вашимъ стрѣляютъ.

Генералъ оглянулся, махнулъ рукой.

— Не долетитъ! Пусть тратятъ патроны.

Генералъ, начальникъ штаба и я ушли далеко впередъ. Разговоръ у насъ самый мирный—о прекрасномъ климатѣ Батума, о его великолѣпной зимѣ, о „двѣнадцати дарахъ“ природы, привезенныхъ профессоромъ Красновымъ въ Батумъ съ Дальняго Востока. Три дара генералъ помнитъ: мандаринъ, бамбукъ и чай. Прекрасно растутъ!

Автомобили стояли на шоссе вдали, внѣ обстрѣла. Увидѣвъ насъ, шофферы немного пододвинулись, и всѣ мы потные, усталые съ чувствомъ радостнаго облегченія несемся по прекрасному артвинскому шоссе.

Вечеромъ въ ресторанъ пришелъ изъ штаба пообѣдать Василій Петровичъ. Ослѣпленный электричествомъ, онъ щурился на списокъ кушаній и, думая о чемъ-то далекомъ, — объ укрѣпленіяхъ и траншеяхъ, о своихъ солдатахъ и офицерахъ,—разсѣянно давалъ служителю приказанія. Штанина его была выпачкана глиной окопа. Былъ онъ трогателенъ въ своей дѣловитой озабоченности, старый начальникъ и солдатъ.

— Вы въ городѣ ночуете?—спрашиваю его.

— Нѣтъ, ночью туда! Невозможно-съ, надо тамъ быть.

Хлебнувъ ложку горячаго борща и отираясь салфеткой, онъ съ одушевленіемъ объясняетъ:

— ...Аджарецъ али турокъ — форма у него одинаковая. Сегодня онъ русскій, завтра турецкій. Кто ему

далъ винтовку, тотъ и дядька...·Поймали мы вчера троихъ. У каждаго сумка, въ сумкѣ—сотня патроновъ, табаку фунта по два и галеты,—вотъ онъ и воинъ. Лазитъ по горамъ, какъ кошка, прячется за камень, жретъ галету, куритъ табакъ и стрѣляетъ... Бродяга онъ и есть бродяга.

III.

Нѣсколько дней провелъ я въ Батумѣ, отдыхая послѣ долгой дороги. Было ясно, тепло и покойно. Только обстрѣлъ Батума съ моря 27 ноября произвелъ въ городѣ тягостный переполохъ.

Это было уже во второмъ часу дня, когда я зашелъ въ знакомую кофейню. Хозяинъ-грекъ въ видѣ привѣтствія улыбнулся изъ глубины комнаты: бѣлые зубы, черные усы. За столами играли въ кости, читали газеты греки, грузины, но не было обычнаго оживленія восточной кофейни. Сидятъ молча, если говорятъ, такъ не громко и охотно слушаютъ.

Черезъ минуту хозяинъ несетъ на подносѣ чашку турецкаго кофе и стаканъ воды. Во всей его запрокинутой фигурѣ, на лицѣ, вымазанномъ сажей бороды, усовъ и бровей, я читаю, что онъ вполнѣ довѣряетъ свою жизнь крѣпости и не уѣдетъ отсюда никуда. Но мимоходомъ онъ бросилъ прищуренный взглядъ на заливъ, на военное судно, на тяжелую нитку гусей, летящихъ надъ водой, и въ темныхъ глазахъ его появилось безпокойство:

— Что то въ порту...—говоритъ онъ задумчиво.

Въ это время раздался глухой, но сильный ударъ. Зазвенѣли стекла въ окнахъ кофейни, и всѣ вскочили, вышли на тротуаръ. Вопросительно показываютъ руками. И странно, что не говорятъ.

— Не знаю, ишто такое? — тихо говоритъ хозяинъ, давая сдачу и дрожащей рукой запирая кассу.

На улицахъ въ разныя стороны покатили извозчичьи коляски, автомобили. Скачетъ на лошади солдатъ, а другую лошадь ведетъ на поводу. Перебѣгаютъ улицы, останавливаются на углахъ толпами женщины, газетчики, торговцы. Смотрятъ вдоль улицъ, въ небо.

Когда я шелъ подъ домомъ Соединеннаго банка, раздался ударъ. Трудно было въ тотъ моментъ опредѣлить, гдѣ именно этотъ ударъ. Мнѣ казалось, что онъ произошелъ во мнѣ, надо мной, подо мной, — до того былъ онъ оглушительно всеобъемлющъ и великъ. Качнулся домъ, стекла верхнихъ оконъ посыпались на тротуаръ, и вся улица и домъ окутались дымомъ. Быстро разбѣжались одни, прибѣжали со всѣхъ сторонъ другіе люди.

Собственно, никто изъ бѣгущихъ не зналъ, куда онъ бѣжитъ. Но трудно стоять въ тѣсной улицѣ, когда не видно, откуда идетъ опасность? Мечутся отъ волненія собаки; высоко подпрыгивая, звонко лаетъ бѣлый шпицъ.

Я пошелъ подъ прикрытіемъ улицы, поперечной къ линіи выстрѣловъ. Это была солнечная сторона, залитая мандариновымъ свѣтомъ. Вздрагивала отъ тяжелыхъ выстрѣловъ земля и дома пугали.

„Пять, шесть, семь“,—считаю я удары. Очень интересно, сколько ихъ будетъ? Не всегда можно различить, какіе наши, какіе съ моря. Но разрывающійся въ городѣ снарядъ легко узнать: онъ подобенъ удару грома съ трескомъ, съ тысячами звонкихъ подголосковъ. Это свистятъ осколки.

Въ дверяхъ лавочки стоитъ женщина, прижавъ ладони къ щекамъ.

— Ахъ, Господи! Господи!—шепчетъ она при каждомъ ударѣ побѣлѣвшими губами.—Закрывай, пойдемъ!

— Ну и что же ходить?—отвѣчаетъ мужъ.—Отъ смерти не уйдешь.

Онъ чувствуетъ себя въ нижнемъ этажѣ крѣпкаго дома безопасно, потому ему хочется выказать безстрашіе. Пригласилъ меня зайти. Зашелъ еще господинъ съ воспаленными воловьими глазами, а съ нимъ два мальчика—тринадцати и десяти лѣтъ.

„Девять, десять... Одиннадцатый взрывъ неподалеку“ — отпечатлѣвается у меня въ мозгу. Старшій мальчикъ стоитъ, стиснувъ зубы, натянувъ на кулаки рукава куртки.

— Что ты?—спрашиваю его.

Онъ ляскнулъ зубами, всхлипнулъ:

— Боюсь...

Я обхватилъ его за спину рукой. Всѣми жилками вздрагивало его худое тѣльце. Когда я прижалъ его къ себѣ, онъ на минуту пересталъ дрожать.

— Да не бойся же, здѣсь мы въ безопасности.

— А если убьютъ?—шепталъ онъ.

— Ну, убьютъ—мы ужъ ничего не будемъ чувствовать,—говоритъ его отецъ, вращая воспаленными глазами.—У тебя вотъ лихорадка началась, а у меня, братъ, прошла... Я только сегодня впервые вышелъ на улицу,—объясняетъ онъ мнѣ,—лихорадка у меня; поѣли мы простокваши и пошли по солнышку. Вдругъ выстрѣлъ... И кто тамъ, „Гебенъ“, что-ли?

Младшій мальчикъ не дрожалъ, но былъ вялый и зеленъ лицомъ.

„Двѣнадцать, тринадцать“... Взрывы прекратились. Это ужъ теперь бьютъ по врагу наши пушки. И, кажется, съ горъ скатываются въ море тысячепудовыя скалы, проносятся съ воемъ и свистомъ надъ городомъ, сотрясая небеса и землю.

Первые удары оглушаютъ, убиваютъ волю; слѣдующіе возбуждаютъ, даже интересуютъ: а что тамъ на морѣ? По улицамъ все еще бѣготня, но я вижу и спокойныхъ. Вотъ дѣвушка прошла черезъ улицу, сдерживая походку. Стоятъ съ ружьями дозоры солдатъ.

„Четырнадцать, пятнадцать“. Солнечна и пустынна широкая улица къ морю. Я пошелъ на берегъ. Увидѣлъ меня, приподнялъ шляпу рыжій парикмахеръ, который вчера меня стригъ, и пошелъ рядомъ. Онъ возбужденъ и сердитъ.

— Ну, и чего заметались!—говоритъ онъ, презрительно тыкая растопыренными пальцами въ предполагаемый народъ. —Ну, и убьютъ,—что за важность?! Когда тысячи умираютъ, такъ отчего не умереть и намъ?! На то и война!

Отъ восторженнаго возбужденія, готовности умереть у него изъ глаза вытекла слеза и разлилась по рыжей щекѣ сыростью. Ему хочется въ эту минуту проповѣдывать спокойствіе и готовность умереть, ему нужна толпа. Онъ отсталъ отъ меня.

„Шестнадцать“,—ударило густымъ послѣднимъ залпомъ съ нашихъ батарей.

Въ морѣ виднѣлись два уплывающихъ дыма. Одинъ стоялъ столбомъ, другой тянулся по горизонту длинной лентой. Это было нападеніе „Гебена“ съ крейсеромъ „Бергъ-Сатверъ“, нападеніе очень дерзкое, среди яркаго дня. Конечно, оно не могло быть ни губитель-

нымъ, ни продолжительнымъ. Вся стрѣльба съ той и нашей стороны продолжалась около десяти минутъ.

На бульваръ высыпалъ народъ, смотрѣли въ тихія дали моря. Встрѣчаясь, знакомые кланялись другъ другу съ радостными лицами, счастливыми улыбками.

„Какое счастье, что я живой!“, —говорили эти радостныя улыбки.—„Ну такъ, вѣдь, на то здѣсь и крѣпость! Крѣпко. Небось, быстро повернулъ Гебенъ“...

На бульварѣ упалъ одинъ гебеновскій одиннадцатидюймовый снарядъ, сдѣлалъ воронку сажени въ двѣ шириной. Осколкомъ здѣсь убило мальчика—чистильщика сапогъ. Это единственная трогательная жертва войны. Яма полна народомъ: копаютъ землю лопатами, руками, ищутъ осколковъ.

Около дома Соединеннаго банка тоже много любопытныхъ. Снарядъ пробилъ стѣну въ три четверти аршина толщиной, разорвался внутри, развалилъ на обѣ стороны внутреннія перегородки, пробилъ потолокъ въ нижнемъ этажѣ. Въ кучѣ мусора книги, цвѣты, картины. Было тамъ двое полицейскихъ: Варичъ и Бригадировъ; ихъ только оглушило. Служанка въ кухнѣ писала письмо своей барынѣ въ Тифлисъ: „Здравствуй дорогая барыня, все у насъ въ крѣпости благополучно, ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ и цѣлую крѣпко“... Въ этотъ моментъ раздался взрывъ, все у нѣй въ кухнѣ перемѣшалось, теперь она сидитъ и плачетъ.

Вечеромъ въ кинематографѣ должно было состояться „Ужасъ въ воздухѣ“. Не было. Еще раньше девяти затихъ въ домахъ городъ, и крѣпость осталась на улицахъ, на горахъ и на морѣ.

Такъ прошелъ въ Батумѣ день 27 ноября. Всего упало въ городѣ шесть снарядовъ.

Подъ снѣжными вершинами.

I.

Черезъ два дня послѣ этого происшествія я выѣхалъ на передовыя позиціи по рѣкѣ Чороху.

Чѣмъ дальше ѣду въ горы, тѣмъ тѣснѣе ущелье Чороха. Дорога лѣпится по каменному выступу отвѣсной скалы. Встрѣтили двухъ солдатъ—гонятъ стадо заблудшаго турецкаго скота: коровы, телята, козы и одинъ оселъ. Скотъ дикъ и пугливъ, трудно размииуться, и солдаты издалека кричатъ намъ остановиться. Стояли, пока стадо просочилось между экипажемъ и скалой.

Пусты придорожныя кофейни, лавки, домики. Около одного стоитъ безъ шапокъ съ ружьями взводъ солдатъ, всѣ обратили лица въ одну сторону, въ глубину долины, за Чорохъ. На экипажъ мой и не посмотрѣли, только одинъ крайній солдатъ покосился сѣрымъ глазомъ. Въ первый моментъ я не понялъ, въ чемъ дѣло. Смотрю на дно ущелья—трогательная картина. Сегодня суббота. За Чорохомъ на сѣрой галькѣ аналой; священникъ въ епитрахили служитъ всенощную. За нимъ плотнымъ полукругомъ, какъ сѣрая

скала, стоятъ солдаты, штыки вверхъ. Когда эта скала осѣдаетъ въ поклонѣ, глубже обнажается надъ ней щетина штыковъ. Напѣвъ вторитъ гулу горной рѣки.

„Го-осподи, поми-илуй!".

Слышатъ ли этотъ молитвенный напѣвъ турки? Можетъ быть, они тоже въ этотъ закатный часъ творятъ свои вечернія молитвы? Люди и горы молятся одному Непостижимому и Предвѣчному.

Рядомъ бивакъ: палатки, огни, лошади, кучи кукурузы. Черезъ зеленый Чорохъ переправляется лодка, тоже какъ ежъ, вся въ колючкахъ штыковъ. За лодкой плывутъ двѣ лошади. Одна оторвалась, вернулась; на берегу отряхнулась и закашляла отъ ледяной воды.

На обрывѣ дороги я долго стоялъ, смотрѣлъ и слушалъ.

Черезъ нѣсколько верстъ дальше я уже слышу гулъ ружейной перестрѣлки. Глубины долинъ темнѣютъ, но верхи горъ свѣтлы. Турецкіе выстрѣлы отрывочны и глухи, наши — звонче и нѣжнѣе. Иногда по ущелью пронесется вихрь выстрѣловъ, точно подрубили большое дерево и оно хлестнуло по камнямъ тысячами звонкихъ вѣтвей.

Вжикъ-та-тахъ!

Ужъ пора бы прекратить, почти и не видно ничего.

На томъ мѣстѣ, гдѣ сливаются рѣки Чорохъ и Аджарисъ-Цхали, за каменнымъ краемъ шоссе полегли передовые отряды. Пулеметъ, какъ курносый песъ, уставился носомъ черезъ каменную стѣнку шоссе, смотритъ вдоль враждебнаго ущелья, точно нюхаетъ,— а гдѣ турки? Пряча головы за камень, лежатъ на шоссе

солдаты. Захолодавшія руки сцѣпились рукавъ въ рукавъ, кренделемъ висятъ на винтовкахъ. Молчатъ, подъ рокотъ выстрѣловъ ушли, каждый въ свои далекія думы и мечты. Можетъ быть, нигдѣ такъ далеко не летятъ мечты, какъ на передовыхъ позиціяхъ, подъ гулъ вражескихъ выстрѣловъ.

— Тамъ турки?—спрашиваю одного, показывая въ глубину поперечнаго ущелья.

Онъ утвердительно качнулъ головой, и безъ того согнутой и лежащей на груди. Когда я остановился, чтобы вглядѣться въ призрачныя сумерки ущелья, солдатъ ласково сказалъ:

— Проѣзжайте, господинъ... Угодитъ шальная. Вонъ съ того склона турокъ палитъ.

Штабъ N-скаго полка и перевязочный пунктъ расположились въ пустомъ селеніи. Нѣсколько каменныхъ домовъ вдоль рѣки заняты офицерами, врачами, солдатами. Горѣли костры, дымились и парились борщомъ походныя кухни, ржали на выстрѣлы лошади. Уже прижились къ солдатамъ молчаливые, лобастые псы. Все въ сумеречномъ ущельѣ мирно на видъ; но по голосамъ людей, по взглядамъ, вопросительнымъ и удивленнымъ, сразу чувствовались здѣсь неустанное напряженіе войны и тревога близкой опасности.

Невеликъ офицерскій домикъ. Высокое крыльцо отъ рѣки, въ передней—телефонъ, надъ которымъ согнулся дежурный телефонистъ; комната тѣсно заставлена кроватями. На кроватяхъ и стѣнахъ шинели, оружіе, корзины, коробки. Собрались офицеры, врачи. Рады новому человѣку,—какія новости, какъ доѣхалъ и что было въ Батумѣ во время бомбардировки? Входили денщики, вѣстовые съ докладомъ, съ вопросомъ. Худой

и нервный поручикъ собирался на развѣдки, разговаривалъ съ штабомъ отряда въ телефонъ, волновался, торопилъ солдатъ. Въ торопливыхъ сборахъ вспыхивали и быстро гасли между офицерами недоразумѣнія. И я удивлялся способности быстро забыть размолвку, даже черезъ минуту забыть и снова сказать другъ другу ласковое слово. Безъ этого, очевидно, была бы невозможна жизнь людей въ тѣснотѣ, неудобствахъ, постоянныхъ волненіяхъ, лишеніяхъ и опасностяхъ.

Уже больше часа денщикъ ставилъ самоваръ и все не могъ вскипятить воду. Сердились на него, бранили „кубышкой", и мгновенно забывали, отвлекаемые множествомъ новыхъ дѣлъ. Отовсюду постоянно гудѣлъ телефонъ.

— Немедленно надо идти, установить связь съ развѣдчиками. Они на 371, и безъ связи ихъ могутъ отрѣзать.

— Да чего же они раньше думали?! — волновался поручикъ. — Довели до ночи... Гудковъ! Позови мнѣ Гудкова.

Связь—это телефонъ. Цифры — высоты горъ въ саженяхъ. Начальникъ обоза, штабсъ-капитанъ В., высокій, размашистый, голосистый, шумно распоряжался, выходилъ на крыльцо и зычно кричалъ:

— Петренко! Петренко! Такъ скорѣе откликайся, коли зовутъ, чертъ полосатый!

Наконецъ, подали самоваръ, поставили на столъ стаканы, кружки, чашки. Коробка сахару, яблоко, хлѣбъ, нарѣзанный большими солдатскими ломтями.

— Ужъ постарался! — сердито таращитъ на денщика черный глазъ шт.-кап. В. — Напахалъ ломтей! У-у, кубышка!

Пили чай, разговаривали о товарищахъ—офицерахъ, убитыхъ вчера, при взятіи высоты 502, Володькѣ и Колькѣ.

— Отъ самолюбія погибъ Володька! Не разберешь въ горахъ, какая высота. Занялъ онъ 461, а показалось ему—502. Доноситъ—занялъ 502. Выяснилось—ошибка. Просто дѣло, оставилъ бы на утро! Утромъ артиллерія обстрѣляетъ высоту, подготовитъ атаку, а потомъ бы спокойно заняли. Такъ нѣтъ: на-те же вамъ: донесъ и возьму! Пошелъ и вотъ...

Нѣкоторые еще не видѣли убитыхъ, и старшій врачъ, Иванъ Павлычъ, пошелъ показать. Въ пустой комнатѣ на столѣ лежали тѣла капитана В—о и поручика В.; въ чистомъ бѣльѣ, чулкахъ, омытые отъ грязи окоповъ, они лежали рядомъ—прямые, застывшіе трупы. Иванъ Павлычъ освѣтилъ ихъ лица. Поручикъ молодой, съ лицомъ бритымъ, сухощавымъ, орлинымъ. Оно слегка запрокинулось и было прелестно. Я не могу иначе назвать впечатлѣнія, ибо я любовался лицомъ. И это первый разъ въ жизни, когда я смотрѣлъ на мертвое лицо съ любованіемъ, безъ жути и брезгливости. У капитана подбородокъ прижатъ къ груди, и борода, подстриженая со щекъ, казалась лишней на восковомъ лицѣ, точно чуждый придатокъ. Капитанъ Г. ласково дотронулся ладонью трупа и сказалъ:

— Эхъ Володька, напрасно, братъ, напрасно! Отъ самолюбія погибъ. Жалко тебя!

Пошли допивать чай.

— Можетъ быть, ночуете у насъ?—приглашалъ Иванъ Павлычъ.—Попили бы чайку, побесѣдовали бы, какъ слѣдуетъ...

— Если можно, я ужъ поѣхалъ бы.

— Трудновато, а можно. Я телефонировалъ въ штабъ отряда, тамъ ждутъ васъ. Черезъ часъ поѣдутъ солдаты, проводятъ.

Капитанъ Г. только что пріѣхалъ съ высоты 521, приглашаетъ къ себѣ:

— Поѣдемте завтра ко мнѣ, вотъ и увидите, какъ мы воюемъ. Есть наука военнаго дѣла, стратегія. Въ этой наукѣ все разсчитано на то, что люди могутъ передвигаться большими массами въ извѣстномъ порядкѣ... Чтобы воевать на Кавказѣ, нужно всякія стратегіи позабыть. Здѣсь не ходятъ, а лазятъ, какъ обезьяны. Если не скалы, такъ перевитой колючимъ плющемъ рододендронъ—не продраться. Выше—снѣга. А онъ сверху жаритъ!.. Великое вдохновеніе нужно для такой войны!

Въ дымной отъ табаку комнатѣ пѣли въ перемежку пѣсни и молитвы. Это такъ отвѣчало переходамъ настроенія потревоженной души. Было это искренно, потому—естественно. Стоило начать пѣсню или молитву,—и вотъ уже всѣ входили въ ея настроеніе и пѣніе волновало и захватывало глубоко.

„Намъ каждый гость дается Богомъ,
„Какой бы ни былъ онъ среды,
„Хотя бы въ рубищѣ убогомъ,
„Алла верды, Алла верды“.

И тутъ же шт.-кап. В. возгласилъ великую ектенію: „Міромъ Господу помолимся о плавающихъ, воюющихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ и плѣненныхъ“... На всякій возгласъ хоръ отвѣчалъ проникновенно и необычно: „О, дай, Господи!“.

Новизна ли обстановки, или, дѣйствительно, эти люди, оторванные отъ семьи, живущіе каждый часъ,

каждую минуту въ великихъ трудахъ и опасностяхъ войны, вкладывали въ пѣсни и молитвы лучшее, неизрасходованное за день чувство любви, вѣры, молитвы, что пѣніе глубоко волновало. Капитанъ Г. нѣсколько разъ украдкой сталкивалъ изъ-подъ очковъ пальцемъ слезу умиленія и восторга и, отвернувшись въ уголъ, гудѣлъ взволнованнымъ басомъ.

Пѣли: „Плачьте красавицы въ горныхъ аулахъ“, „Хвалите Имя Господне“, „Можетъ статься, въ эту пору насъ на ружьяхъ понесутъ“ и „Се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща“...

— Эхъ, Колька, Володька!—качая головой, вспомнилъ одинъ въ перерывѣ пѣнія.—Какіе офицеры были, орлы! Жалко, вѣдь, васъ, черти!.. Да откачнись ты въ уголъ!

Капитанъ Г. сидѣлъ на линіи между двухъ угловыхъ оконъ. Вчера турецкій выстрѣлъ съ горы прострѣлилъ сразу оба окна; на огонь легко цѣлиться.

Вышли мы съ Иванъ Павлычемъ на крыльцо. Почти прекратилась перестрѣлка, только изрѣдка, какъ хлопанье бича, звенѣли вблизи отдѣльные выстрѣлы. На ущелье легла туча, было темно, какъ въ гробу. Кто-то ходилъ, топали лошади, слышался невнятный разговоръ, шумѣла рѣка.

— Завтра у насъ работа будетъ, — задумчиво говоритъ Иванъ Павлычъ. — Завтра предполагается взять нѣсколько турецкихъ позицій... Николаевъ, ну что же, готово?!

Кряхтя и что-то дѣлая около лошадей, Николаевъ отвѣтилъ—готово. Но это означало, что онъ торопится, готово же было не скоро. Николаевъ сердился и бранилъ Рыжаго, Игреняго, Гнѣдого, толкалъ ихъ локтями,

уговаривался. Кричалъ дѣтскимъ голосомъ Артамонова. И прошло еще полчаса, пока мы сѣли на лошадей.

Взяли фонарь, но падаетъ и гаснетъ свѣча. Артамоновъ поѣхалъ за другимъ фонаремъ, не нашелъ. Тронулись во тьмѣ. Черезъ сто саженъ упалъ въ грязь вьюкъ моихъ вещей. Николаевъ долго возился, бранилъ вьючныхъ, всхлипывая и жалуясь, какъ ребенокъ. Устроились, проѣхали нѣсколько десятковъ саженъ—опять та же исторія.

Довѣряемъ больше чутью лошадей. Дорога извилиста и въ гору. Крутизны, камни, сучья въ лицо. Внезапные домики: то внизу, подъ ногами, то прямо надъ головой, и свѣтъ пробивается сквозь щелку.

— Да что же ты не окликнешь, Артамоновъ, кто тамъ?

Артамоновъ долго молчитъ и глухо скажетъ:

— Наши! Чего окликать.

Съ темной горы надъ нами, точно сіяющій мечъ архангела, протянулся въ непріятельское ущелье бѣлый лучъ прожектора, ползаетъ, щупаетъ крутые склоны. Иногда останавливается и настойчиво сверлитъ въ одномъ мѣстѣ. Въ бинокль видно, какъ по ярко освѣщенному пятну межъ скалъ и деревьевъ начинается мышья бѣготня турокъ. Въ тишинѣ горъ звонкимъ горохомъ разсыплется нѣсколько выстрѣловъ и опять тихо.

Ѣдемъ мимо сторожевыхъ постовъ: дворъ, костеръ, черные силуэты людей. И тѣ не окликаютъ насъ—кто ѣдетъ? Я опять къ Артамонову.

— А отчего они насъ не окликаютъ, Артамоновъ?

— Слышатъ, что свои...

„Да что это за слухъ такой?—думаю себѣ.—Про-

сто —безпечные русскіе мужики! Думаютъ, что Кавказъ—Тамбовская губернія"...

Раза два теряли тропу. Усталый отъ дороги, измученный тьмой, я сердился, но молчалъ. Николаевъ упрекалъ.

— А еще говорилъ,—зна-аю! Вотъ и знаешь! Завелъ къ кошкѣ подъ хвостъ. Чертъ, Артамоновъ!..

Кое-какъ на стукъ электрической машины выбрались къ прожектору, а тамъ ужъ и штабъ рядомъ.

— Ну, чего скулилъ?! Вѣдь, вотъ привелъ же!—отомстилъ Артамоновъ.

II.

Штабъ отряда помѣщается въ покинутомъ турецкомъ домѣ. Домъ каменный, на крутомъ скатѣ горы, передняя стѣна высока, а задняя почти вся въ скалѣ.

— Кругомъ заходите, съ горы!—крикнули мнѣ съ высокаго балкона.

Темно. Слѣпитъ глаза яркій лучъ прожектора. Теперь онъ ниже меня, протянулся десятиверстной бѣлой лентой въ ущелья. Глубину этихъ ущелій я чувствую подъ собою. Мракъ внизу зыбокъ и бездоненъ и полонъ текучихъ шороховъ и звуковъ.

Въ большой комнатѣ собрались офицеры: начальникъ отряда, полковникъ П.; начальникъ штаба, подполковникъ З.; его адъютантъ; докторъ; командиры батарей и ротъ,—всего человѣкъ восемь. Горѣлъ каминъ, вдоль стѣнъ стояли кровати, застланныя кукурузной соломой; посрединѣ столъ, скамейки, плетеные стулья. Офицеры благодушествовали въ теплѣ, въ блузахъ, фуфайкахъ. Самоваръ на столѣ.

— Это мы ужъ сами стѣны замазали. Не глядите, что камни, а щели были—насквозь видно. Вотъ перегородки и двери отличныя: цѣльный орѣхъ и букъ. Въ Москвѣ дорого бы за нихъ дали...

За перегородкой постоянно гнусѣлъ телефонъ; адъютантъ уходилъ, приносилъ извѣстія, спрашивалъ. Съ высоты такой-то доносятъ... Развѣдчики сообщаютъ... Командиръ такой-то спрашиваетъ... Адъютантъ составлялъ сводку событій прошедшаго дня, пополняя ее поступающими донесеніями. Было странно сознавать, что окружающія снѣжныя вершины, дикія ущелья связаны съ этимъ мѣстомъ телефономъ, и можно сейчасъ узнать, что дѣлается за десятки верстъ отсюда, на такой-то высотѣ, въ окопахъ и заставахъ.

— Объясните пожалуйста,—обращаюсь къ полковнику П.,—почему дозоры по дорогѣ насъ не окликали? Да и тѣ солдаты, что со мной ѣхали, тоже безпечны. Ѣдемъ мы—одинокіе домики, въ щеляхъ свѣтъ: кто тамъ, неизвѣстно. А они не интересуются.

Полковникъ улыбается.

— А вотъ пусть бы прошелъ тутъ турокъ! Не далеко бы онъ ушелъ. Нѣтъ, вы посмотрите, гдѣ надо быть осторожнымъ,—солдатъ на одномъ ухѣ спитъ, а другимъ, какъ собака, слушаетъ. А здѣсь они слышатъ, что свои идутъ, вотъ и молчатъ. Нѣтъ, батюшка мой, будьте спокойны...

Полковникъ говоритъ о духѣ войска.

— Тонкая эта штука—духъ войска. Война—дѣло трудное, особенно въ горахъ, гдѣ успѣхъ часто достигается порывомъ. И начальникъ долженъ уловить моментъ. Если онъ солдата чувствуетъ, онъ знаетъ, когда и что надо сдѣлать. И все отражается на настроеніи

солдатъ! Если я утромъ приду къ нимъ не въ веселомъ духѣ, больной или раздраженный, самъ въ себѣ не увѣренъ—плохое дѣло. Я уже плохой командиръ и солдаты мои не воины.

Начальникъ штаба, Михаилъ Ивановичъ, объясняетъ по картѣ, какъ завтра пойдетъ бой, какія высоты назначено взять, откуда. Отдаются послѣднія распоряженія начальникамъ батарей: въ семь съ четвертью утра начать обстрѣливать шрапнелью высоты а, б, в..., чтобы подготовить ихъ для штурма. На ужинъ денщикъ собралъ, кому—кусокъ курицы, кому—котлету. Разошлись. Мы съ Михаиломъ Ивановичемъ и докторомъ укладываемся въ комнатѣ съ каминомъ. Все еще гнусѣлъ телефонный гудокъ, входилъ усталый адъютантъ и передавалъ извѣстія; садился на стулъ и дремалъ.

Михаилъ Иванычъ вышелъ на балконъ, заглянулъ въ комнату солдатъ, ощупалъ часового—тепло ли одѣтъ, и, ложась въ кровать, распорядился:

— Коваль, ты вставай ночью, въ каминъ дровъ подкладывай, не давай гаснуть.

Тѣни полыхали по голымъ каменнымъ стѣнамъ турецкаго дома, по кроватямъ доктора и Михаила Иваныча. Время отъ времени гнусѣлъ за перегородкой телефонъ и говорилъ дежурный телефонистъ. Огонь въ каминѣ разсказывалъ какія-то древнія, безъ словъ, сказки, какъ жили дикіе люди.

Проснулись мы въ синемъ разсвѣтѣ. Огонь въ каминѣ потухъ, было прохладно. Лѣниво ворочался подъ одѣяломъ докторъ; одѣваясь, ежился отъ холода Михаилъ Иванычъ.

— Ну, что же вы, докторъ, не поѣдете съ нами?

— Нѣтъ, я посплю, а вы поѣзжайте. Я вамъ при-

готовилъ по бинту на всякій случай... вонъ за подсвѣчникомъ. Іоду бы надо вамъ пузырекъ, рану лучше всего іодомъ. Ну, чай, на батареѣ есть.

Послышался гулкій толчекъ орудійнаго выстрѣла Всѣ посмотрѣли на часы, было четверть восьмого.

— Точно начали! Ну-ка, Коваль, скорѣе самоваръ тащи, какого черта возишься!

Спрашиваю у Михаила Иваныча,—какое слово для орудійной стрѣльбы? Вотъ если художнику скажешь, что онъ рисуетъ картину—не годится! Надо сказать—пишетъ! Стрѣляютъ изъ пушекъ—тоже не подходитъ.

— Изъ пушекъ бьютъ!—увѣсисто говоритъ Михаилъ Иванычъ.

Наскоро пьемъ по стакану чаю и садимся на лошадей. Докторъ плотнѣе кутается въ одѣяло.

Было ясно надъ горами, только кое-гдѣ—бѣлыя облака, какъ снѣжныя поля горныхъ вершинъ. Желто-розовымъ свѣтомъ запылали вершины. Густой, синій сумракъ въ долинахъ. Какъ музыка разсвѣтающаго дня, сильнѣе и сильнѣе звенитъ перестрѣлка. Изрѣдка рокочетъ пулеметъ, точно звонкая швейная машина дѣлаетъ строчку... Долго по горамъ тянется эта рокочущая строчка звуковъ, тянется жуткой смертоносной чертой. И божьей грозой грохочутъ орудійные выстрѣлы... Чувствую, какъ подо мной вздрагиваетъ и нервно танцуетъ лошадь.

— Боятся лошади выстрѣловъ! Очень чутки къ опасности!—объясняетъ Михаилъ Иванычъ.

Михаилъ Иванычъ интересный собесѣдникъ, любитъ мѣткое слово, кратко выраженную мысль. Онъ волнуется и торопится съ батарейныхъ высотъ взглянуть

какъ идетъ бой и будетъ ли къ вечеру закончено все, что было намѣчено во вчерашнемъ планѣ.

Спустились на шоссе, ѣдемъ, приближаясь къ бою. Вотъ ужъ мы на мѣстахъ ружейнаго обстрѣла. Вотъ за рѣкой въ турецкой деревенькѣ перевязочный пунктъ; туда ведетъ временный мостъ, наведенный ночью саперами. Увидѣлъ насъ, вышелъ на дорогу старшій врачъ. Ему хочется спросить и о себѣ разсказать, пріятно увидѣть людей и пригласить ихъ заѣхать.

— Нѣтъ, сейчасъ не можемъ. На батарею торопимся.

— Ну, такъ обратно заѣзжайте чайку попить. Ждать буду!

Между снѣжными вершинами прорвался въ долину солнечный лучъ и вымазалъ розовымъ желткомъ темныя скалы. На скалахъ жесткое корявое деревцо самшитъ; оно твердо, какъ желѣзо, и бѣло, какъ слоновая кость; а листья мелкіе—зеленая жесть. Подъ орѣховымъ деревомъ нападали и очистились отъ коры грѣцкіе орѣхи. Ординарецъ набралъ пригоршни и даетъ намъ.

— А вотъ мы въ М. стояли, такъ тамъ апельсиновъ много было. Апельсины ѣли—у солдатъ рты заболѣли!—смѣется Михаилъ Иванычъ.

На батарею поднимаемся уже по ярко-освѣщенному склону. А склоны турецкихъ высотъ покрыты фіолетовой тѣнью—невыгодное освѣщеніе.

— Вотъ все время такъ приходится! Наши позиціи всегда — южные склоны горъ, цѣлый день освѣщены отлично, на пять верстъ все различишь простымъ глазомъ. А ихнія всегда или въ тѣни, или освѣщены косымъ свѣтомъ, точно кисея,—ничего не видно.

Ухаетъ отъ выстрѣловъ надъ нашими головами вершина, вздрагиваетъ вся гора. И, какъ дождь послѣ громового удара, сильнѣе и чаще сыплются ружейные выстрѣлы. Изрѣдка съ шипѣньемъ шьетъ звонкую строчку пулеметъ.

Слѣзли съ лошадей и по узкой тропинкѣ, среди перепутанной зелени рододендроновъ взбираемся на батарею.

Картина передъ нами величава и прелестна. Тихое утро, горные снѣга, темная синева ущелій и гроза войны подъ снѣжными вершинами. Прекрасно и жутко. Противъ солнца смотрѣть трудно. Въ бинокль видно, какъ по гребню подснѣжной высоты въ щетинѣ опавшихъ лѣсовъ испуганно бѣгаютъ турки. Отрядъ нашихъ войскъ поднимается отъ рѣки; идетъ жаркая перестрѣлка около деревни Ч.

Орудіе стоитъ въ ямѣ на острой макушкѣ горы. Вся площадка не болѣе десяти квадратныхъ саженъ. Солдаты полегли за краями ямки, наводчикъ сидитъ на лафетѣ. Командиръ батареи, молодой жизнерадостный поручикъ У., возбужденъ и сіяетъ. Даетъ команду приготовить снарядъ. Солдатъ бережно вынимаетъ изъ ящика тяжелый шрапнельный патронъ, снимаетъ колпачекъ.

— Прицѣлъ 75, трубка 60! Давай!

Послѣ оглушительнаго удара слышенъ воющій звонъ улетающаго снаряда. Появилось надъ гребнемъ горы бѣлое облачко, и черезъ нѣсколько секундъ къ намъ доносится звукъ взрыва. Солдатъ записалъ въ книгу номеръ снаряда, цифры трубки и прицѣла.

Михаилъ Иванычъ приладился на рогулькѣ съ подзорной трубой и жадно слѣдитъ за боемъ. Между двумя

выстрѣлами солдаты сидятъ молча. Согнулся надъ трубкой телефонистъ, передаетъ куда-то приказанія, но подъ гулъ ружейной и пулеметной перестрѣлки ничего не слышно. Онъ загораживаетъ ротъ ладонью, окуталъ телефонъ локтями, наконецъ, свернулся надъ нимъ, какъ ежъ, и кричитъ.

Гребень обстрѣлянъ достаточно, орудія замолкаютъ. Солдаты предаются отдыху на солнцѣ, лежатъ на рододендронахъ и папоротникахъ мечтательно и тихо. Сидимъ съ однимъ въ сторонѣ рядомъ, ноги подъ гору, лицомъ къ ущелью. Онъ снялъ фуражку и вынулъ изъ тульи письмо, проситъ прочитать. Я читаю взволнованный любовной нѣжностью, которой проникнуто письмо.

„А еще кланяется тебѣ родной нашъ сыночекъ, Петръ Федорычъ, твоя родная матушка, Анна Захаровна, отъ бѣлаго лица до сырой земли и шлетъ тебѣ, кровинка моя, свое материнское благословеніе по гробъ жизни нерушимое. И дай тебѣ Богъ, дорогой сыночекъ, послужить и порадоваться на военной службѣ Царю и Богу и домой вернуться, родной сыночекъ, и повидаться съ роднымъ батюшкой и родной матушкой, съ дорогой женой и родными дѣтками...“

Каждое слово въ этомъ письмѣ нагрѣто тѣльной, кровяной теплотой нѣжной любви. Отъ этихъ волнующихъ повтореній, „родной“, „родная“, у Петра Федорова закипѣло въ сердцѣ слезами, но онъ крѣпится и, чтобы скрыть волненіе, прерываетъ чтеніе нервнымъ смѣшкомъ.

— Хахъ ты, еще не скоро свидѣться-та придется!..

„А еще, родной нашъ тятинька, кланяются тебѣ твои родные сыночки, Кузьма и Петя...“

— Хахъ, и Петя! Три года Петькѣ-та... Мужикъ!..

„А еще спрашиваю васъ, дорогой мужъ мой, Петръ

Федорычъ, хочу я къ тебѣ пріѣхать повидаться съ тобой хоть на денечекъ, хоть на часочекъ, хоть на одну минуточку... Матушка благословляетъ и батюшка отпускаетъ, а ты напиши, можно ли. Писалъ Семенъ Трифоновъ, въ чемъ и руку приложилъ...“

Петръ Федоровъ поблѣднѣлъ отъ волненія. Это видно даже сквозь загаръ его широкаго пензенскаго лица. Въ картузѣ у него письмо-отвѣтъ. Онъ писалъ всѣмъ поклоны, но короче и погрубѣе, а женѣ приписалъ:

„Дорогой женѣ моей Афросиньѣ Ильиничнѣ; какъ ты сама можешь писать, зачѣмъ же Сеньку Трифонова безпокоишь. Мнѣ твоими ручками письмо дороже читать. А пріѣхать тебѣ сюда никакъ невозможно, страна дальняя, и можешь ты пріѣхать, а меня въ другое мѣсто отправятъ. Не выѣзжай, Фрося, блюди себя, и Господь дастъ, увидимся въ радости, неужто-жъ не увидимся...“

Грохотъ перестрѣлки иногда мѣшаетъ читать, ничего не слышно. Но Петръ Федоровъ понимаетъ и по движенію моихъ губъ. Оба письма ему извѣстны, но ему надо еще разъ пережить мучительно-сладкое настроеніе нѣжной любви и печали, слушая унестись мыслью въ свое село, въ родной домъ.

— Къ орудію!..

Солдатъ подобрался, вскочилъ и, вглядываясь въ непріятельскія дали, вкатилъ въ отверстіе тяжелый снарядъ.

Вотъ въ деревнѣ Ч. загорѣлся домъ, и густой дымъ тянется столбомъ, прямымъ и высокимъ, равняясь кудрявой верхушкой съ горами. Сказочный и жуткій жертвенникъ богу войны. Михаилъ Иванычъ радуется, — значитъ, наши взяли деревню. И мы уже видимъ, какъ сѣрая колонна нашихъ войскъ, растекаясь межъ ска-

лами и по рѣдкому лѣсу, поднимается въ крутую гору. Выше поднялась и ружейная перестрѣлка. Только пулеметы по-прежнему шьютъ въ глубинѣ ущелья. Время отъ времени съ нашей площадки летитъ къ снѣжнымъ высотамъ громоносный снарядъ.

У поручика въ домикѣ, за холмомъ батареи, подъ грохотъ выстрѣловъ мы ѣли „курицу на вертелѣ". И, какъ большой сюрпризъ, хозяинъ въ концѣ обѣда вынулъ бутылку кахетинскаго.

Съ вьюкомъ хлѣба, отыскивая Эн—скую стрѣлковую роту, забрался на батарею солдатъ. Ему долго объясняли, какъ и куда ѣхать. Онъ таращилъ на начальство глаза, говорилъ: „такъ точно, понимаю", но снова начиналъ спрашивать то же самое.

— Да ты впервые что ли на позиціи?—догадывается Михаилъ Иванычъ.

— Такъ точно, я изъ лезерва!

— Растерялся... Направьте его, поручикъ, на дорогу съ кѣмъ-нибудь изъ вашихъ солдатъ...

Возвращаясь, мы заѣхали на первый перевязочный пунктъ. Бой стихалъ, поступали раненые. Кто могъ, спускались съ горныхъ высотъ сами, неся на груди окровавленныя руки, хромая пробитой ногой. Тяжело раненыхъ несли въ носилкахъ здоровые солдаты. На лицахъ здоровыхъ выраженіе мужицкаго довольства, какое бываетъ у косарей, возвращающихся вечеромъ домой съ поля.

Тифлисъ.

Въ началѣ декабря я пріѣхалъ въ Тифлисъ. Городъ еще не успѣлъ успокоиться отъ волненія: проѣздомъ въ Карсъ здѣсь на четыре дня останавливался Государь, и улицы все еще были украшены флагами, зеленью и цвѣтами.

Со времени выступленія Турціи въ рядахъ нашихъ враговъ война для Кавказа стала особенно близкой: борьба съ турками! Тѣмъ болѣе для армянъ. Но въ тревогѣ воинственнаго одушевленія обострились и всѣ давнишнія болѣзни этой окраины, болѣзни національной борьбы: армяне, грузины, татары, курды...

Борьба съ Турціей выгодно выдвигала интересы народности армянской: удачная война давала бы свободу Турецкой Арменіи. А вокругъ армянъ закипало глухое раздраженіе національнаго соревнованія и соперничества... Въ тѣ дни Тифлисъ представлялъ изъ себя кипящій водоворотъ національныхъ раздраженій. Правда, это не мѣшало общественной работѣ въ тылу кавказской арміи; дѣло развивалось широко и шло дружно. Въ вѣдѣніи члена городской управы, князя А. М. Аргутинскаго-Долгорукова, находились госпитали

Тифлиса, всего на 12 съ лишнимъ тысячъ мѣстъ. При его любезномъ содѣйствіи я осматривалъ нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій. Шла также спѣшная работа по оборудованію санитарныхъ подвижныхъ отрядовъ. Въ направленіи Сарыкамышъ—Хорасанъ была разбросана по путямъ войскъ сѣть чайныхъ, питательныхъ пунктовъ и грѣлокъ.

Въ тѣ дни въ Тифлисѣ жилъ русскій консулъ въ Маку, С. П. Олферьевъ. Его разсказы о Макинскомъ ханствѣ были интересны. Долина Макинскаго ханства представляетъ изъ себя самый удобный путь изъ Турецкой Арменіи въ наше Закавказье. Турки и нѣмцы очень на этотъ путь въ началѣ войны разсчитывали, и возбуждали противъ Россіи макинскихъ курдовъ. Но ошиблись: до сихъ поръ Макинское ханство осталось спокойно.

Черезъ С. П. Олферьева познакомился я съ двумя лицами, это курдъ Кямиль-бей и азербейджанскій татаринъ, Али-ханъ Макинскій. Каждый изъ нихъ примѣчателенъ въ своемъ родѣ.

Сынъ когда-то независимаго курдскаго правителя Бадыръ-хана, Кямиль-бей, человѣкъ среднихъ лѣтъ, европеецъ по образованію и внѣшности, говоритъ увлекательно и пламенно. Кромѣ родного, знаетъ французскій арабскій, турецкій языки. На первыхъ двухъ и шелъ у насъ разговоръ.

До турецкой конституціи онъ, въ числѣ другихъ курдовъ, издавалъ въ Женевѣ журналъ „Курдистанъ“, гдѣ обсуждались вопросы курдскаго освобожденія изъ-подъ турецкаго ига. Абдулъ-Гамидъ заключилъ его въ крѣпость на о. Родосѣ, гдѣ онъ прожилъ 2 года 9 мѣсяцевъ. Турецкій переворотъ далъ Кямилю свободу. Весной

1914 года въ курдскихъ вилайетахъ вспыхнуло революціонное противъ Турціи возстаніе. Турки повѣсили въ Битлисѣ много вождей, среди нихъ Муллу-Салима, Схватили и Кямиль-бея. Но алеппскій и бейрутскій русскіе генеральные консулы, а затѣмъ русское посольство въ Константинополѣ содѣйствовали его освобожденію. Онъ хитеръ, ловокъ, онъ не скрываетъ только одного—своей ненависти къ армянамъ.

„Наша страна находится среди трехъ державъ: Персія, Турція и Россія,—говорилъ Кямиль-бей.—Отъ кого же изъ трехъ ждать намъ свободы и культуры? Неужели какой-нибудь изъ турецкихъ народовъ повѣрилъ въ турецкую конституцію? И что можетъ сдѣлать слабѣющая Персія?“

„Только на недоразумѣніи основано многое неясное, что есть въ отношеніяхъ русской власти къ курдамъ и ихъ руководителямъ. Русская дипломатія здѣсь это понимаетъ. Надо, чтобы то же поняла и русская администрація“.

„Побѣдоносная война Россіи съ Турціей неизбѣжно должна поставить на очередь вмѣстѣ съ армянскимъ и курдскій вопросъ. Если армянъ въ шести турецкихъ вилайетахъ, допустимъ, милліонъ, пусть даже полтора, то курдовъ въ нѣсколько разъ больше.

„Я совсѣмъ не фанатикъ-мусульманинъ, я только люблю свой народъ. Масса курдскаго народа по культурѣ не ниже массы армянской. Это—честные, трудолюбивые земледѣльцы; многія столѣтія, даже тысячелѣтія они жили съ армянами мирно. Только Абдулъ-Гамидъ сумѣлъ натравить однихъ на другихъ и запугать мусульманъ Россіей. И нужно принять всѣ мѣры къ тому, чтобы эти страхи разсѣялись. Болѣе вѣрныхъ и

искреннихъ друзей, какими будемъ мы, Россіи не найти.

„Въ Турціи мы переплетены съ армянами, и размежевать насъ чрезвычайно трудно. Я говорилъ всегда армянамъ:—„наша общая ближайшая цѣль—сбросить иго турокъ и работать совмѣстно съ Россіей. Не будемъ тратить силъ на другое. Устроить же насъ могутъ только державы тройственнаго согласія“.

Онъ переводитъ съ турецкаго свое недавнее воззваніе къ курдскому народу, разосланное во множествѣ экземпляровъ. Въ немъ—призывъ къ курдамъ. Основныя мысли:

Не ошибайтесь въ русскихъ войскахъ, они несутъ вамъ спасеніе отъ деспотіи турокъ.

Ваше имущество, жены, дѣти, жизнь будетъ въ безопасности, ваши мечети, священныя мѣста, ваша религія будутъ уважаемы.

Не слушайте младотурецкаго правительства. Цѣль его—раздѣлить и властвовать.

Не дѣлайте зла не-мусульманамъ.

Позоръ вамъ—служить деспотическому правительству! Если такъ будетъ продолжаться,—нація курдовъ погибнетъ.

Заканчивая переводъ посланія, онъ взволнованъ. Показываетъ фотографію своей семьи: жена черкешенка, трое дѣтей.

„Они въ Константинополѣ, и не знаю теперь, что съ ними будетъ“.

Разставаясь съ нимъ, я думаю о томъ, что кровавое кипѣніе народовъ въ котлѣ исторіи будетъ безконечно.

Азербейджанскій татаринъ, Али-ханъ-Макинскій изъ Эривани, фигура въ иномъ родѣ... Я встрѣтился съ нимъ въ одномъ изъ тифлисскихъ отелей. Навстрѣчу

мнѣ поднялся грузный великанъ, съ лицомъ цвѣта старой бронзы, глаза и губы огромные. И все лицо выпукло-сладострастное и жестокое, незабываемое лицо. Онъ медлителенъ и важенъ, но въ глазахъ неувѣренность и робость: какъ бы не сказать лишняго слова. Отдаетъ суетливымъ дружинникамъ распоряженія. При мнѣ разводящій смѣняетъ часового, стоявшаго въ комнатѣ съ шашкой наголо. „Разъ, два!" Одинъ сошелъ съ мѣста, другой всталъ на мѣсто у изголовья кровати и вскинулъ на плечо обнаженную шашку. Уходящій долго не можетъ попасть концомъ сабли въ ножны. Разводящій ткнулъ его рукой подъ мышку, вытолкнулъ за дверь. Совсѣмъ ханскій дворецъ въ тифлисской гостиницѣ!

Али-ханъ Макинскій до послѣднихъ дней служилъ въ макинскомъ консульствѣ и проводилъ въ макинскомъ ханствѣ дороги. Теперь онъ формируетъ конный отрядъ мусульманъ для войны съ Турціей.

„Когда русскіе завоевали Эриванскую губернію, прадѣдъ мой Ахмедъ-ханъ Макинскій состоялъ начальникомъ персидскаго отряда — говоритъ Али-ханъ, вспоминая исторію. — Онъ сражался противъ Россіи...

Но этотъ поступокъ прадѣда представляется Алихану неприличнымъ, онъ поясняетъ:

„Но онъ и тогда, когда сражался, оказывалъ содѣйствіе русскимъ... Потомъ онъ принялъ подданство русское, его произвели изъ персидскаго въ русскій чинъ, сдѣлали майоромъ. Это даетъ нашему роду право потомственнаго дворянства, и съ того времени мы вѣрно служимъ царю и отечеству противъ нашихъ враговъ-турокъ..."

„Когда началась съ Турціей война, я подумалъ:

надо мнѣ воевать... Отрядъ мой уже сформированъ, командуетъ имъ я, Али-ханъ Макинскій. Черезъ нѣсколько дней я выѣзжаю отсюда въ Баязетъ, а тамъ— куда пошлютъ. Будемъ воевать противъ нашихъ враговъ турокъ".

Склонивъ головы, стоятъ у стѣнъ чины его охраны, почтительно подходитъ съ докладомъ адъютантъ. Подъ зеркаломъ на гвоздѣ виситъ „Приказъ на 6-е декабря". Али-ханъ Макинскій умѣетъ обставить все вокругъ себя торжественно. Съ низшими онъ крутъ, у высшихъ цѣлуетъ руку. Это покажется страннымъ тому, кто не знаетъ Востока.

Въ Тифлисѣ же встрѣтилъ я трехъ дѣвушекъ, ушедшихъ изъ дому добровольцами въ армію. Впервыя я увидѣлъ ихъ на лѣстницѣ гостиницы „Оріентъ". Сидятъ три солдата въ сѣрыхъ казацкихъ шапкахъ, съ нѣжными дѣвическими лицами. Передъ ними стоятъ смущенные офицеры, не знаютъ, какъ себя держать. Разспрашиваютъ,—откуда, почему онѣ въ солдатской формѣ, куда собираются ѣхать? И дѣвушки смущены. Имъ трудно говорить о томъ, что вотъ былъ у нихъ такой порывъ, когда онѣ рѣшили идти на войну рядовыми, защищать отечество. Если сказать объ этомъ сразу первому встрѣчному, то кажется смѣшнымъ, невѣроятнымъ и фальшивымъ: что могутъ онѣ, три одинокихъ молодыхъ дѣвушки?! Пошли искать приключеній!..

Вотъ почему онѣ мучительно краснѣютъ, когда говорятъ: „... Пошли, чтобы защищать отечество"...

Когда онѣ мечтали о геройскихъ подвигахъ, можетъ быть, о смерти въ бою, выходило все просто и скоро. Одѣлись въ солдатскія шинели, взяли винтовки, рину-

лись въ бой. Рана, несутъ на носилкахъ... Кто это, кто? Это доброволецъ, дѣвушка такая-то. Она спасла знамя... сотни жизней... цѣлый полкъ, она ранена смертельно... За нѣсколько минутъ до смерти приходитъ генералъ... главнокомандующій... Государь! Это вы, молодая, красивая дѣвушка, спасли знамя?

На дѣлѣ —вокругъ нихъ возникаетъ прежде всего смущеніе, недовѣріе, опасеніе... Въ этомъ мучительномъ настроеніи онѣ живутъ уже второй мѣсяцъ.

Мы познакомились. Вотъ онѣ сидятъ за чайнымъ столомъ, стриженые мальчики съ дѣвическими лицами, въ солдатскихъ блузахъ цвѣта хаки, въ грубыхъ солдатскихъ сапогахъ и, перебивая другъ друга, разсказываютъ исторію своей борьбы.

Онѣ всѣ изъ Екатеринослава, жили своимъ трудомъ, бросили работу и службу и 29 октября уѣхали на Кавказъ.

Елена М., 21 года; отецъ, мать—старики; младшій братъ, 13 лѣтъ, доброволецъ на нѣмецкомъ фронтѣ на войнѣ, заслужилъ ефрейтора. Передъ отъѣздомъ она шила въ земствѣ для раненыхъ бѣлье, заработала 13 руб. 65 коп., съ этими деньгами и уѣхала. Хотѣла поступить сестрой милосердія, не приняли. Долго думала, какъ ей пробраться на войну. Познакомилась съ другой дѣвушкой, которая мечтала о томъ же. Это Вѣра Ш.

Вѣра Ш., 20 лѣтъ, чешка, австрійская подданная, теперь, вѣроятно, вмѣстѣ съ отцомъ и сестрами уже принята въ русское подданство. Блондинка, тонкія черты лица, похожа на нѣмку. Вмѣстѣ съ Еленой М. прочитала въ газетахъ, что принята солдатомъ жена рядового, и съ той минуты рѣшила поступить въ солдаты.

Анастасія Ф., 20 лѣтъ. Не попавъ въ сестры милосердія, она еще въ августѣ мѣсяцѣ написала мѣстному воинскому начальнику горячее письмо, убѣждала принять ее въ солдаты. Почему же женщины не могутъ носить оружіе, хотя бы тысячная часть, кои желаютъ?!. Писала цѣлый вечеръ, волновалась, утромъ отнесла, передала черезъ писаря. Когда познакомилась съ М. и Ш., рѣшила бѣжать вмѣстѣ съ ними. Заняла 50 рублей, оставила службу въ казенномъ учрежденіи,—и всѣ онѣ уѣхали въ Тифлисъ.

Въ военномъ начальствѣ почти всюду онѣ встрѣчали бережное отношеніе, даже получили изъ тифлисскаго склада солдатскую одежду, а свою женскую продали отъ нужды. Но неоднократно подвергались арестамъ и обидамъ отъ полиціи и жандармовъ. Освобождало военное начальство. Однако, ни одинъ генералъ не рѣшился взять ихъ въ свою часть.

— Ну, куда я пошлю васъ?! — говорилъ генералъ О.—Не могу я послать васъ, трехъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ, въ мужскую среду. Это невозможно!..

Пробовали поступить въ добровольческія дружины, не принимаютъ.

Трудно понять, какъ онѣ выдержали, все еще стоятъ на своемъ, надѣются добиться. Можетъ быть, только потому, что ихъ т р о е.

— Мы ужъ вездѣ втроемъ, никуда врозь не ходимъ!

И, дѣйствительно, онѣ всегда вмѣстѣ, на улицѣ, у начальства, на обѣдѣ въ штабѣ, въ гостяхъ.

Впрочемъ, онѣ теперь уменьшили свои надежды: хоть бы въ санитары попасть на передовыя позиціи.

— Ахъ, ужъ и не говорите! Военная форма молодитъ насъ. Всѣ думаютъ, что мы совсѣмъ дѣти...

Эривань.

Девятаго декабря вечеромъ я покинулъ Тифлисъ, выѣхалъ на Эривань по направленію къ Баязету. Я не зналъ, какъ я туда проѣду въ обстановкѣ войны, и это дѣлало мое путешествіе неувѣреннымъ и тревожнымъ.

По расписанію военнаго времени поѣздъ отъ Тифлиса до Эривани идетъ медленно, почти полторы сутокъ. Весь день до Александрополя ѣдемъ по крутымъ подъемамъ между снѣжными полями. А горы, чуть повыше, сплошь укрыты снѣгомъ. Около Калтахчи мы уже на высотѣ 833 саженъ. За Джаджуромъ пониженіе. Но и долина Аракса подъ снѣгомъ. Зима въ этомъ году ранняя и сурова. Въ Эривани насъ встрѣтили снѣга и пронизывающіе холодные туманы.

Дома, улицы, лавки, базары, толпа, уличные псы— все въ Эривани напоминаетъ умирающій сирійскій востокъ. Городокъ грязенъ и тихъ.

Въ одномъ изъ военныхъ лазаретовъ помѣщаются плѣнные больные арабы. Знаніе языка позволило мнѣ вести съ ними непосредственную бесѣду. Они обрадо-

вались, что впервые за все время плѣна могутъ полными словами высказать свою благодарность за то, что живы, въ свѣтлой, теплой комнатѣ, одѣты и сыты. Что ихъ, умирающихъ отъ холода, не подавили, какъ мухъ, не добили прикладами, а дали имъ жизнь, и они снова увидятъ когда-нибудь родину.

Вотъ что они разсказали, собравшись около меня тѣсной толпой, перебивая другъ друга, со слезами вспоминая о страданіяхъ. Всѣ они изъ состава 110 полка, запасные изъ города Багдада и его окрестностей. Призвали ихъ на службу 21 іюля. Багдадскіе старшины и сами солдаты заявили тогда турецкому начальству, что не пойдутъ за предѣлы арабскихъ странъ. Имъ говорили: „Мы поведемъ васъ только до Мосула, тамъ будутъ маневры"... Но изъ Мосула полки пошли дальше. Арабы стали по ночамъ разбѣгаться. Ихъ пристрѣливали, а оставшихся уговаривали, что поведутъ недалеко. И такъ, мало-по-малу, ихъ уводили дальше на сѣверъ. Шли они четыре мѣсяца. Путь былъ слѣдующій: Мосулъ, Хой, Битлисъ, Мушъ, Кара-килисса.

„Наконецъ, привели насъ въ такую страну, какой мы не видали никогда: горы, снѣга. А мы и не знали, какой на землѣ снѣгъ, не видали никогда въ жизни. Одежды намъ не дали, обуви нѣтъ, ѣсть было нечего. Мы умирали отъ холода и голода. Застынутъ ноги, схватитъ холодъ поперекъ тѣла—и смерть".

„Вотъ ночью стояли мы на перевалѣ Дутахъ. Снѣгъ и морозъ. Мы не могли ходить, умирали люди. Живые ползали по горѣ, сползли внизъ въ пустое село, развели огонь, грѣлись, ноги у насъ были отморожены и пальцы стучали, какъ камни. Тутъ ударили въ дверь.

Это были русскіе солдаты, да дастъ имъ Аллахъ долгую жизнь и здоровье! Мы отдали оружіе, и они насъ повели... Потомъ посадили на фуры. Въ больницѣ перевязали наши раны, дали пищу и лѣкарство. О, пусть будетъ проклято правительство, которое обманомъ увело насъ изъ родной страны и привело безполезно умирать въ этихъ снѣгахъ. Брали у насъ всѣхъ, кто могъ носить оружіе. У меня—четыре брата, у него—три, у того—пять братьевъ, всѣ на войнѣ. Брали старыхъ и молодыхъ, никого дома не оставили, однѣхъ женщинъ".

Говорю:—Но вотъ вы не старые, а всѣ молодые?

„Старики всѣ перемерзли, мой господинъ!- восклицаютъ со всѣхъ сторонъ,—умерли отъ голода и дальней дороги! Развѣ можно вынести такія мученія?!. По дорогѣ лежатъ мертвецы, ихъ ѣдятъ шакалы... Абдулъ-Гамидъ народъ немного жалѣлъ, онъ не разорялъ семей, не бралъ подрядъ всѣхъ мужчинъ и не посылалъ арабовъ въ снѣга. А теперь правительство не жалѣетъ народа, и мы не знаемъ, за что мучаемся?! Чтобы Алманія проводила къ намъ желѣзныя дороги и указывала намъ свои распорядки?! Мы будемъ разорять дороги и убивать алманцевъ".

Арабы ходятъ съ забинтованными ногами и руками. Показываютъ безобразныя отъ опухоли, но маленькія, почти женскія ноги. Просили спросить, куда ихъ отправятъ послѣ выздоровленія?

— Васъ отправятъ въ средину Россіи, — сказалъ имъ врачъ.

Они опечалились. Значитъ, тамъ будетъ еще холоднѣе, а они ужъ и здѣшнихъ холодовъ испугались. Наивно молились:

„О, Аллахъ! Хоть бы скорѣе русскіе взяли Эрзерумъ! Тогда кончится война, и насъ отпустятъ домой. Мы не хотимъ войны, не знаемъ, за что воюемъ, за что мучаемся“.

Обѣдали они—русскіе щи, гречневая каша. Слабымъ дали по котлеткѣ. Накрошили во щи хлѣбъ тюрей.

Спрашиваю: привыкли ли къ нашей пищѣ?

— Очень вкусно! Да увеличитъ Богъ ваше добро.

Въ сосѣдней палатѣ—русскіе солдаты, больные и раненые, тѣ самые, которые брали въ плѣнъ арабовъ. Они разсказываютъ, какъ шли по слѣдамъ отступавшаго на перевалъ непріятеля: вдоль дороги по обѣ стороны лежали запорошенные снѣгомъ трупы. Очевидно, люди падали на пути и замерзали безотвѣтно, какъ скотъ. Ночью пробирались къ этимъ трупамъ со своихъ позицій турецкіе солдаты и снимали одежду, какая была, оставляя только рубашку. Арабовъ взяли въ деревнѣ подъ утро 14 ноября. Они не могли ходить и сдались безъ сопротивленія. Но изъ нѣкоторыхъ домовъ былъ открытъ ружейный огонь. Такіе дома взяли штурмомъ, и, кто былъ тамъ, всѣхъ перекололи. Разсказчику попала пуля между скулой и носомъ, вышла за ухомъ на шеѣ. Жить не разсчитывалъ, потому что потерялъ много крови. А теперь поправляется, еще, можетъ, и поживетъ! Для доказательства своей жизнеспособности пошевелилъ блѣдными пальцами.

Встрѣчаясь въ корридорахъ лазарета, плѣнившіе и плѣнники привѣтливо улыбаются другъ другу. И даже какъ-то разговариваютъ. Когда приходитъ врачъ или сестра, русскіе солдаты становятся переводчиками:

— Онъ, ваше благородіе, вонъ что говоритъ!..

Въ томъ же госпиталѣ десятка полтора курдовъ.

Они рослые, стройные, провожаютъ нашъ проходъ большими, недоумѣвающими телячьими глазами. Держатся особнякомъ. Въ углу два старыхъ курдскихъ пастуха жуютъ запавшими ртами кашу.

На улицѣ падалъ снѣгъ. Зябко сгорбившись, бѣгали по базарамъ, кряхтя отъ холода, армяне и татары.

Эчміадзинъ.

Въ субботу вечеромъ, 13 декабря, я выѣхалъ изъ Эривани въ Эчміадзинскій монастырь. Дорога—шоссе, семнадцать верстъ. На сѣверѣ Арая и Алагезъ, на югѣ отроги Агры-дага. Арарата не видно за туманомъ. Долина по обѣ стороны шоссе имѣетъ пестрый, холодный видъ: пятна снѣга, темныя глыбы камней на мерзлой равнинѣ.

Въ настоящее время на мѣстѣ древней столицы армянскаго царства находится грязное селеніе Вагаршапатъ, и только по монастырю оно носитъ названіе Эчміадзина. Длинная улица, базаръ, а за базаромъ стѣны Эчміадзинскаго монастыря, за которыми видны крыши и колокольни старинныхъ построекъ. Однѣ ворота, другія. Экипажъ останавливается около монастырской гостинницы, расположенной на внѣшнемъ дворѣ монастыря. О. архимандритъ, гостинникъ монастыря, говоритъ хорошо по-русски; устроилъ меня въ большой нижней комнатѣ, устланной коврами. Только холодно въ комнатѣ, ибо вечеръ морозенъ и ходитъ по стекламъ русскими ледяными узорами. Служитель растопилъ желѣзную печь.

Съ архимандритомъ мы идемъ во внутренній дворъ монастыря, гдѣ старый эчміадзинскій храмъ, покои католикоса и другихъ епископовъ, зданіе библіотеки. Уже темнѣетъ, но въ синевѣ морознаго вечера ясно рисуется эчміадзинскій храмъ, построенный въ 303 г. Въ значительной своей части въ разныя времена онъ подновлялся, но древніе остатки стѣнъ, выпуклыхъ изображеній, куполовъ и рисунковъ тщательно сохранены и оставлены на своемъ мѣстѣ. Сохранена и общая архитектура храма.

За долгія тысячелѣтія существованія древнія постройки пріобрѣтаютъ особое выраженіе и значительность. Какъ старое, умудренное жизненнымъ опытомъ лицо; выраженія его не забудешь никогда, ибо оно единственно. А эчміадзинскій храмъ пережилъ много за тысячу шестьсотъ лѣтъ своего существованія.

Чѣмъ является онъ въ сознаніи армянскаго народа?

Въ зданіи эчміадзинской академіи есть картина армянскаго художника: изъ голубого струистаго небеснаго пространства спускается на землю вершина башни—подобіе каменныхъ главъ эчміадзинскаго храма. Пламенемъ горятъ и вьются ея колонны... Это—легендарное видѣніе Григорія Просвѣтителя: образъ храма явился ему во снѣ, и храмъ эчміадзинскій былъ воздвигнутъ по плану небеснаго видѣнія. Потому и названъ онъ „Эчміадзинъ“, что значитъ,—„сошествіе Единороднаго“.

Эта благочестивая легенда лучше всего раскрываетъ передъ нами религіозное содержаніе Эчміадзина для армянскаго народа. Но онъ—не только религіозная святыня. Въ такой же мѣрѣ, если не больше, онъ яв-

ляется національнымъ центромъ, объединяющимъ армянъ Россіи, Турціи, Персіи, даже далекой Индіи.

Черезъ Эчміадзинъ связь религіозная выражается въ паломничествѣ. Связь національно-политическая совершается каждый разъ при избраніи эчміадзинскаго патріарха. Тогда всѣ епархіи армянскихъ церквей посылаютъ въ Эчміадзинъ своихъ пословъ, по два отъ каждой епархіи; духовное и свѣтское лицо. И только эчміадзинскій патріархъ носитъ званіе католикоса всѣхъ армянъ.

Но, кромѣ того, Эчміаздзинъ воистину духовный центръ армянства въ широкомъ смыслѣ слова. Все, что нажилъ армянскій народъ за долгіе вѣка своей исторической жизни, имѣетъ здѣсь отраженіе. Вотъ мы съ архимандритомъ входимъ въ помѣщеніе библіотеки. Драгоцѣнныя историческія рукописи древнѣйшихъ временъ, старинныя книги по религіи, исторіи, географіи Малой Азіи и всего востока на армянскомъ, арабскомъ, греческомъ, древнееврейскомъ языкахъ. Всего 4,660 томовъ. Рисунки, живопись, своеобразный подборъ красокъ въ украшеніяхъ рукописей и удивительная вязь древнихъ орнаментовъ. Къ сожалѣнію можно было осмотрѣть лишь немногія рукописи, рисунки и книги, ибо почти вся библіотека уложена въ сундуки на случай военной тревоги. Конечно, здѣсь пока спокойно, но армяне отовсюду пишутъ католикосу—примите мѣры на случай опасности, чтобы были вывезены всѣ богатства армянской культуры. Уложена библіотека, уложенъ церковный музей и всѣ драгоцѣнныя вещи.

На утро всталъ я рано и вышелъ въ монастырскій садъ, къ великому водоему, вырытому въ 1828 году

католикосомъ Нерсесомъ. На глубину четырехъ саженъ онъ имѣетъ каменныя стѣны; форма его—правильный четыреугольникъ; наполняется водой изъ рѣчки Касаха. Утро было морозно, на вѣтви деревъ ложился тонкій иней, и прудъ затянутъ льдомъ. Нѣсколько дѣтей изъ Вагаршапата присоединилось ко мнѣ въ прогулкѣ. Всѣ они—ученики церковной школы Эчміадзина, говорить по-русски сначала стѣснялись, но потомъ разговорились. Заинтересовались—сколько шаговъ длины прудъ. Я шагаю, они считаютъ. Сначала твердо, по-русски, но послѣ сорока перешли на армянскій. И удивились, что въ длину прудъ двѣсти сорокъ шаговъ.

— Много! А сколько въ ширину?

Шагаю по ширинѣ—сто шаговъ.

— Пойдемте, посмотримъ новыя палаты. Католикосу строятся.

На средства покойнаго Манташева во внѣшнемъ дворѣ монастыря строится богатый домъ. Мы ходимъ, смотримъ комнаты, круглые своды нѣкоторыхъ потолковъ, залы. Мои маленькіе спутники довольны.

— Вотъ здѣсь будетъ жить католикосъ. Шестьдесятъ комнатъ!..

И по дѣтской связи наивныхъ мыслей они интересуются:

— А сколько у царя въ палатахъ комнатъ?..

Говорю—тысяча комнатъ.

Они всѣ въ изумленіи воскликнули хоромъ:

— Хазарь! О-о, тысяча!

Долго и горячо о чемъ-то спорятъ между собой.

Звонили къ обѣднѣ. За литургіей я слушалъ прекрасные напѣвы древняго востока. Армянская церковь уже ушла отъ однотоннаго пѣнія. Сохранивъ древніе

напѣвы, новые духовные композиторы разработали ихъ въ нѣсколько голосовъ. Еще въ 1872 году появилась книга двухголосныхъ напѣвовъ церковной службы. За послѣдніе годы сдѣлано особенно много. И перу регента эчміадзинскаго хора, молодому композитору Теръ-Осепянцу, принадлежитъ нѣсколько удивительныхъ по силѣ церковныхъ напѣвовъ. Въ нихъ слышатся мотивы арабской призывной молитвы. И сколько печали!.. Какъ печально живетъ человѣчество!

Послѣ службы я былъ въ покояхъ католикоса; старинное зданіе, въ которомъ онъ занимаетъ четыре комнаты. Кеворкъ V крупный старикъ шестидесяти семи лѣтъ съ выразительнымъ, добрымъ лицомъ. Съ 21 года онъ монахъ, католикосомъ избранъ 13 декабря 1912 г. Онъ очень взволнованъ участью какъ русскихъ армянъ, захваченныхъ и потревоженныхъ войной, такъ и турецкихъ.

— Теперь, я вѣрю, Россія успокоитъ турецкую Арменію. Ужъ если не теперь, такъ когда же?! Мы, русскіе армяне, какъ и турецкіе, желаемъ только одного: автономіи турецкой Арменіи подъ покровительствомъ Россіи.

Въ русскомъ обществѣ существуютъ разныя мнѣнія о судьбѣ турецкой Арменіи. Но вотъ здѣсь, въ Тифлисѣ, Эривани, Эчміадзинѣ, въ самомъ „сердцѣ Арменіи" я встрѣтилъ упорное и ясное: автономія шести турецкихъ вилайетовъ подъ протекторатомъ Россіи. И это однообразно, какъ дыханіе. Вечеромъ въ покояхъ епископовъ Баграта и Мартоса, въ собраніи духовенства, преподавателей здѣшней академіи я слушалъ долгіе и взволнованные разговоры и споры.

Они говорили: мы, русскіе армяне, не желаемъ для

себя въ настоящее время никакихъ измѣненій, кромѣ одного,—перестать болѣть и волноваться судьбой турецкихъ армянъ. Въ политическомъ отношеніи мы ставимъ себѣ только практически осуществимыя цѣли. И полагаемъ, что достиженіе ихъ потребуетъ отъ Россіи наименьшихъ усилій; автономія шести турецкихъ вилайетовъ подъ покровительствомъ Россіи. Всякое иное рѣшеніе вопроса будетъ для Россіи безмѣрно труднѣе и въ такой же степени меньше можетъ удовлетворить насъ.

Признаюсь, я ранѣе былъ настроенъ недовѣрчиво къ возможности самостоятельнаго существованіе турецкой Арменіи. Мало ли возникаетъ въ настоящее время разныхъ мелкихъ національностей, которыя хотятъ тоже „своего царства". Въ водоворотѣ міровыхъ событій онѣ являются только лишнимъ предлогомъ для международныхъ осложненій. Но здѣсь, среди армянскаго народа я убѣждаюсь въ томъ, что у него есть своя особая культура, свое историческое лицо. У него есть практическая цѣпкость и политическая зрѣлость. И мнѣ кажется, будучи не столь многочисленнымъ, народъ этотъ могъ бы сдѣлаться замѣтной политической и культурной величиной.

Вокругъ Арарата.

I.

Игдырь—грязное армяно-татарское село на положеніи уѣзднаго города. Тамъ провелъ я три непріятныхъ дня, чтобы собраться въ путь и получить пропускъ отъ военныхъ властей.

Отъ Игдыря на Баязетъ ѣхалъ я по многострадальному пути русскихъ отрядовъ, хлынувшихъ въ Турцію черезъ Чингильскій перевалъ и занявшихъ Баязетъ, Діадинъ, Каракилиссу-Алашкертскую, Дутахскій перевалъ... Выѣхалъ я изъ Игдыря 18 декабря и все время до Баязета ѣхалъ, день въ день, два мѣсяца спустя послѣ этихъ событій.

Я такъ много потратилъ вниманія и силъ на то, чтобы выѣхать изъ Игдыря, что не имѣлъ времени подумать о томъ, какъ буду ѣхать, и лошадей не видѣлъ до послѣдней минуты передъ отъѣздомъ. А въ часъ выѣзда выбирать было поздно, выѣхалъ на тѣхъ, какихъ привели. Подо мной лошадь сносная: мала, сѣра какъ мышка, но нервна и идетъ хорошо; а подъ вьюкомъ и проводникомъ - совсѣмъ плохо. Не успѣли выѣхать за городъ, споткнулась и упала лошадь съ

вьюкомъ. Проводникъ вернулся въ городъ за другой лошадью.

— Сиди, я скоро!

Сижу на дорогѣ межъ глинобитными стѣнами игдырскихъ садовъ, гляжу на Араратъ. Черезъ минуту раздраженіе остановки улеглось въ моей душѣ; я радъ, я даже благодаренъ проводнику за остановку, потому что въ тревогахъ и хлопотахъ послѣднихъ дней я не успѣлъ посмотрѣть Араратъ. Проходя по многолюднымъ и грязнымъ улицамъ Игдыря, я нѣсколько разъ видѣлъ, какъ его бѣлая громада спокойно и величаво вставала за крышами домовъ, мелькала сквозь сѣтку ольховыхъ вѣтвей.

Послѣ Эчміадзина Араратъ—вторая армянская святыня. И я понимаю это. Каждый армянинъ Персіи, Турціи и русскаго Закавказья видитъ громаду Арарата ежедневно отъ колыбели до могилы. И сталъ онъ вторымъ сердцемъ Арменіи. Вокругъ него на протяженіи тысячелѣтій носились бури войны, созидались и низвергались царства, а онъ одинъ стоитъ попрежнему непоколебимо... Ужъ однимъ этимъ величавымъ постоянствомъ онъ внушаетъ разбитому на части народу историческую увѣренность.

Утромъ онъ бываетъ розовый, днемъ—сверкающій бѣлый, а вечеромъ—синій, почти прозрачный, какъ глыба льда. И всегда прелестный! Взглянешь мелькомъ въ суетѣ дневной, а въ душу пахнетъ ощущеніе несказанной красоты и блаженнаго покоя тысячелѣтій. Такъ и носишь въ себѣ это ощущеніе цѣлый день, отдѣленное отъ всего сегодняшняго. Даже, ложась спать, скажешь: „Что-то сегодня было со мной особенно

пріятное, дай Богъ память?"—И вспомнишь: „Ахъ, да, это—Араратъ!.."

Я только теперь внимательно прочиталъ „пѣсни" раненыхъ солдатъ объ Араратѣ. Араратъ поразилъ воображеніе, плѣнилъ нашихъ русаковъ. И, лежа въ госпиталяхъ Тифлиса, Эривани, Игдыря, они сочиняютъ гимны и пѣсни Арарату:

„Трехдержавный постъ высокій, гора велика Араратъ,
„Стоитъ степенна, какъ богиня, а подъ ней рѣка Евфратъ"...

Они давали мнѣ эти „пѣсни", написанные карандашомъ на бумажкахъ.

— Да, вѣдь, ты забудешь, что написалъ?

— Нѣтъ, я еще сочиню. Другой разъ лучше выйдетъ.

И вотъ теперь, сидя у глинобитной стѣны, въ виду Арарата, я читалъ эти строки; читалъ съ глубокимъ волненіемъ, очарованный чувствомъ красоты и вѣчности. Будетъ война, окончится война, а въ потревоженной народной душѣ возникнутъ легенды, которыя черезъ вѣка понесутъ въ человѣчество наши сегодняшніе печали и восторги.

Отъ Игдыря до Агры-дага равнина. Дорога замерзла большими комьями, ѣдемъ по тропочкѣ—ослы и пѣшеходы протоптали. Встрѣчаемъ озябшихъ курдовъ, армянъ на быкахъ и ослахъ. Зима для здѣшняго населенія не просто—холодное время года, а—напасть. Ни соотвѣтственной одежды, ни жилища. Холодъ кратковременный, ну и живутъ кое-какъ, не живутъ—терпятъ. Въ мирное время зимой они сидятъ по угламъ грязныхъ домовъ, у дымныхъ очаговъ; но война потревожила, испугала, выгнала на снѣгъ и морозъ людей и

животныхъ. Большой толпой ѣдутъ въ Игдырь на быкахъ и ослахъ изъ горныхъ селъ курды. Животныя покрыты дерюжками, подпоясаны черезъ брюхо веревками, а люди грѣютъ руки подмышками, укутали тряпьемъ головы.

— Откуда?—спрашиваю ихъ.

Не понимаютъ, переглядываются, потомъ торопливо отвѣчаютъ всѣ вразъ:

— Наши, наши!...

— Это русскіе курды!—поясняетъ проводникъ и злобно бормочетъ:—„На-а-аши! Теперь-на-аши!..“

Мой проводникъ, Богосъ—армянинъ, паренекъ маленькаго роста, лицо цвѣта густого кофея, бѣлки глазъ желтые, волосомъ черенъ, какъ жучекъ. Говоритъ по-русски плохо и, не умѣя высказать, сердится, быстро переходитъ отъ радости къ горю и раздраженію. Перчатки на немъ пушистыя, сапоги-валенки большіе, подпоясанъ кушакомъ,—сидитъ на лошади, во всѣ стороны щетинится, какъ ершъ-рыба. Въ затрудненіяхъ—ненадежный товарищъ.

— Нанималъ я у васъ хорошихъ лошадей, а привелъ ты мнѣ одровъ,—говорю Богосу.

Онъ заработалъ руками и ногами, какъ маленькая вѣтряная мельница крыльями, хочетъ взбодрить унылаго мерина.

— Ничего, въ Орговъ пріѣдемъ,—ячмень даю, завтра хорошо пойдетъ.

Успокаиваюсь на мысли, что какъ-нибудь доѣду, тѣмъ болѣе, что торопиться мнѣ, въ сущности, не надо. Только крутъ и труденъ перевалъ. Вонъ какъ велики передъ нами снѣжныя горы! Онѣ встаютъ на равнинѣ крутой и величавой стѣной.

Какъ ни плохи лошади, но верхами мы все же обгоняемъ коляску. По кочкамъ дороги она качается, какъ лодка на волнахъ въ бурю; четверка лошадей тащитъ съ трудомъ. Въ кузовѣ офицеръ и молодая женщина. Офицеръ—комендантъ турецкаго селенія А., за Чингильскимъ переваломъ. Они недавно повѣнчались, не могли разстаться, теперь ѣдутъ за Чингиль вмѣстѣ.

У подножья снѣжныхъ горъ стоитъ толпа людей. Подъѣзжаемъ ближе,—партія плѣнныхъ турецкихъ воиновъ, семьдесятъ семь человѣкъ: мѣднолицые курды, сѣрые арабы, черные турки, губастые негритосы. Жалкій сбродъ, босые, въ невѣроятныхъ рубищахъ. У всѣхъ злыя, больныя, измученныя лица. Столпились кучей, отдыхаютъ. Вокругъ нихъ двадцать русскихъ солдатъ съ винтовками, чистенькіе, подобранные, въ сѣрыхъ шинеляхъ, затянуты ремнями, благодушны и пренебрежительны.

— Ну, вы тамъ не галдите!—крикнулъ старшій въ толпу, гдѣ въ кучѣ лохмотьевъ закипѣла внезапная ссора.

Потомъ, на этапныхъ пунктахъ разсказывали мнѣ, что плѣнныхъ нельзя было оставлять ночью однихъ; они бились смертнымъ боемъ партія на партію: арабы душили курдовъ, а курды—турокъ. Было больно смотрѣть на эту толпу людей, измученныхъ и озвѣрѣвшихъ въ страданіяхъ войны. Особенно арабы! Среди нихъ я вижу благородныя одухотворенныя лица. По моей просьбѣ старшій конвоя вызвалъ изъ толпы араба. Вышелъ человѣкъ лѣтъ 45, лицо сѣрое, полосатый плащъ въ дырахъ, ноги босы, облѣплены холодной грязью; всталъ на ледъ придорожной канавки и такъ стоялъ минутъ пятнадцать, разсказывалъ въ вѣжливо-

пріятномъ тонѣ, который выработанъ арабской культурой. Было нестерпимо слушать его, босого, оставляющаго на льду грязные слѣды распухшей лапы.

— Да передвинься ты на землю!

— Ничего, господинъ!—говоритъ онъ, переступая ногами. Провалился ледокъ, но онъ и въ ледяной водѣ стоитъ на томъ же мѣстѣ, вѣроятно, не чувствуетъ холода. И уѣхалъ бы, но онъ все разсказываетъ, точно гипнотизируетъ меня жаднымъ взглядомъ большихъ измученныхъ глазъ.

— Взяли насъ подъ Дутахомъ. Вышли мы изъ Багдада шесть мѣсяцевъ назадъ. Дало намъ правительство одни башмаки и вотъ износились...

— Одни башмаки!—радостно, что могутъ высказать и, со слезами на глазахъ отъ страданій, хоромъ кричатъ другіе арабы и негры, жадно слушающіе нашъ разговоръ.

— Хлѣба намъ давали вотъ по такому куску (показываетъ кисть руки) разъ въ четыре дня. Да и то отбирали у населенія. А у правительства ничего не было.

— Не было ничего у турецкаго правительства!—зло кричатъ въ толпѣ.

— Привели насъ сюда обманомъ. Аллахъ свидѣтель—мы не хотимъ войны. Пусть будутъ прокляты поднявшіе ее. И вотъ ты, господинъ, видишь насъ хуже самыхъ нечистыхъ животныхъ...

— Хуже звѣрей!—кричитъ губастый негръ, и изъ выпуклыхъ его глазъ потекли слезы.

— А среди насъ есть люди образованные и богатые. Но дома наши въ Багдадѣ, а здѣсь ничего нѣтъ...

Подъѣхала двуколеска. Одинъ арабъ поднялъ съ земли другого и перенесъ на спинѣ въ двуколеску. Старшій въ конвоѣ скомандовалъ—маршъ! Толпа колыхнулась лохмотьями, двинулась дальше босая, по мерзлой землѣ.

Къ Оргову верстъ семь отлогій подъемъ. Совсѣмъ незамѣтно очутились мы въ снѣгахъ; вокругъ застывшая зыбь снѣжныхъ склоновъ горъ, а внизу, позади, синяя долина Игдыря. Стада овецъ спускаются къ Оргову—грязныя ленты по бѣлому снѣгу. Въ чистомъ воздухѣ потянуло горькимъ запахомъ кизяка и неопрятнаго жилого мѣста. Собираясь на ночлегъ, кудахтали въ горахъ дикія курочки.

Въ Орговѣ—военный этапъ. Было шумно на тѣсномъ дворѣ комендантскаго дома, пахло щами, свѣжимъ лошадинымъ навозомъ и сладкимъ дымомъ махорки. Пріѣзжали обозныя одноколки, визжали на морозномъ снѣгу колеса. Солдаты варили ужинъ, убирали телѣги, шутили и ругались, уводили на водопой отряхающихся и порскающихъ лошадей.

Помѣстили меня въ одной комнатѣ съ полковникомъ М. и курдскимъ шейхомъ, Кямиль-бекъ-Бадырханомъ, съ которымъ мы встрѣчались въ Тифлисѣ. Солдатъ принесъ намъ чашку вкусныхъ изъ котла щей, а орговскіе курды прислали своему шейху въ привѣтъ подносъ пилава. Приходили врачи мѣстнаго лазарета, помощникъ коменданта,—пѣвецъ, москвичъ; вечеръ былъ оживленный и сытный. Пріѣхали молодожены въ коляскѣ. Всѣ говорили о нихъ съ ласковой усмѣшкой, осуждали, зачѣмъ она ѣдетъ.

— Не мѣсто бабамъ на войнѣ!—говорилъ полковникъ. Но въ голосѣ его слышалось прощеніе, а, пожа-

луй, и зависть. Въ кровати онъ заложилъ выше головы волосатыя руки, долго глядѣлъ въ потолокъ, задумчиво двигалъ волосатыми губами и сказалъ, когда мы уже засыпали:

— Ну, какъ онъ тамъ ее устроитъ, въ этихъ норахъ?!..

Утро было морозно и туманно. Выѣхали изъ Оргова большимъ отрядомъ: офицеры, казаки, курдскіе шейхи Кямиль-бей, Расуль и Халидъ-бей Шампаддиновы. Всѣ они ѣдутъ къ своимъ курдамъ. Подъемъ крутой, дорога вьется растянутой спиралью. Впереди надъ нами по бѣлымъ снѣгамъ горъ тянется длинная черная цѣпь груженыхъ верблюдовъ. Нырнула въ ущелье, опоясала гору, спрятала средину за бѣлымъ холмомъ, тянется, не рвется. На лошадяхъ мы быстро ихъ догоняемъ.

Дорога на крутыхъ подъемахъ идетъ короткими колѣнами. И вотъ какъ разъ передъ нами въ десять разъ перевилась на короткихъ поворотахъ живая цѣпь двугорбыхъ красавцевъ. Снизу кажется, что ходятъ они другъ другу навстрѣчу, плавно танцуютъ какой-то старомодный танецъ. Солдаты идутъ прямикомъ крутыми тропинками. Останавливаясь отдыхать, обираютъ съ усовъ ледяныя сосульки. Лобастая собака, помѣсь дворняжки съ медвѣдемъ, сѣла въ снѣгъ на край дороги и провожаетъ каждаго всадника взглядомъ маленькихъ сѣрыхъ глазъ, пошевеливаетъ чернымъ носомъ на новые запахи.

Поднимаемся выше, крѣпчаетъ морозъ. Гуще туманъ. Парятся и покрываются инеемъ потныя спины лошадей. Странно заиндивѣли темныя лица Богоса, курдскихъ шейховъ: точно бѣлыми кружевами обшиты черные рты и глаза. Въ морозномъ туманѣ проступаютъ,

встаютъ одна за другой бѣлыя, гладкія вершины. Ни одного темнаго пятна, все укрыто глубокими снѣгами. Назади иногда открывается глубина долины. Она налита подъ тучами темной синевой ночи; туда еще не проникъ разсвѣтъ.

Офицеръ, участникъ октябрскаго набѣга черезъ Чингиль, разсказываетъ:

„Вотъ здѣсь мы взбирались тогда, въ октябрѣ... Дороги почти не было. Въ двуколеску запрягали по четыре лошади, солдаты почти на себѣ тащили орудія. Мучились эти десять верстъ, цѣлый день ползли, только вечеромъ попали на Чингиль. Произвели развѣдку непріятельскихъ силъ. Турецкій полковникъ прислалъ намъ странное заявленіе; „Зачѣмъ здѣсь русскія войска? Мы воевать не хотимъ!“ Конечно, ему не дали никакого отвѣта. На другой день около 12 часовъ была открыта стрѣльба по цѣпи турокъ и по наблюдательнымъ пунктамъ. Турки бѣжали внизъ, въ таможенный пунктъ Каре, версты двѣ за переваломъ. Артиллерія открыла гранатный огонь по таможнѣ. Съ первыхъ же выстрѣловъ была разрушена крыша таможни и часть стѣны. Турки и курды подъ обстрѣлъ артиллеріи бѣжали, кто уцѣлѣлъ. Началась снѣжная буря, ничего не видно, хуже чѣмъ вотъ этотъ туманъ. Нашъ отрядъ спустился въ Каре. У зданія таможни валялись трупы. Ручнымъ фонаремъ я освѣтилъ запорошенную снѣгомъ кучу труповъ, числомъ около пятнадцати. У стѣны лежалъ со звѣздой на шапкѣ гамидіецъ, съ раздробленными ногами, и стоналъ. Раненыхъ отправили въ Игдырь, трупы закопали. На утро спустились въ долину и двинулись на Баязетъ“...

12

Мы уже взобрались на верхнюю площадку перевала. Впереди проступили темныя пятна построекъ. Это русскій пограничный пунктъ Чингиль. На доскѣ надпись-предупрежденіе,—поить лошадей на перевалѣ, потому что ниже, въ Каре, нѣтъ воды. И особая чугунная дощечка: „Высота надъ уровнемъ Чернаго моря 6,881 футъ". Здѣсь мы находимся на широтѣ южной Италіи. Морозъ около 20° R, но тихо, потому тепло.

Пограничный домъ, точно улей, полонъ солдатами. Входятъ и выходятъ, вынося съ собой изъ избы клубы пахучаго пара. Черезъ полчаса тронулись дальше. Миновали бывшій пограничный между Россіей и Турціей каменный столбъ. На немъ выбита цифра «XXXII». Дальше крутой и короткій спускъ къ этапу въ Каре. Спускались мы въ зыбкомъ кругѣ бѣлаго тумана. Лошади ползутъ на хвостахъ и сердито урчитъ подъ копытами морозный снѣгъ.

II.

Каре—бывшій турецкій таможенный пунктъ,въ двухъ верстахъ отъ Чингиля: нѣсколько жалкихъ домиковъ на обледенѣломъ скатѣ горы, стога сѣна у комендантскаго дома, кучи камыша. Въ молокѣ тучъ движутся темныя пятна людей, лошадей, повозокъ. Мои спутники ѣдутъ безъ остановки на Арзабъ. Мнѣ прямой путь въ Баязетъ, я остался ночевать въ Каре.

Комендантскій домъ—глиняная лачуга; сѣни и двѣ комнаты: одна коменданту, другая—офицерское помѣщеніе. Комендантъ провелъ меня въ офицерское помѣщеніе.

— Милости прошу, здѣсь и заночуете. Да вотъ какъ разъ и къ обѣду.., Павлюкъ, дай барину ложку! Господа, примите новаго гостя къ столу...

Комната низкая съ глинянымъ поломъ, камышовымъ потолкомъ, одно окошко; почти вся занята нарами, только къ двумъ стѣнамъ узкій проходъ. На нарахъ сѣно, полушубки, сѣдла, ящики, ранцы. За столомъ четверо врачей, два офицера, армянинъ-доброволецъ. На столѣ тазъ щей, горшокъ каши. Ѣли кашу, прихлебывали щами, а изъ горячихъ ртовъ валилъ паръ.

— Пожалуйста сюда, въ средину! Мы ужъ наѣлись. Подсаживайтесь плотнѣе...

— Питайся, дитя, питайся!—говоритъ одинъ, ударяя другого ладонью по лопаткамъ.—Кто знаетъ, когда такой обѣдъ встрѣтится.

Нерѣшительно клали ложки, не зная, сыты или еще надо поѣсть. Шутили, закуривали папиросы.

Это въ удобствахъ и богатствѣ европейской жизни мы сдѣлали изъ ѣды вкусовое наслажденіе. А вотъ въ такой обстановкѣ люди ѣдятъ, какъ звѣри, почти не чувствуютъ вкуса пищи, даже плохо разбираютъ, сыты или голодны; знаютъ только одно—нужно ѣсть, если пища подвернулась, ѣсть больше, потому что неизвѣстно, когда придется ѣсть вторично. Кругомъ голыя склоны горъ, занесенныя снѣгомъ развалины и деревни, гдѣ тоже нѣтъ пищи. Только цѣпь нашихъ этаповъ протянулась по горамъ; тамъ даютъ людямъ щи, кашу, мясо, картофель, а животнымъ—ячмень и сѣно. Какая завидная и дорогая роскошь! Для этого необходимо, чтобы по снѣжнымъ пустынямъ вслѣдъ за людьми шли тысячи груженыхъ верблюдовъ и телѣгъ изъ мѣстъ, населенныхъ и богатыхъ припасами. А здѣсь нѣтъ даже кизяка.

Врачи и офицеры уже снаряжались въ путь. И я былъ радъ и благодаренъ врачу этапнаго лазарета, г. Бѣленькому:—онъ пригласилъ меня къ себѣ.

Этапный лазаретъ помѣщается въ бывшей турецкой таможнѣ. Почти квадратный корридоръ, устланный соломой, а изъ корридора двери во всѣ помѣщенія: перевязочная, заразное отдѣленіе, раненые, аптека, тутъ же - полевой телефонъ. У доктора съ завѣдующимъ хозяйствомъ, подпоручикомъ Артамоновымъ, отдѣльная комната: большія окна, толстыя каменныя стѣны, деревянный полъ. Послѣ норы „офицерскаго помѣщенія" это—дворецъ. Стало радостно, что снова очутился въ обстановкѣ, напоминающей человѣческую. Въ комнатѣ желѣзная печь, кровати; ящикъ съ турецкими книгами и бланками. Денщикъ накрылъ столъ, поставилъ самоваръ.

У доктора утомленное лицо. Онъ жалуется, что почти не спитъ по ночамъ, боленъ и разсказы его тяжело слушать. Мы всѣ знаемъ, что война—трудное и страшное дѣло, но его впечатлѣнія болѣзненны и угнетаютъ особой глубокой печалью.

Въ окнахъ бѣлесая мгла снѣжныхъ тучъ. Мы втроемъ долго лежимъ въ походныхъ кроватяхъ, нѣжимся тишиной, тепломъ отъ желѣзной печки, каждый въ своихъ особенныхъ думахъ и мечтахъ, но всѣ вмѣстѣ въ одномъ безсловномъ разговорѣ объ окружающей насъ пустынѣ и безпріютномъ холодѣ снѣжныхъ высотъ Агры-дага. Въ тишинѣ вышли изъ угловъ, ходятъ по полу, токочутъ и разговариваютъ по - своему дикія курочки—подарокъ пастуха-курда.

Приходилъ комендантъ этапа. Мы лежимъ, а онъ стоитъ среди комнаты, высокій, съ лицомъ мечтательно-счастливымъ. Опять та же необычная въ военной обстановкѣ пара молодоженовъ проѣхала. Офицеру хочется многое намъ сказать, но тишина комнатъ и окружаю-

щая пустынность заглушають въ его душѣ всѣ слова. Онъ крутитъ головой, улыбается:

— Проѣхали, да-съ! Она у меня въ креслѣ посидѣла...

Незамѣтно спустились въ бѣломъ туманѣ сумерки. Зашумѣлъ проходящими войсками и караванами этапъ Каре. Я вышелъ изъ комнаты.

Урчалъ подъ ногами морозный снѣгъ, крѣпчалъ холодъ, трудно было дышать. Шерстистой кучей столпились верблюды, пугливо кричатъ дикими голосами, толкая другъ друга вьюками и разрывая поводья. Гружены почтой, турецкими пушками изъ-подъ Дутаха. Стоятъ курды, не зная куда пристроить на ночь животныхъ. Верблюдъ поднялъ съ земли мягкими губами камышину и, высоко поднявъ голову, медленно жуетъ ее слюнявымъ ртомъ.

Солдаты распрягли лошадей, зажгли кучи камыша, кипятятъ воду. Перехваченное горькимъ дымомъ дыханье людей и животныхъ валило изъ ноздрей густымъ паромъ. Подходили къ огню солдаты, раздвигали на лицахъ башлыки, совали въ пламя закалянѣвшіе скрюченные пальцы, безмолвно шевелили обледенѣвшимъ ртомъ, чтобы раздѣлились смерзшіеся усы. Дѣлились событіями прошедшаго дня, но больше молчали. Суровое и долгое терпѣніе пріучило ихъ къ сосредоточенному молчанію.

Въ газетахъ пишутъ о войнѣ (и всѣ читающіе такъ привыкли ее представлять): война—это рядъ восторженныхъ моментовъ, когда люди рискуютъ жизнью въ упоеніи близкой побѣды. Генералъ скачетъ съ мечомъ впереди своего войска въ атаку, солдатъ защищаетъ грудью любимаго начальника отъ удара врага... Ко-

нечно, и въ этомъ доблесть воина, но можетъ быть лишь малая доля сверхчеловѣческаго подвига войны. Самый великій ея героизмъ, передъ которымъ холодѣетъ душа,—это безмѣрное и безграничное терпѣніе, въ которомъ офицеры раздѣляютъ участь солдатъ и животныхъ. Да, и животныхъ.

Тускло свѣтили два три огня этапа и кто-то невидимый кричалъ радостнымъ голосомъ:

— Айда за щами, ребята!

Пройтись некуда, только развѣ по дорогѣ на Чингиль и въ Баязетъ. Склоны горъ круты, пустынны. Жадно завылъ неподалеку шакалъ. Этапные солдаты говорятъ, что по горамъ до сихъ поръ лежатъ трупы курдовъ. Запорошило слегка снѣгомъ, такъ и останутся до весны.

Чувство холодной безпріютности пахнуло въ душу, сдавило мозгъ. Стало стыдно идти въ теплую комнату, когда сотни людей и измученныхъ животныхъ на морозѣ. Да, на голомъ скатѣ горы, въ морозную ночь не возгордишься своимъ человѣческимъ происхожденіемъ передъ животнымъ: и верблюдъ и человѣкъ одинаково безсильны.

Въ коррйдорѣ таможни меня встрѣтило темное сердитое лицо проводника Богоса. Онъ жевалъ мерзлый хлѣбъ, жаловался на холодъ, на горы. Нѣтъ лошадямъ помѣщенія, поставилъ ихъ гдѣ-то за версту отсюда въ развалинахъ. Не досталъ ячменя, только сѣна дали.

Докторъ обходилъ больныхъ. Длинный темный сарай таможни; земляной полъ устланъ сѣномъ. Пробитая русской гранатой стѣна заложена наново. Стоятъ желѣзныя печки, два ряда кроватей съ больными. Сол-

даты одинъ за другимъ снимаютъ одежду. Фельдшеръ близко подноситъ фонарь, освѣщая во мракѣ сарая красныя и блѣдныя, точно маской, одѣтыя терпѣніемъ лица.

— Что болитъ?

— Дыханье подпираетъ. Раненъ былъ пулей, прошло, а теперь застудился должно, бокъ заболѣлъ.

Рыжій солдатъ съ прострѣленной щекой. Блѣдный бородачъ, измученный ревматизмомъ.

— Кто изъ новыхъ не осмотрѣнъ?! Подходи!—говоритъ врачъ, поднимая надъ фонаремъ лицо и стараясь разглядѣть во мракѣ.

— Я, вашблародь, посмотрите меня!

Высокій юноша сбросилъ рубашки, обнажилъ изъѣденную до болячекъ вшами спину, острыя лопатки косо поставленныя плечи.

— Доброволецъ?

— Такъ точно, доброволецъ!

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Семнадцать!

Докторъ всматривается, узнаетъ въ юношѣ сына бакинскаго купца, долго слушаетъ грудь, качаетъ головой.

— Рано, милый мой, тебѣ воевать. Иди домой, пей молоко иначе будетъ плохо.

Юноша растерянно смотритъ на доктора большими выпуклыми глазами.

— А мнѣ хотѣлось повоевать?..

Изъ мрака сарая, черезъ двѣ кровати раздался увѣренный голосъ.

— Успѣ-эешь, братъ, повоевать! Въ свое время повою-уешь! Теперь на землѣ войны пошли... Еще разъ пять будемъ воевать, паренекъ.

Отъ этихъ словъ тогда, въ жуткой обстановкѣ этапнаго лазарета, на высотахъ Чингиля у меня захолонуло въ душѣ и корни волосъ похолодѣли. Даже какой-то особый непонятный страхъ охватилъ меня въ тѣ минуты. Я почувствовалъ вокругъ мерзлую пустыню горъ, костры въ морозномъ туманѣ, черные силуэты мохнатыхъ верблюдовъ, жующихъ длинныя сухія камышинки. Здѣсь теплый сарай, полный ранеными и больными. И тонъ этого долго молчавшаго, много про себя думавшаго человѣка увѣренъ и спокоенъ. Самъ онъ боленъ, но спокойно говоритъ о возможности новыхъ пяти войнъ. И въ голосѣ явно слышится: вы-ытерпимъ.

— А ты, братъ, рановато сунулся,—раздражается онъ на юношу.—До тебя еще очередь дойдетъ, не изъ послѣдняго солдата воюемъ. Еще дойде-отъ!—повторилъ онъ, ложась на спину.

Захотѣлось освѣтить поскорѣе фонаремъ его лицо:—какое оно? Вспоминая теперь, я вижу только два слегка расширенныхъ зрачка, налитыхъ свѣтомъ фонаря, а лица не помню. Было и лицо, я видѣлъ его, но вотъ совсѣмъ ничего особеннаго нельзя вспомнить: лицо, какихъ тысячи, сотни тысячъ, общее выраженіе коихъ—терпѣніе.

Въ нашей комнатѣ подпоручикъ разсчитывался съ курдами за кизякъ—пятьдесятъ копеекъ пудъ. И упрашивалъ:

— Ты еще намъ привези завтра. Я тебѣ на чай прибавлю. Понялъ?!

Была большая радость у насъ въ тотъ вечеръ: старый курдъ принесъ въ ведеркѣ молока. Подпоручикъ вдохновился.

— Семенъ, топи печку, ставь самоваръ? А не выпить ли намъ, господа, по чашкѣ какао?!...

Пріѣхалъ изъ Арзаба завѣдующій хозяйствомъ лазарета. Ѣдетъ за покупками въ Тифлисъ; радъ командировкѣ безконечно. Отъ радости не могъ съ нами ужинать. Но принесли изъ сосѣдней комнаты телефонограмму отъ старшаго врача: задержаться. Онъ сѣлъ за столъ, долго молчалъ.

— Да поѣшь немного!

Онъ не могъ ѣсть уже отъ горя.

Спали тревожно. Въ окна таможни всю ночь свѣтила осіянная луной бѣлесая морозная мгла. Подпоручикъ бредилъ войной, кричалъ:

— Ребята, здѣсь будетъ дѣло!

Врачъ стоналъ. Кричали озябшіе верблюды. И пѣли на дорогѣ морозныя пѣсни колеса обозныхъ телѣгъ.

Утромъ я выѣхалъ въ Баязетъ. Разорвались на минуту тучи и вдали блеснула вершина Арарата.

III.

Въ ясную погоду съ Чингильскаго перевала отлично виденъ Баязетъ. Два розовыхъ голыхъ хребта, изъ коихъ восточный—до семи тысячъ футовъ высотой. На крутыхъ ребрахъ западнаго хребта расположенъ Баязетъ, озаглавленный старой мечетью. Чуть видны мрѣющія очертанія минарета, растянутые ромбы плоскихъ крышъ, ниспадающихъ уступами.

И весь этотъ каменный баязетскій массивъ пустыненъ и дикъ, перекрытъ снѣгомъ, многоцвѣтенъ и пятнистъ, Между нимъ и Агры-дагомъ—ровная на двадцать верстъ водоотстойная долина. А влѣво надъ

всѣми горами возносится бѣло-розовая вершина Арарата.

Тучи клубились подо мною. Но скоро я опустился въ морозные туманы; тогда погасъ свѣтлый міръ снѣжныхъ высотъ. Точно привидѣнія тянулись по крутымъ подъемамъ повозки, орудія, верблюды, люди. Дики и странны были голоса невидимыхъ.

Въ долинѣ я очутился ниже тучъ, ѣду подъ зыбкой крышей тумановъ. Передо мной разстилается равнина, сине-морозная, осіянная сквозь туманы нѣжнымъ волнующимся и измѣнчивымъ свѣтомъ. Слѣва запорошенные снѣгомъ камыши обширныхъ болотъ; ихъ питаютъ воды окружающихъ высотъ.

Развалины курдской деревни Тахлке — звѣриныя жилища. Село Кара-булагъ. Когда ѣхали по большому тракту на Каракилиссу, встрѣчали солдатъ. Когда свернули на Баязетскую тропу, остались мы одни съ проводникомъ Богосомъ. Только однажды встрѣтился казачій разъѣздъ. Богосъ дороги не знаетъ, надо спрашивать. Офицеръ подробно объяснилъ, какъ ѣхать, а казакъ и въ догонку кричалъ, крутясь на нетерпѣливомъ конѣ:

— Такъ и ѣзжай тропой! Только будетъ тамъ раздорожье, возьми влѣво, вправо не бери!..

И поскакалъ догонять своихъ. Звонко заекала у жеребца селезенка, завизжалъ разными голосами въ подковахъ снѣгъ.

Ѣдемъ долго. Проѣхали уже не одно раздорожье, брали вправо, брали влѣво, въ сомнѣніяхъ держались торнаго пути. И негдѣ провѣрить—по дорогѣ ни души. Баязетъ на высотѣ, за тучами. Видны на равнинѣ вдали пестрыя пятна,—можетъ быть, села, а можетъ

быть, просто перекрытые снѣгомъ камни. Даже жутко отъ этой снѣжной пустынности одному, подъ зыбкой крышей морозныхъ тучъ.

Когда изъ людныхъ мѣстъ попадаешь въ однообразную пустыню, она давитъ. Казалось бы,—думай и мечтай вволю, ничто не мѣшаетъ! Но вотъ застываетъ мысль и глохнетъ воображеніе. Навяжется какой-нибудь отрывокъ рѣчи человѣческой, стихотвореніе, и трудно выбросить его изъ головы. Теперь я вспоминаю сѣдого полковника въ Игдырѣ. Онъ сражался въ русско-турецкой войнѣ 77—78 гг., участвовалъ въ геройскомъ „баязетскомъ сидѣніи“, когда маленькій русскій гарнизонъ съ честью выдержалъ долгую осаду большихъ турецкихъ силъ. Коверкая стихи на „о“, полковникъ декламировалъ:

„Гор-ни-зонъ нашъ бо-я-зет-скій
„От-то-кованъ туркомъ былъ“...

Ѣду, а подъ тактъ лошадинаго шага въ мысляхъ эти самые стихи выговариваются.

Изрѣдка тучи разорвутся, блеснетъ зеленое небо надъ Армянскимъ плоскогорьемъ, дунетъ оттуда холодомъ. По снѣжнымъ склонамъ горы, гдѣ предполагаемъ Баязетъ, видно: скачутъ какіе-то всадники, взметая за собой морозную пыль, скачутъ и исчезаютъ. И ужъ не вѣришь глазамъ, можетъ быть, такъ показалось утомленному бѣлой пустотой взору.

„Гор-ни-зонъ нашъ боязетскій“... Это утомительно!

Наконецъ, увидѣли селеніе. Сѣдое отъ инея дерево, а подъ нимъ плоская крыша. Ѣдемъ полчаса, а оно все еще далеко. Подъѣхали близко, а торная дорога ведетъ мимо деревни, вправо. Видна водяная мель-

ница. Какъ грибами заросли бѣлымъ льдомъ берега рѣчки, увѣшаны сосульками; дымится морознымъ паромъ вода. И селеніе проѣхали, а дорога не загибается, уходитъ все дальше на западъ. Это уже совсѣмъ не на Баязетъ.

Богосъ оставилъ меня съ вьюкомъ въ полѣ, поскакалъ въ селеніе. Обратно скачетъ,—кричитъ и машетъ рукой:

— Айда въ село!

Оказалось, уѣхали мы далеко въ сторону. Изъ селенія ѣдетъ въ Баязетъ курдъ, онъ покажетъ намъ дорогу.

Небольшое курдское село. Съ изумленіемъ смотрятъ на насъ кучки людей. Въ ожиданіи насъ стоитъ старикъ-курдъ, плащъ изъ кошмы, дубина подъ мышкой. Ходитъ по ручьямъ груженый мѣшкомъ бычекъ, нюхаетъ воду. Ниже мельницы рѣчушка растекается десятками ручьевъ, и мы долго переѣзжаемъ потоки. Обледенѣлые берега круты и ломаются. Лошади наши не пили со вчерашняго дня (въ Каре нѣтъ воды) и теперь ненасытно суютъ морды въ холодную воду. Кажется, всю рѣку выпьютъ. Напились, озябли, идутъ охотнѣе, почти бѣгутъ, грѣются.

Часа черезъ два мы въ Баязетскомъ ущельѣ.

Уже самый подступъ къ Баязету интересенъ. Въ раструбѣ ущелья остатки стариннаго укрѣпленія Зангезоръ: на вершинѣ холма замкнутое кольцо высокой каменной стѣны. Въ средніе вѣка это была большая твердыня. Теперь она — ненужная развалина; здѣсь помѣщается нашъ дозорный отрядъ. Ѣздятъ по снѣжному полю солдаты, собираютъ въ повозку турецкую телефонную проволоку. Отъ укрѣпленія дорога подни-

мается къ Баязету по разлатому ущелью. Мѣстами очень круто.

Стало тихо и тепло въ Баязетской долинѣ. Дорога оттаяла до земли и парится теплымъ паромъ... Пахнетъ весеннимъ ароматомъ земли. Черная дорога среди снѣговъ, точно чернильная полоса на бумагѣ.

Ѣдемъ, и близко ужъ, а Баязета не видно. По гребню каменной гряды выступило впередъ города кладбище. Больше ему негдѣ помѣститься: круто вправо, круто влѣво, а сзади Баязета отвѣсныя высоты.

На поворотѣ — палатка дозорнаго поста: два офицера, солдаты вокругъ костра. За палаткой видно переднее ново-турецкое укрѣпленіе. А отъ него, какъ горная промоина, круто и извилисто поднимается главная баязетская улица.

Была она полнолюдна и въ движеніи: армяне, солдаты, турки, курды. Идутъ, неся головы выше крышъ, верблюды; семенятъ ножками ослы; медленно, выпучивъ глаза, движутся груженые быки. Висятъ на улицѣ копченые свиные бока, колбасы, и поневолѣ задѣваешь ихъ плечомъ — узко ѣхать. Открыты лавочки.

— Скажите пожалуйста, — спрашиваю встрѣчнаго офицера,—гдѣ бы мнѣ найти здѣсь ночлегъ?

— Поѣзжайте въ домъ военнаго губернатора; тамъ полицеймейстеръ, онъ найдетъ вамъ въ городѣ комнату.

Военный губернаторъ Баязета, генералъ-лейтенантъ Д., помѣщается въ домѣ бывшаго русскаго вице-консульства,—лучшемъ домѣ Баязета. Крутой обледенѣлый переулочекъ, по которому съ трудомъ поднимаются лошади, глиняный заборъ передъ входомъ, часовой у

двери, маленькій дворъ, каменная лѣстница и многолюдная толкотня въ дверяхъ канцеляріи.

Канцелярія небольшая, низкая комната,—шапкой за потолокъ задѣваешь,—была набита народомъ. Четыре солдата съ винтовками, нѣсколько армянъ и курдовъ, офицеръ, и небольшого роста бойкій брюнетъ, какъ потомъ оказалось, дѣлопроизводитель канцеляріи губернатора, Ч. Всѣ столпились около стараго курда, шумѣли на армянскомъ, курдскомъ, русскомъ языкахъ. Курдъ подслѣповато щурился, а лицо зеленое отъ страха. Солдатъ нащупалъ у него на спинѣ бумагу, торопливо выхватилъ;—письмо въ синемъ конвертѣ, адресъ по-турецки.

— Вашъ благородь, письмо у ево!

Ч. что-то спросилъ курда, тотъ быстро отвѣтилъ. Дѣлопроизводитель съ раздраженіемъ всплеснулъ руками:

— Вотъ тутъ и разговаривайте съ негодяемъ! На глазахъ моихъ у него вынули, а онъ говоритъ: „не у меня!“.

Съ курда сняли феску, осмотрѣли чалму; на плечо его свалился чубъ темныхъ волосъ. Щупали его штаны, заставили снять башмаки. Старикъ былъ жалокъ, шевелилъ помертвѣвшими губами, топтался грязными босыми ногами по полу и смотрѣлъ на скрюченные пальцы, точно видѣлъ ихъ впервые.

— Пусть одѣвается... Будетъ, не копайтесь! — брезгливо сказалъ дѣлопроизводитель. — Отведите въ тюрьму, я доложу губернатору... Вѣроятно, туркамъ несъ письмо,—сказалъ онъ, похрустывая въ рукахъ отобраннымъ конвертомъ.—Все доносятъ, сколько у насъ войска въ Баязетѣ, да много-ли припасовъ и продовольствія...

Пришелъ въ канцелярію бывшій баязетскій вице-консулъ, К. К. Акимовичъ. При отступленіи изъ Баязета турецкія власти распорядились убить его каваса, а самого вице-консула схватить. Но онъ избѣжалъ опасности. Ужъ не до того было испуганному турецкому гарнизону.

Для гарнизона сильнаго и богатаго боевыми припасами и пищей, Баязетъ воистину неприступная крѣпость. Раскинуть вѣнцами надъ ущельемъ батареи пушекъ, выставить съ востока по гребнямъ горъ и въ горномъ проходѣ сторожевые посты и пулеметы, и къ Баязету невозможно подступиться. Но для слабаго и бѣднаго турецкаго гарнизона Баязетъ могъ превратиться въ ловушку. И въ тотъ же день, когда русскіе отряды перешли Чингильскій перевалъ, турки покинули Баязетъ. Почти два дня былъ онъ безъ власти, пока пришелъ русскій отрядъ. Армянское населеніе города ликовало.

К. К. Акимовичъ медлительный, увѣренный и спокойный, живетъ теперь съ русскимъ военнымъ губернаторомъ въ качествѣ дипломатическаго агента. Объ этихъ событіяхъ онъ разсказываетъ кратко. Ушли турки, вошли русскіе. За долгую исторію борьбы Россіи съ Турціей Баязетъ нынѣ занятъ нами въ четвертый разъ, и надо думать—послѣдній.

— Три мѣсяца здѣсь турки готовились къ войнѣ съ большими усиліями и мы это знали. Если бы въ самомъ началѣ мы потребовали отъ нихъ демобилизаціи, или, въ случаѣ неисполненія, объявили войну, мы давно были бы въ Эрзерумѣ. И Турція бы молчала...

Достать въ Баязетѣ сносную, а особенно—теплую комнату нелегко, вѣроятно, теперь даже невозможно. Полицеймейстеръ Баязета, поручикъ Н., направилъ меня къ д-ру Л.

— А вечеромъ милости прошу ко мнѣ наверхъ, въ крѣпость. Теперь же, извиняюсь, нѣсколько часовъ я совершенно не могу оторваться отъ дѣлъ...

Солдатъ съ винтовкой провожалъ меня по улицѣ городка. Улица поднимается круто въ гору. Квартира д-ра—подъ самой крѣпостной стѣной, въ двухъэтажномъ турецкомъ домикѣ. Снизу помѣщеніе на подобіе амбара, вверхъ—каменная лѣстница съ люкомъ. И верхній этажъ—въ родѣ небольшой крѣпостцы. Изъ оконъ комнаты открылся видъ изумительный.

Уступами спускаются внизъ по ущелью плоскія крыши города. Долина Баязетская устлана бѣлымъ туманомъ. А среди тумана, какъ острова въ бѣломъ морѣ, встаютъ скалистыя вершины вулканическихъ горъ; дальше—бѣлая гряда Агры-дага, перевалъ Чингиль. Араратъ прятался за каменной щекой ущелья.

Морозило; была великая тишина въ природѣ, а въ тишинѣ—тепло. Какую великолѣпную климатическую станцію можно устроить въ этой каменной горной раковинѣ, на мѣстѣ многократно залитаго людской кровью баязетскаго укрѣпленія!

Вмѣстѣ съ д-ромъ Л. живетъ прапорщикъ Ш.; только что пріѣхалъ новый врачъ, К. Конечно, я такъ уже и остался у гостепріимныхъ хозяевъ, жилъ у нихъ два дня. Вечеромъ послѣ дневныхъ занятій собрались къ намъ отдохнуть офицеры. Поджавъ подъ себя ноги, привалившись къ дивану, сидѣлъ на коврѣ въ бѣломъ кидарѣ хозяинъ дома, турокъ. Я слушалъ

долгіе и горячіе споры о націонализмѣ, о томъ, какъ его понимать, о грядущемъ людскомъ братствѣ... Нельзя было не сознавать страннаго, волнующаго несоотвѣтствія между обстановкой нашей жизни и разговорами: вѣдь все-таки мы были въ Баязетѣ, и надъ покатымъ баязетскимъ ущельемъ раскинулись тяжелые вѣера русскихъ пушекъ...

Хозяинъ дома не понималъ по-русски, и никто изъ насъ не зналъ по-турецки. Онъ сидѣлъ, гость безъ языка, внимательно слушалъ, по своему усваивалъ смыслъ горячихъ разговоровъ и споровъ. И, мнѣ казалось, по его темному лицу пробѣгала ироническая усмѣшка.

Утомленный дымомъ крѣпкаго турецкаго табаку и страстными спорами гостей, я ходилъ на площадкѣ передъ домомъ. Лаяли въ Баязетѣ собаки, пѣли пѣсню широкимъ русскимъ напѣвомъ солдаты. А внизу неясно рисовались пестрыя горы на бѣломъ блюдѣ баязетской долины.

IV.

Утро надъ Баязетомъ встало тихое—продолженіе вчерашняго дня. Сіяли кругомъ снѣжныя горы, а за двухсотсаженной отвѣсной стѣной природныхъ укрѣпленій Баязетъ долго лежалъ въ голубой тѣни.

Съ утра до вечера городокъ въ движеніи. Торговцы, солдаты, груженый скотъ—все крутится по узкимъ улицамъ и шумитъ. Возлѣ губернаторскаго помѣщенія у родника шерстистой кучей мнутся верблюды, лошади, ослы, дожидаясь очереди на водопой. На перекресткахъ сцѣпляются громоздкіе грузы, и долго шу-

мятъ и бранятся солдаты, не привыкшіе къ такой тѣснотѣ.

Утромъ я былъ принятъ военнымъ губернаторомъ. Это—пожилой генералъ съ усталымъ, внимательнымъ лицомъ, тихими жестами. На всѣхъ стульяхъ его пріемной комнаты сушились какіе-то бланки. А столъ кабинета заваленъ телеграммами, письмами, бумагами. Въ кабинетѣ жесткая солдатская кровать съ бараньей шкурой вмѣсто коврика. Онъ живо интересовался настроеніями внутри Россіи, слушая, старался понять и то, чего я не могъ высказать въ немногихъ словахъ.

— А мы здѣсь, можно сказать, отрѣзаны отъ русской жизни совершенно. Я получаю приказанія, я даю приказанія—цѣпь воинской дисциплины связываетъ насъ съ родиной, а о русской жизни слышимъ мало... Приходите къ завтраку, тогда свободнѣе поговоримъ...

Полицеймейстеръ Баязета, поручикъ Н., предложилъ пройти въ крѣпостную мечеть. Мы медленно поднимаемся по крутому подъему къ крѣпостной стѣнѣ. Онъ опирается на шашку, какъ на палку, разсказываетъ, и на остановкахъ, обращаясь лицомъ къ долинѣ, вдохновляется красотой мѣстности:

— Я желалъ бы остаться здѣсь полицеймейстеромъ послѣ войны. Я бы привелъ это мѣсто въ порядокъ, насадилъ бы сады... Это предразсудокъ, будто здѣсь не пойдутъ сады. Вонъ видите внизу два сада—отлично идутъ. И всѣ эти каменные склоны можно озеленить. Здѣсь прекрасная вода, тутъ будетъ великолѣпный городокъ. Конечно—не у турокъ!.. Когда мы пришли сюда, здѣсь даже улицы были завалены грязью. А

вѣдь—камень! Мы очистили улицы, и вотъ ужъ стало здѣсь пріятнѣе. Я художникъ въ душѣ и люблю красоту.

Съ площадки передъ входомъ въ крѣпость видны старинныя укрѣпленія, баязетское ущелье (розовыя скалы на глиняномъ основаніи), весь Баязетъ—лѣстница изъ плоскихъ крышъ, наконецъ его нижнее последнихъ временъ укрѣпленіе, гдѣ недавно стояли турецкія батареи...

Видѣли ли вы, какъ дикая птица осторожно перелетаетъ, опускается по дереву съ сучка на сучекъ все ниже и ниже, на каждомъ сучкѣ выжидаетъ, оглядывается, нѣтъ ли опасности, не рѣшается сразу сѣсть на луговину?

Такъ же по склонамъ баязетскихъ скалъ спускались внизъ и люди. Самое древнее, можетъ быть, начала нашего лѣтосчисленія, укрѣпленіе прилѣпилось на самой вершинѣ отвѣсной скалы—настоящее гнѣздо дикой птицы, кто подступится?! Потомъ въ десятомъ—двѣнадцатомъ вѣкѣ укрѣпленія спустились ниже, къ основанію скалы, въ верхній конецъ ущелья. Онѣ прижались къ скалѣ, вкопались, защитивъ въ камняхъ спину и бока и только лицомъ обернулись къ долинѣ. Отъ города эти постройки отдѣляетъ ручей. Наконецъ, въ восемнадцатомъ вѣкѣ укрѣпленія перешли на покатую сторону ущелья; вверху была построена вотъ эта крѣпость, у дверей коей мы стоимъ, и мечеть. Потомъ, осмѣлѣвъ, люди спустились ниже города: тамъ казармы и открытая площадка для пушекъ.

Входъ въ крѣпость и мечеть изукрашенъ арабской лѣпкой: сталлактитовый полусводъ надъ воротами и

узорная вязь столбовъ. Есть жуткое сказаніе о постройкѣ этой крѣпости и мечети. Султану такъ понравилась постройка, что онъ приказалъ отрубить мастеру правую руку, чтобы тотъ не могъ еще гдѣ-нибудь воздвигнуть второе, столь же прекрасное зданіе... Можетъ быть, и не было такого ревниваго султана, но несомнѣнно одно, свойственное Востоку: радостный восторгъ передъ произведеніями искусства и умѣнье выразить это въ немногихъ разительныхъ образахъ.

Крѣпость въ полуразрушенномъ и загаженномъ состояніи. Наши войска очистили и привели ее въ нѣкоторый порядокъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ турецкомъ гарнизонѣ Баязета былъ тифъ, и еще вчера фельдшера производили здѣсь дезинфекцію, готовили помѣщенія для новыхъ войскъ, прибывающихъ сегодня. Въ морозномъ воздухѣ стоялъ сладкій запахъ очищенной карболки.

Мечеть въ чистотѣ и нетронута; круглый куполъ четко отражаетъ шорохи шаговъ и движеній. Поручикъ живетъ въ комнатѣ рядомъ съ мечетью, вмѣстѣ съ капитаномъ N. Приготовилъ намъ чай и дѣловито ходилъ по каменному корридору денщикъ поручика, солидный рязанецъ-бородачъ, крѣпко стучалъ сапогами, радовался звонкому отголоску на звуки шаговъ, на покашливанье, и весь видъ его говорилъ:

— А намъ все равно! Мы вездѣ можемъ хорошо устроиться, коли начальство прикажетъ...

При спускѣ въ нижнюю часть города мы узнали, что среди армянъ Баязета и окрестностей началась тревога.

Это было 21 декабря—канунъ блестящаго сарыкамышскаго разгрома турецкихъ корпусовъ. Конечно,

никто не зналъ, куда и съ какой цѣлью производились тогда передвиженія войскъ, только ждали событій. А всякое военное событіе, каковъ бы ни былъ его исходъ, угрожаетъ мирному населенію бѣдой. Естественно, что въ средѣ христіанскаго населенія турецкой Арменіи началась та паника передъ возможностью турецкаго нашествія, которая выбросила къ намъ новую волну армянскихъ бѣженцевъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ.

На базарѣ и по улицамъ Баязета толпились армяне, передавали неопредѣленные слухи о близости турокъ со стороны Хоя, о неспокойныхъ курдахъ. Богосъ искалъ меня по городу. Изъ темнаго лицо его стало зеленымъ, онъ почти задыхался. На завтра должны были мы выѣхать въ Маку.

— Я не пойду Маку!.. Тамъ курды стрѣляютъ... Уффъ!—придушеннымъ голосомъ говоритъ Богосъ, вращая желтыми бѣлками.

— Кто тебѣ сказалъ? Это невѣрно! Мы завтра туда поѣдемъ.

— Народъ говоритъ... Не поѣду!

Я долго его уговаривалъ. Онъ немного успокоился, и когда я обѣщалъ достать въ дорогу ружье, онъ совсѣмъ повеселѣлъ. А, получивъ ружье изъ отобранныхъ у курдовъ ружей, онъ озаботился получить къ этому ружью патроны. Ходилъ по городу съ берданкой на плечѣ, имѣлъ видъ воинственный.

За завтракомъ у военнаго губернатора было нѣсколько человѣкъ: К. К. Акимовичъ, поручикъ З., дѣлопроизводитель губернатора. Приносили пакеты и телеграммы. Сдвигая очки на лобъ, генералъ разрывалъ пакеты, усталыми глазами читалъ срочныя

депеши и бумаги, клалъ ихъ около тарелки стопкой и, наклоняясь снова надъ блюдомъ, продолжалъ прерванный разговоръ.

Надъ одной бумагой генералъ благодушно улыбнулся:

— Вотъ комендантъ А—ба спрашиваетъ разрѣшенія покупать фуражъ въ новыхъ селеніяхъ, а въ его округѣ истощились запасы. Да пусть покупаетъ!.. Кажется онъ недавно изъ-за Чингиля вернулся.

— И съ молодой женой...—сказалъ дѣлопроизводитель.

— А-а! Ну, пусть покупаетъ! Какъ ужъ онъ тамъ устроится съ женой?..

Еще разъ, и въ послѣдній, за путешествіе вокругъ Арарата пара молодоженовъ издали мелькнула въ водоворотѣ военныхъ событій, сообщая людямъ настроеніе тихой радости и задумчивой грусти.

Подходили къ дверямъ армяне: бабы, мужики, сѣдой священникъ. Всѣмъ давали отвѣтъ, успокаивали, дѣлали, что было возможно.

— А я завтра, ваше превосходительство, собираюсь на Маку выѣхать. Возможно ли? — спрашиваю генерала.

— Да поѣзжайте съ Богомъ! Туда утромъ пойдутъ верблюды, съ ними отрядъ. Поѣзжайте и вы. На этапѣ Базырганъ переночуете, а на другой день будете въ Маку.

Было тревожно среди армянскаго населенія города. Цѣлую ночь слышалось на улицахъ движеніе, разговоръ, крики, лаяли собаки, ревѣли животныя. Въ ожиданіи военныхъ событій населеніе собиралось къ выѣзду. И съ разсвѣтомъ длинная цѣпь людей и жи-

вотныхъ протянулась въ долинѣ по направленію къ Чингилю.

Въ густомъ потокѣ людей, ословъ, верблюдовъ, быковъ, груженыхъ одѣялами, мѣшками, коврами, всякимъ домашнимъ скарбомъ, я подвигался синимъ утромъ по улицѣ Баязета. Ослѣпительно сверкали подъ солнцемъ хребты Агры-дага и широкая снѣжная равнина.

Въ одномъ изъ переулковъ увидѣлъ я спокойную фигуру губернатора. Красные отвороты и околышъ и серебро эполетъ четко рисовались на фонѣ глиняныхъ стѣнъ. Въ грязномъ потокѣ людей, животныхъ, лохмотьевъ, мѣшковъ былъ онъ одинъ повелительный и нарядный, точно изъ другого міра старикъ съ усталымъ лицомъ.

На поворотахъ дороги кое-гдѣ уже свѣтило солнце. Упалъ съ мѣшкомъ на крутомъ спускѣ оселъ и, пока подошелъ хозяинъ, пригрѣлся на солнцѣ, блаженно щурилъ глаза, прикрывая ихъ длинными рѣсницами. Черезъ него шагали верблюды; считая мертвымъ, на его голову фукали, раздувая ноздри, быки. Ослу не передалась человѣческая тревога. Было ему все равно, кто на немъ станетъ ѣздить и кормить мякиной: турокъ, русскій или армянинъ. Подбѣжалъ хозяинъ и, стиснувъ зубы, оглянулся. Онъ искалъ камня, чтобы въ припадкѣ горя и злобы размозжить ослу блаженную голову. Не нашелъ и ударилъ его пяткой по зубамъ.

Спускъ былъ крутъ и во многихъ мѣстахъ обледенѣлъ. Подвигались медленно. Шли женщины съ грудными дѣтьми на рукахъ, молодыя дѣвушки и мужчины съ ружьями. О-бокъ дороги стоялъ въ снѣгу трехлѣтній ребенокъ и даже не плакалъ, а молча провожалъ одного за другимъ людей и животныхъ круглыми тем-

ными глазами, искалъ мать. Дѣвочка со слезами тянетъ за уши подъ гору груженую телку, чтобы шла. Старикъ-армянинъ поднимаетъ упавшаго подъ тяжелой ношей бычка, взялъ его за рога и бьетъ головой объ дорогу, чтобы вставалъ.

Разноголосый шумъ, смятеніе, слезы разлучившихся матерей и дѣтей, теплая тишина баязетской долины, желѣзистый запахъ тающаго снѣга, величавыя бѣлыя горы кругомъ... Живой потокъ движется далеко по долинѣ, протянулся на нѣсколько верстъ—разноцвѣтная живая цѣпь на бѣломъ снѣгу.

Семья армянъ—старикъ, молодая женщина и трое дѣтей, идутъ вслѣдъ за быкомъ. Онъ нагруженъ тяжело, такъ что даже дѣтей посадить трудно. Старикъ проситъ меня взять на лошадь маленькую дѣвочку лѣтъ четырехъ. Я уже заранѣе рѣшилъ не брать дѣтей,—гдѣ потомъ отыщешь родителей въ текучемъ многолюдьѣ и куда ребенка дѣнешь!? Но вотъ на непонятномъ языкѣ безъ словъ понятная просьба... и я соглашаюсь. Старикъ благодарно сажаетъ сзади меня на лошадь ребенка. Ноги дѣвочки обмотаны тряпками. Она ухватилась рученками за мои карманы, а сопливымъ носомъ уткнулась въ спину. Я держу ее за руки, грѣю ихъ; она не плачетъ, только посапываетъ. Тѣло лошади грѣетъ ей нахолодавшій задокъ, она сидитъ молодцомъ.

— Тамъ... вода!—объясняетъ армянинъ.—Вода—пускай!..

„Тамъ, гдѣ вода, дѣвочку нужно спустить",—понимаю я старика. „Ахъ, зачѣмъ я взялъ ребенка?"—раскаиваюсь я мысленно, но волненіе жалости сжимаетъ мнѣ горло. Ѣдемъ, обгоняя пѣшеходовъ, возбуж-

дая грустныя и ласковыя шутки. Старуха что-то кричитъ намъ вслѣдъ, и по щекамъ ея текутъ слезы.

У переправы черезъ Гернаукъ собралась толпа. Рѣчушка—черный потокъ въ бѣлыхъ берегахъ—дымится холоднымъ паромъ, и толпа людей и животныхъ быстро сѣдѣетъ отъ инея. Верховые перевозятъ дѣтей и женщинъ, перегоняютъ груженый скотъ. Падаютъ въ воду животныя и люди. Стонъ, шумъ, бульканье воды, ревъ быковъ и дикій крикъ верблюдовъ.

Я не зналъ, куда дѣвать маленькую спутницу. Правда, она сидѣла смирно, не плакала, я могъ ее накормить, но все же вопросъ о томъ, куда я ее дѣну, вставалъ передо мной тревожной задачей. Былъ я очень радъ, когда ко мнѣ подошла дѣвушка и съ благодарностью на лицѣ что-то говорила, объясняла жестами, что это ея сестра, и она ее возьметъ.

Минувшей ночью я получилъ изъ Маку телеграфное извѣстіе. Моя поѣздка туда становилась ненужной. Я возвращался черезъ Чингиль. Около подъема нашъ потокъ людей слился съ потокомъ изъ другихъ селъ турецкой Арменіи. Въ гору тянулись безъ конца толпы усталыхъ, озябшихъ и голодныхъ людей. Труденъ былъ путь ихъ по склонамъ мерзлыхъ горъ: замерзали по ночамъ животныя и люди. Дѣти замерзали у матерей на рукахъ; онѣ клали ихъ въ снѣгъ и шли дальше, пока были силы.

Въ суровой обстановкѣ военныхъ обязанностей русскіе солдаты являли примѣры того незамѣтнаго человѣколюбиваго героизма, который свѣтитъ во мракѣ невиданной въ мірѣ кровавой и озлобленной борьбы народовъ: не пропалъ человѣкъ!

На Чингильскомъ перевалѣ была мятель. Трудно ѣхать, снѣгъ рѣжетъ лицо, слѣпитъ лошадь, заметаетъ дорогу. Пѣшеходы мѣсятъ ногами по колѣно сыпучій снѣгъ. Около пограничнаго поста, заметаемая со всѣхъ сторонъ снѣжными вихрями, собралась громадная толпа бѣженцевъ. Снѣжная буря раздувала большой костеръ, и запахъ горькаго дыма мѣшался съ запахомъ снѣжной пыли.

23 декабря къ полдню былъ я снова въ Игдырѣ. Сюда уже пришла вѣсть о Сарыкамышскомъ разгромѣ турокъ. Закавказье успокоилось.

III

Февраль и мартъ 1915 г.

Галичина.

Покоренный городъ

Получивъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора Галиціи телеграфное разрѣшеніе, 26 января я выѣхалъ въ Львовъ. Вагонъ нашъ безпересадочный, Петроградъ—Броды, очень изященъ, чистъ и удобенъ, по образцу вагоновъ международнаго общества, а билеты—прямое сообщеніе до Львова. На Львовъ ѣдутъ офицеры и врачи, жены чиновниковъ и военныхъ, сестры милосердія, купцы. Представлялся Львовъ гдѣ-то далеко, «за границей», и съ трудомъ соглашаешься съ картой, что отъ столицы этотъ городъ не дальше Кіева, и не вѣрится, что будемъ тамъ на другія сутки въ полдень.

Ѣхать удобно, только курятъ очень. На правила и надписи въ корридорахъ не обращаютъ вниманія. Врачъ, въ эполетахъ статскаго совѣтника, попалъ въ отдѣленіе для некурящихъ. Волновался, ходилъ куда-то по начальству, бранился:

— Хамье! Ну ужъ это дудки! Я буду курить...

И одна дама сердилась, долго не могла успокоиться. Была она недовольна, кажется, верхнимъ мѣстомъ, ходила по корридору и говорила о томъ, что ѣдетъ проливать кровь, а не на прогулку, какъ нѣкоторые,

потому имѣетъ право разсчитывать на вниманіе и удобства.

Поинтересовались нѣкоторые изъ насъ потомъ, въ какомъ именно смыслѣ она ѣдетъ проливать въ Галичинѣ кровь? Оказалось,—у ней тамъ мужъ въ штабѣ корпуса, и она ѣдетъ его повидать. А въ общемъ дама милая, обходительная, только вотъ съ первыхъ словъ она не могла найти въ вагонѣ подходящаго тона.

Проѣзжая по Россіи, нетрудно замѣтить, что теперь люди внимательны къ словамъ другихъ. А въ началѣ войны говорили неудержимо и страстно. И не новое, а то, что прочитали въ газетахъ, то, что и въ газетахъ-то было повторено десятки разъ,—повторяли. Такъ бываетъ съ пьянымъ: говоритъ, повторяетъ то, что слушающему извѣстно, и сознаетъ, что говоритъ не новость, а все-таки говоритъ. Ну вотъ, что Германія ошиблась въ Бельгіи, не ожидала выступленія Англіи, ошиблась въ Италіи, что въ Россіи всѣ единодушны и англичане—настойчивая нація,—объ этомъ почти каждый собесѣдникъ вамъ разсказывалъ, почти каждый писатель писалъ до самыхъ послѣднихъ дней. Знали, что объ этомъ высказаны уже всѣ слова въ первые же дни по объявленіи войны, а писали и говорили и полагали, что говорятъ новое... Величина событій не сразу вмѣщалась въ сознаніи. И только теперь немного если не поняли, такъ привыкли къ тому, что происходитъ на земномъ шарѣ. А привыкнувъ, стали способны слушать и разсуждать.

Въ Бродахъ были утромъ. Тамъ стоялъ поѣздъ узкихъ австрійскихъ дорогъ и вагоны австрійскіе. Насъ пересадили по номерамъ нашихъ плацкартъ, вагоны заперли, и жандармскій ротмистръ пошелъ провѣрять

документы. Въ Галичину пропускались только тѣ, у кого было разрѣшеніе на проѣздъ. Высадили жену врача и еще какихъ-то двухъ женщинъ, двухъ юношей. Они ходили по платформѣ и съ завистливой тревогой смотрѣли къ намъ въ окна.

На первый взглядъ Галичина—та же южная Россія. Тѣ же лица мужиковъ, тѣ же хаты и та же степная, слегка взволнованная равнина съ перелѣсками. Ледяной настъ сверкаетъ на солнцѣ синей полосой. Больно смотрѣть на далекіе отроги Карпатскихъ горъ. На станціяхъ русскіе солдаты и жандармы, новыя русскія надписи, только вокзальныя постройки выглядятъ чуждо. Чужіе паровозы и безконечныя цѣпи вагоновъ на запасныхъ путяхъ.

Къ Львову подъѣзжали съ легкимъ волненіемъ—у каждаго свое. А меня волновало и интересовало увидѣть покоренный городъ—какой онъ? Величественный желѣзно-стеклянный сводъ львовскаго вокзала, кажется, второго по величинѣ во всѣмъ мірѣ, десятокъ извозчиковъ на площади, и ужъ всѣ заняты.

Нужно было полчаса ждать, пока пріѣхалъ изъ города на широкихъ крестьянскихъ саняхъ медлительный галиційскій мужикъ и потащилъ въ синихъ сумеркахъ по улицамъ. Вокругъ домовъ и храмовъ крутились вихри морозной мятели. Зажигались рѣдкіе фонари, и зябкая польская толпа, танцуя на обледенѣвшихъ тротуарахъ, разбѣгались по домамъ и ресторанамъ. Увѣренно и тепло, въ полушубкахъ, руки въ карманы, ходили съ обвѣтреными лицами офицеры. Останавливались на углахъ, не зная въ чужомъ городѣ путей, одиночные солдаты. Гулъ автомобилей, гро-

хотъ повозокъ, отряды войскъ и толпы плѣнныхъ австрійцевъ, высокихъ и синихъ, какъ журавли.

Весь слѣдующій день я намѣренно никого не искалъ увидѣть, а, встрѣтивъ въ гостиницѣ знакомаго, старался, что бы онъ меня не замѣтилъ. Я одиноко ходилъ, смотрѣлъ и слушалъ.

Если бы можно было найти такого человѣка, который ничего не знаетъ о европейской войнѣ, не понимаетъ ни одного изъ здѣшнихъ языковъ, а имѣетъ только способность видѣть и наблюдать, и поставить его на улицахъ Львова,—онъ сразу сказалъ бы, что это—странный городъ. И, можетъ быть, черезъ часъ онъ въ нѣкоторыхъ общихъ чертахъ узналъ бы страшную правду великихъ событій.

Утромъ въ гостиницѣ я сходилъ по лѣстницѣ, устланной краснымъ сукномъ. Нѣсколько разъ въ стѣнныхъ зеркалахъ я видѣлъ свою фигуру и слегка пугался встрѣчѣ съ этимъ каждодневнымъ своимъ знакомымъ: я боялся, что онъ помѣшаетъ уединенію моихъ первыхъ впечатлѣній... Весело разсыпался по лѣстницѣ горохъ звонковъ домашняго телефона. Бѣгала прислуга, и портье внизу почтительно снялъ австрійское кепи. Качнулась безшумно стеклянная дверь, вошелъ съ улицы полицейскій, русскій Иванъ изъ Рязани. Былъ онъ чуть-чуть смущенъ, хотѣлъ снять картузъ и не снялъ. Портье съ легкимъ испугомъ шагнулъ къ нему навстрѣчу.

— Пожалуйста, тутъ надо... тово...

— Это на улицѣ?..—догадался портье.—Такъ такъ, пане, тотчасъ уберемъ... Немножко потаяло.

— Пожалуйста!—приложилъ полицейскій къ козырьку руку и вышелъ на цыпочкахъ.

Я никогда не слыхалъ отъ полицейскаго такого смущеннаго тона въ разговорѣ съ швейцаромъ. Такъ, конфузясь, говорятъ русскіе мужики съ незнакомой барыней. И швейцаръ испугался, точно ожидалъ чего-то важнаго, а оказалось—очистить тротуаръ.

Въ столовой почти пусто, только за однимъ столикомъ сидѣли два господина, говорили, мѣшая русскую и польскую рѣчь. Ходила розовая, съ кукольнымъ лицомъ, дѣвушка, да высокій, худой, встрепаный хозяинъ-полякъ курилъ толстую папиросу.

— Прошу, пане, какъ теперь блины?—спрашиваетъ онъ гостей.

— А блины очень просто: масленица, вотъ и блины!—объясняетъ гость.

— А долго ли ѣдятъ?

— Если кто хочетъ—хоть круглый годъ, отчего же!.

— Ну, та я не вѣмъ! Чтобы не было смэшно! Я объявлю—у меня блины, а ихъ ужъ не ѣдятъ. Чтобы не было смэшно...

Подсѣлъ ко мнѣ какой то старикъ и шопотомъ пояснилъ, что хозяинъ столовой — докторъ правъ, помѣщикъ; его жена—музыкальная дама, теперь подаетъ гостямъ кушанье, а дѣвушка—учительница. Ничего не подѣлаешь, война!

Я хожу по улицамъ. Надписи на польскомъ языкѣ, тисненыя на мраморѣ и гранитѣ, выпуклыя—желтымъ стекломъ и фарфоромъ, надписи золотомъ, серебромъ и бронзой. Среди этихъ прочныхъ, несмываемыхъ дождемъ, — русская вывѣска торопливая, на полотнѣ, на доскѣ.

Зашелъ въ тихій переулокъ. Чистые, плотной стѣной другъ къ другу пристроенные дома, двери молча-

ливы, окна безлюдны. И мнѣ почему-то кажется, что за стѣнами совсѣмъ нѣтъ людей. Облупилась на гладкой стѣнѣ штукатурка, загнулся прутъ желѣзной рѣшетки. Тотъ, кто строилъ и убиралъ эти дома, навѣрное, не допустилъ бы такого безпорядка, если онъ дома, здоровъ и нетревоженъ.

Подъ обрывками бумажныхъ рекламъ я вижу остатки громаднаго объявленія на русскомъ и польскомъ языкѣ, 23-го августа. „Приказъ № 2. Никто не имѣетъ права брать въ магазинахъ, складахъ, у частныхъ лицъ города Львова имущество, вещей, лошадей, скотъ или что-либо иначе, какъ за деньги. Предметы, подлежащіе реквизиціи, указаны мною и будутъ распредѣляемы реквизиціонной комиссіей подъ предсѣдательствомъ офицера, засѣдающаго въ городской думѣ. Львовъ, 23 августа—4 сентября 1914 года, военный губернаторъ полковникъ Шереметьевъ". Это было на второй день послѣ занятія Львова русскими войсками. Всѣ тогда волновались, покоряющіе и покоренные. Даже число новаго стиля обозначено невѣрно въ этой суматохѣ. Объявленіе напечатано вершковыми буквами, чтобы люди, ошалѣвшіе отъ жуткой тревоги, не пробѣжали мимо, замѣтили, прочитали и успокоились.

Изъ разныхъ мѣстъ города доносятся многоголосые гулы солдатскихъ пѣсенъ. Дорогу мнѣ перегородила длинная, сѣрая колонна войскъ. Идутъ въ ногу, пошевеливая острой щетиной штыковъ. Колонна слишкомъ длинная, чтобы пѣть одну пѣсню. Впрочемъ, это и не пѣсни, а тысячеголосый музыкальный гулъ. Только у крайняго солдата и то больше по движенію губъ широко открытаго, кричащаго рта я могу разобрать:

«Пакида-аимъ край родной,
«Мы идемъ всѣ смѣло въ бой...»

Удаляется это мѣсто колонны, уноситъ съ собой и пѣсню и, какъ шумъ новой музыкальной волны, слышится:

«Ани ѣ-эдутъ мар-ширу-уютъ,
«Промежъ собой говорятъ...»

Изъ-за угла, вперерѣзъ этой колоннѣ, идетъ новая и, какъ свой особый запахъ, несетъ новую музыку многоголосой стихіи.

Въ бывшемъ намѣстничествѣ Галичины помѣщается теперь генералъ-губернаторство. Четырехэтажная постройка, архитектура безъ укращеній, но пріятной простоты, только въ срединѣ слегка выдались колонны. На верху золотыми буквами написано: C. K. Namiestnictwo. У подъѣздовъ часовые, полицейскіе. Прибывали на автомобиляхъ, извозчикахъ, шли озабоченные, торопливые люди... Мнѣ ничего тамъ не нужно, сегодня не нужно. Но я зашелъ изъ любопытства.

На мраморной лѣстницѣ мнѣ любезно поклонился встрѣчный старый полякъ. Въ пріемной толпились просители: дамы, военные, уніатскіе и православные священники, купцы, актеры, учители, поляки, русскіе, евреи. Всѣ напряжены, потны, взволнованы. Всѣмъ надо спѣшно удостовѣреніе, разрѣшеніе, пропускъ. Здѣсь узкая дверь, гдѣ власть при помощи бумаги совершаетъ отборъ общенія между Россіей и Галичиной. Вышелъ съ пачкой бумагъ молодой, подобранный офицеръ и съ юношеской строгостью въ лицѣ оглядѣлъ просителей. Вскочили, окружили его. Отчетливыми жестами онъ молча раздавалъ бумаги, называя фамиліи.

Когда пошелъ, ожидающіе облѣпили его плотной кучей, какъ пчелы матку.

Удаляясь отъ средины города, я незамѣтно поднялся къ Высокому Замку, кургану Люблинской Уніи. Обходя по кругу, съ этой высоты можно видѣть весь Львовъ.

Теперь все засыпано глубокимъ снѣгомъ. Только вокругъ кургана и по площади Высокаго Замка расчищены дорожки; можно обойти кругомъ и спиральной тропой взобраться на вершину кургана, гдѣ воткнутъ шестъ.

Въ тонъ городу гудѣли на вѣтру голыя вѣтви березъ. Изрѣдка въ этотъ гулъ новымъ звукомъ вплетался шепелявый звонъ церковныхъ колоколовъ. Гдѣ-то раздавались ружейные выстрѣлы. Въ неровной котловинѣ вокругъ Высокаго Замка запалъ Львовъ. Четкая лѣпка улицъ, громады отдѣльныхъ зданій, точно вылиты изъ бронзы храмы, костелы. А дальше за городомъ темными полосами протянулись по снѣжнымъ полямъ желѣзныя и шоссированныя дороги.

Я одиноко ходилъ въ бѣлыхъ снѣжныхъ траншеяхъ, не особенно наблюдая направленіе дорожекъ. Низко двигались холодныя облака; кругомъ пестрое поле, изрытые войнами и укрѣпленіями холмы, мутныя дали; внизу гудитъ озябшій, потревоженный городъ. Въ душу пахнуло чувство историческаго неуюта человѣческой жизни: были здѣсь русскіе, татары, поляки, нѣмцы, снова русскіе... Теперь мы завоеватели, остальные народы чувствуютъ себя неувѣренно и покорно.

Мнѣ хотѣлось въ эти минуты быть ласковымъ съ покоренными, чтобы они не подумали, что я возгор-

дился. Нѣтъ, даже въ завоеванiи я ощущаю общечеловѣческiй неуютъ на земномъ шарѣ, потому я великодушенъ. Но здѣсь нѣтъ людей, чтобы я могъ оказать имъ ласку. Да я же и заплутался! Шелъ къ кургану, сдѣлалъ кругъ и очутился снова около примѣтной скамьи.

Вотъ хорошо, навстрѣчу идутъ господинъ съ дамой, поляки. Какъ только могъ ласково, я спросилъ, — гдѣ дорога? Полякъ не понялъ, или не разслышалъ, торопливо выдвинулъ къ моему лицу красное ухо съ толстой, багровой мочкой.

— Какъ, пане?

— Дорога куда? На курганъ дорога?!

Господинъ съ дамой всполошились, начали показывать.

— Просто! Потомъ вправо.

У дамы крикливый голосъ; въ малокровномъ разрѣзѣ губъ непрiятно блестѣла золотая пломба, и вообще они оба суетливы. Я поспѣшно отошелъ и сталъ взбираться на курганъ.

Онъ очень высокъ, бока выложены камнемъ, середина засыпана землей. На верхушкѣ лазили солдаты, глядѣли вдаль, уносясь мыслью на родину.

— Высоко залѣзъ, а Тульской губернiи не видно,— сказалъ одинъ, усмѣхаясь и подтолкнулъ товарища локтемъ.

Принимая меня за поляка, онъ другимъ голосомъ спросилъ:

— А что, панъ, къ чему эта гора насыпана?

Говорю—не знаю.

— Ахъ, вы русскiй? — говоритъ онъ, и голосъ его сталъ обычный, тотъ, какимъ онъ говорилъ съ товарищемъ.—Видать ужъ, ему надо было,—такую гору насыпалъ!.. Сколько трудовъ положено!

Они спускались и я слышалъ ихъ задумчивый разговоръ:

— Хорошій городъ. Дома богатѣющіе! Гоже-ба удержать... Только, говорятъ, земли здѣсь мало, ужъ вся запахана, здѣшнему народу не хватаетъ.

При спускѣ на снѣжной тропѣ я встрѣчаюсь съ офицеромъ. Тропа, правда, не широка, но, отвернувъ плечо, легко можно разминуться. А офицеръ всталъ совсѣмъ на сторону, даже полы шинели рукой прижалъ, даетъ дорогу. Я благодаренъ ему, но внутренно радостно смѣюсь надъ собой и надъ нимъ: вѣроятно, онъ счелъ меня львовскимъ жителемъ и тоже хочетъ быть „великодушнымъ завоевателемъ“.

Вечеромъ я сидѣлъ въ гостиной извѣстнаго въ Львовѣ общественнаго дѣятеля. Было еще двое гостей. Разговоръ вокругъ событій войны. Въ срединѣ разговора хозяинъ восклицаетъ:

— Вотъ живешь изо дня въ день, и будто ничего, по-прежнему. А, вѣдь, что происходитъ, Боже мой! Когда глаза закроешь, умъ мутится. Кажется, откроешь глаза, и не узнать человѣческаго міра.

Онъ, дѣйствительно, закрылъ лицо ладонями, потомъ открывается и обводитъ насъ разбѣгающимся взглядомъ. Въ рамѣ сѣдѣющей бороды лицо его стало пунцовымъ, а глаза затуманились. Можетъ быть,онъ не узнаетъ насъ?

— Кто могъ думать еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, что, вмѣсто австрійскаго намѣстника Бобржинскаго, здѣсь будетъ русскій Бобринскій, а вмѣсто австрійскихъ — русскіе полки!

Но чувствуя, что слова и въ малой долѣ не выражаютъ тайны новыхъ ощущеній, онъ приглашаетъ гостей пить чай.

За ранеными.

I.

Нѣсколько дней я провелъ въ Львовѣ, знакомясь съ городомъ и людьми. Городъ жилъ тревожно. Тысячи русскихъ бѣглецовъ съ Карпатъ, сотни разбитыхъ австрійцами „за русскія убѣжденія“ семей священниковъ, учителей, адвокатовъ, судей искали себѣ здѣсь пріюта и помощи. Громадное зданіе „Русскаго Народнаго Дома“ всегда было полно людьми. Только въ одномъ Львовѣ до двадцати тысячъ чиновниковъ австрійской службы остались безъ мѣстъ; многіе терпѣли нужду. А около города, по широкому полукругу, отъ Тарнова до Черновицъ, горѣла война, принося каждый день новыя тревоги, надежды, ожиданія. Мнѣ надо было проѣхать ближе къ Карпатамъ.

Пятаго февраля, возвратившись изъ города въ гостиницу, я получилъ изъ канцеляріи главноуполномоченнаго общедворянской организаціи письмо, въ коемъ — увѣдомленіе: военно-санитарный поѣздъ номеръ восемь назначенъ по направленію ст. Санокъ и отойдетъ съ главнаго вокзала около двухъ часовъ дня. Было безъ пяти минутъ два. Охватило чувство досады: вѣроятно, я уже опоздалъ! Но все-таки быстро собрался и поѣхалъ.

Можетъ быть, мнѣ такъ казалось, но въ эти часы улицы Львова, освѣщаемыя между двухъ облаковъ желтымъ солнцемъ, были полны движенія, и трамвай неоднократно долженъ былъ стоять. Мое нетерпѣніе возрастало.

Минутъ на пять вагонъ задержался стадомъ быковъ. Оно медленно двигалось во всю ширину улицы, пошевеливая кустарникомъ роговъ. Иногда въ уровень съ окномъ вагона поднимался большой черный глазъ, ярко отражающій въ зеркальной глубинѣ узорную линію домовъ, цвѣтной вагонъ, экипажи, текучую толпу и синеву неба въ пятнахъ облаковъ. И именно при видѣ этого холоднаго и яснаго зеркальнаго отраженія въ бычьемъ глазу поневолѣ думалось о томъ, что это идутъ милліоны „порцій“ для милліоновъ людей въ горахъ и окопахъ.

Потомъ дорогу запрудили подводы съ дровами въ военныхъ телѣгахъ. Но на возахъ сидѣли галиційскіе мужики; изъ подъ толстыхъ шапокъ они выглядывали на вагонъ такимъ же безсмысленнымъ, бычьимъ взглядомъ, тянулись непрерывной цѣпью, пока полицейскій не разорвалъ эту цѣпь и не далъ вагону проѣхать. Наконецъ, почти на десять минутъ остановила на улицѣ всякое движеніе колонна войскъ...

Былъ я нетерпѣливъ, но и въ настроеніи торопливости обратилъ невольное вниманіе на сосѣдей въ вагонѣ. Противъ меня сидѣли трое: молодой поручикъ и двѣ женщины по обѣ стороны. Одна съ лицомъ бѣлорозовымъ—жена офицера. Вся она горѣла, вспыхивало румянцемъ лицо и гасло; кончиками розовыхъ пальцевъ по дѣтски брала ременный шнурокъ мужнина револьвера и слегка крутила, какъ бы тѣмъ лаская мужа.

Почти постоянно смѣялась нервно-радостнымъ смѣхомъ и объясняла, что смѣется выговору польскихъ словъ, красивымъ домамъ, вчерашнему пріѣзду въ городъ и поискамъ гостиницы... А въ сущности смѣялась отъ радости своей, вся склоняясь къ мужу и заглядывала въ глаза. Другая сидѣла въ углу, задумчиво сжала губы — сестра офицера. Она молчала, не смотрѣла на брата, но, чувствовалось, думаетъ о немъ, слушаетъ радостный лепетъ невѣстки, рада ей и брату, но вмѣстѣ съ радостью есть у ней своя постоянная печаль. Юный офицеръ съ лицомъ серьезнымъ и скромнымъ сидѣлъ межъ ними, поочередно склоняясь къ одной и другой, больше къ сестрѣ, чѣмъ къ женѣ. На сестру смотрѣлъ прямо и просто, жену же видѣлъ боковымъ взглядомъ, точно стѣснялся посмотрѣть при людяхъ яснѣе. Чувствовалъ, какъ она горитъ огнемъ улыбки и румянца, какъ нѣжно крутитъ ремешокъ револьвера, и старался придать своему лицу безразличное выраженіе. Было въ его лицѣ мужественное и дѣтское одновременно: круто изогнутая линія пухлыхъ губъ, потемнѣвшая на морозѣ и вѣтру кожа продолговатаго и безусаго лица.

Съ перваго взгляда я еле призналъ въ немъ офицера—до того вся одежда его походила на солдатскую. Настоящаго солдатскаго сукна смятая шинель, того же сукна погоны, чуть замѣтная дорожка по погону; звѣздочки цвѣта сукна. Даже петлицы на воротникѣ и картузъ — все было какъ у солдата, за пять саженъ отличить трудно. Это онѣ обѣ, жена и сестра, собирая на войну, какъ природа бабочку, хотѣли укрыть въ солдатской стихіи своего Сережу (а его Сережей звали). И искусно сдѣлали! Я еще не видѣлъ другого офицера, который бы столь мало отличался отъ солдата всѣмъ

видомъ своей одежды. Можетъ быть, онѣ даже нарочно мяли тогда упругое, новое сукно, затирали голубыя петлицы и картузъ купили совсѣмъ солдатскій, садились на него, затаскали, запылили.

— Ахъ, Сереженька, хоть и не такъ красиво, да только бы ты живой вернулся!..

Сережа тогда немного спорилъ, говорилъ: „Ну, вотъ глупости!“ Но втайнѣ соглашался и благодарилъ.

И вотъ черезъ шесть мѣсяцевъ войны онѣ пріѣхали къ нему въ Львовъ откуда-то изъ средней Россіи (это по разговору понятно) и ужъ завтра уѣзжаютъ обратно, а теперь ѣдутъ на вокзалъ справиться о поѣздахъ и билетахъ.

— Что ты молчишь?—тихо спросилъ сестру офицеръ.

— О чемъ же мнѣ говорить!—отвѣтила она однѣми губами. Но потомъ изъ деликатности поговорила о нетопленой комнатѣ въ гостиницѣ, даже улыбнулась:

— Такъ, видно, уѣду и не согрѣю комнату въ этомъ вашемъ Львовѣ. Ахъ, ужъ, ну его! Чужой какой-то!..

Профессоръ Ж. встрѣтилъ меня у подъѣзда вокзала извѣстіемъ, что поѣздъ не только не отошелъ, но даже, кажется, не поданъ на главный вокзалъ и, вообще, времени у насъ до отхода достаточно. Чувство напряженной торопливости смѣнилось состояніемъ благодушнаго покоя. Можно сдѣлать все не спѣша.

Почти всѣ мѣста громаднаго зала перваго класса заняты. Ѣли, пили, стучали посудой. Было душно, накурено и пахло щами. Бѣгали въ тѣсныхъ проходахъ межъ столами маленькіе усталые лакеи и у противоположной стѣны, сквозь туманъ табачнаго дыма, пыли и испареній еле виденъ за буфетомъ маленькій хозяинъ.

Платформа выше вокзала, подъ желѣзно-стеклянными сводами. Изъ подземнаго хода подъ своды выводятъ лѣстницы съ надписями: на Станиславовъ, на Самборъ, на Перемышль, на Раву Русскую... Своды столь велики, что, казалось, подъ ними, какъ подъ небомъ, ходятъ тучи и на широкія поля платформъ можетъ падать здѣшній дождь.

Подъ сводами стояли три поѣзда—маленькія тонкія гусеницы на асфальтовыхъ поляхъ. Бѣгали совсѣмъ ужъ маленькіе люди, но голоса ихъ звонки, почти громоподобны. Кто-то, видимо, тѣшился этой звучностью и переливчато кричалъ:

— И-а-о-о!

Которая изъ этихъ козявокъ такъ гулко шумитъ, разобрать невозможно. Звонко и устало пыхтѣлъ паровозъ.

Санитарный поѣздъ номерь восемь стоялъ на седьмомъ пути. Длинный рядъ выкрашенныхъ сѣрой „боевой“ краской вагоновъ: четвертый классъ и теплушки. Точно пятна крови на каждомъ вагонѣ, красные кресты. Около нѣкоторыхъ вагоновъ виднѣлись фигуры санитаровъ. Въ короткой кацавейкѣ поверхъ рясы, засунувъ руки въ рукава, нахохлившись стоялъ чернобородый монахъ. Уполномоченный поѣзда, генералъ В., отдавалъ спѣшныя распоряженія.

— Пожалуйте въ этотъ вагонъ!.. Вотъ я васъ познакомлю съ нашимъ старшимъ врачемъ... Калистратъ Петровичъ, будьте любезны, покажите отдѣленіе!.. Опоздали мы, ничего не подѣлаете, не отъ насъ зависитъ. Часа черезъ два выѣдемъ, не раньше!..

Вагонъ четвертаго класса отдѣланъ чисто, раздѣленъ на пять отдѣленій. Въ первомъ — мы съ профес-

соромъ, въ слѣдующемъ — врачъ изъ Санока, потомъ канцелярія, помѣщеніе генерала, старшаго врача. По концамъ вагоновъ топились печки, было жарко, пахло горячей клеенкой и тонкимъ ароматомъ чистой карболки и духовъ.

Профессоръ любитъ путешествовать. Въ путешествіяхъ онъ провелъ значительную часть жизни. Отъ удобнаго помѣщенія приходитъ въ счастливое настроеніе и радостно говоритъ:

— Вѣдь гоже, товарищъ! А? Чего вы хотите, дорогой мой, война! Какъ по вашему?

Когда мы выѣзжали изъ Львова, гасла надъ снѣжной равниной красная заря. Съ облегченнымъ и усталымъ отъ хлопотъ видомъ прошелъ въ свое отдѣленіе генералъ. Мечтательно курилъ у окна, слегка пожевывая дымъ, докторъ и сестры проходили изъ своего вагона черезъ нашъ въ столовую на чай.

Постукивали колеса вагоновъ. За окнами тянулись освѣщенныя мутной горбушкой луны ледяныя поля, изрытыя окопами. Въ вагонѣ тепло, отдѣленія освѣщены. Теперь въ поѣздѣ время отдыха, поѣздъ пустой. Но какъ будто еще никто не увѣрился въ отдыхѣ, ходятъ всѣ безпокойны.

Въ канцеляріи стоитъ свѣчка подъ розовымъ колпачкомъ. Секретарь въ отпускѣ и вмѣсто него сестры. Не торопясь перебираютъ бумаги, приводятъ въ бумажный порядокъ только что законченный рейсъ. Старшій врачъ диктуетъ:

— На основаніи сего вышеизложеннаго... Написали?

— Написала. Да просто бы однимъ словомъ: поэтому! — слышится голосъ сестры.

— Ну, нѣтъ ужъ, матушка, такъ и пишите, какъ я говорю... сего вышеизложеннаго явствуетъ... двѣ точки!

Вѣдь это рѣчь идетъ о семи сотняхъ раненыхъ, коихъ отвезли! И я понимаю это „сего вышеизложеннаго!" Когда ѣхали съ ранеными, были одѣльные люди съ простреленными руками, ногами, страдающіе тѣломъ и душой. Тогда дѣлались перевязки, давались лѣкарства. Теперь это явленіе надо вложить въ сухую канцелярскую форму. Отдѣльные люди исчезли и все стало безстрастнымъ государственнымъ дѣломъ „третьяго рейса". Семьсотъ раненыхъ, изъ нихъ шестьсотъ русскихъ, сто австрійцевъ, столько-то раненыхъ больныхъ, обмороженныхъ. И „на основаніи сего вышеизложеннаго" что нибудь о пудахъ хлѣба, порціяхъ, о жалованьѣ санитарамъ. Нужно, чтобы форма была безстрастная, такая, какая сто лѣтъ употреблялась въ дѣлахъ большихъ и малыхъ, сельскимъ писаремъ и министромъ, при свадьбѣ, рожденіи и смерти. Тогда только съ извѣстной точки зрѣнія станетъ понятна и война—большое государственное дѣло.

Тукъ-тукъ, та-та-тукъ, однообразно и мѣрно стучатъ колеса. По поѣзду вѣетъ сонливымъ покоемъ. Прошелъ я въ вагонъ санитаровъ. Въ столовой хлопотала къ ужину сестра, Анна Ивановна, толстая, природно-ласковая, себѣ на умѣ женщина. Перетирая тарелку, она держитъ ее высоко передъ собой—круглая бѣлая луна. Стоитъ разставивъ ноги, чтобы не качаться отъ толчковъ вагона, и, улыбаясь изъ-за тарелки карими глазками, ласково провожаетъ:

— Ну, ну, сходите къ нимъ! А монахи у насъ тамъ скучаютъ.

Санитары тоже всѣ на отдыхѣ и въ сборѣ. Въ первомъ отдѣленіи четыре аѳонскихъ монаха—имяславцы. У нихъ въ углу цѣлая божница: икона Божіей Матери Казанской, икона Божіей Матери Отрада и Утѣшеніе, Серафимъ Саровскій, образъ Распятія. Отъ монаховъ и до сихъ поръ слегка пахнетъ кипарисомъ, и обида все еще живо ихъ волнуетъ: они наперебой разсказываютъ, какъ съ ними поступили; въ Одессѣ даже со многихъ насильно монашескія одежды совлекли. Да пріѣхалъ князь Урусовъ, разслѣдованіе производилъ. Спрашиваетъ намѣстника Пантелеймоновскаго аѳонскаго монастыря:

— Что они сдѣлали?

— Хотѣли ограбить монастырскую казну.

— А ограбили?

— Нѣтъ, не ограбили...

— Что же они сдѣлали?

— Хотѣли поджечь монастырь.

— А подожгли?

— Нѣтъ, не подожгли... Они хотѣли выгнать игумена!

— А выгнали?

— Нѣтъ, не выгнали.

— Ну, пусть себѣ ѣдутъ съ Богомъ свободно.

Теперь епископъ Меѳодій благословилъ ихъ поступить санитарами въ армію. Ужъ три мѣсяца работаютъ даромъ.

За перегородкой у повара надъ кроватью иная живопись; тамъ картинная галлерея открытокъ: женщины, пейзажи, портреты. И самъ онъ стыдливъ, губастъ и нѣженъ; каждымъ словомъ своимъ, изысканнымъ и де-

ликатнымъ, воркующимъ голосомъ говоритъ о томъ, что обстановка эта ниже его чувствъ и достоинства.

— Я у князя Голицына три года служилъ. А теперь вотъ пока здѣсь!..—говоритъ онъ краснѣя и одергивая кончикъ одѣяла на своей койкѣ.

Слѣдующіе вагоны темные, пустые, только что вымыты отъ потолка до полу карболовымъ растворомъ. Стояла тамъ холодная сырость.

Въ темнотѣ пустыхъ вагоновъ я ходилъ долго. Виднѣе были мутныя поля. Кое-гдѣ мелькали огоньки. Въ направленіи къ Перемышлю проступало на небѣ легкое зарево пожара. Разрушенные желѣзнодорожные мосты, сожженныя станціи. Здѣсь дважды прошла гроза войны. Но она и по сейчасъ недалеко кругомъ повсюду. Къ Хирову доносились удары орудій отъ Перемышля, виднѣлись огни взрывовъ. А въ Устржикахъ слышны орудійные выстрѣлы съ карпатскихъ переваловъ. На станціяхъ, въ холодной сырости галиційской зимы толпился народъ — солдаты, мужики, бабы. Скрещивались эшелоны войскъ.

Минутами мнѣ казалось,—еще одно маленькое усиліе мысли, и я совсѣмъ по иному пойму весь человѣческій міръ. Вотъ только прорвать какую-то совсѣмъ тонкую пленку, отдѣляющую меня отъ этого пониманія. Такъ бываетъ иногда во снѣ, когда все предстанетъ вамъ въ новомъ и странномъ порядкѣ текучихъ сновидѣній.

Глухо дребезжалъ станціонный колоколъ (разбиты что-ли всѣ колокола на галиційскихъ станціяхъ?), снова стучали колеса. За ужиномъ былъ форшмакъ. Докторъ говорилъ о томъ, что война убьетъ всѣ идеалы человѣчества и послѣ войны неизвѣстно, во имя чего бу-

демъ жить. Но ужъ видно было, что онъ хотѣлъ порисоваться страданіемъ и печалью. Онъ красивъ, крупенъ тѣломъ, молодъ и лысъ, любитъ женщинъ, жизнерадостенъ, игривъ и послѣ войны станетъ жить веселѣе прежняго.

Въ постели мы съ профессоромъ долго говоримъ о вещахъ отдаленныхъ. Въ вагонѣ жарко, лежимъ почти раздѣтые. И ужъ засыпая, онъ шутитъ:

— А если въ плѣнъ насъ возьмутъ, какъ мы съ вами будемъ выкручиваться? Вѣдь мы въ инвентарѣ поѣзда не значимся.

— Зачѣмъ, отвѣчаю, въ плѣнъ? Раньше плѣна мы отступимъ въ полномъ порядкѣ.

Онъ любитъ дурашливый разговоръ, смѣется, даже подвизгиваетъ.

— Только что развѣ! Смотрите, меня-то не тронутъ, у меня такіе документы, а Васъ, душенька, разстрѣляютъ. А, какъ по вашему?!

II.

Дальше и выше въ Карпаты—теплѣе, чѣмъ въ Львовѣ. Дуетъ вѣтеръ изъ Венгріи, и на высотахъ до пятисотъ метровъ нѣтъ снѣгу. Даже перепадали дожди, и среди снѣжныхъ вершинъ не разъ загорались яркія радуги. Тогда сестры радостно кричали и хлопали въ ладоши:

— Славу Богу, добрый знакъ!

И сами надъ собой смѣялись, но радостное ощущеніе красоты оставалось въ душѣ и внушало вѣру во что-то близко-счастливое и большое.

Это были дни, когда въ связи съ передвиженіемъ непріятельскихъ силъ за Карпатами и наступленіемъ

ихъ изъ Буковины и у насъ происходили соотвѣтственныя перемѣщенія частей. Потому санитарный поѣздъ шелъ медленно, подолгу стоялъ на станціяхъ, пропуская въ обѣ стороны воинскіе поѣзда.

Вдоль желѣзнодорожнаго полотна на Санокъ тянется шоссе. Этотъ путь—большая дорога воинскаго движенія и плѣнныхъ. Австрійская шинель повсюду: на этапахъ плѣнные рубятъ дрова, на станціяхъ убираютъ пути. Ихъ гонятъ здѣсь небольшими отрядами и цѣлыми баталіонами до Львова. Провожаютъ четыре-пять солдатъ съ винтовками. На одной изъ остановокъ я около часа смотрѣлъ проходящій по желѣзнодорожной насыпи многосотенный отрядъ плѣнныхъ.

Это было безконечное шествіе: сине-сѣрыя тѣни, молчаливыя и покорныя. Всѣ одичали, измучены до равнодушія. И видно, что на лицахъ уже нѣтъ никакихъ мыслей, кромѣ мыслей стада: скоро ли остановка, ѣда и отдыхъ? И о томъ, когда окончится дорога, грязь, холодъ, неволя. Кучкой стояли русскіе солдаты и жандармы, молча смотрѣли на молчаливыхъ...

Только одинъ австрійскій солдатъ, поскользнувшись на шпалѣ, вышелъ изъ состоянія окаменѣлаго равнодушія, улыбнулся жалко, но не безъ злобы, погрозилъ въ сторону русскихъ кулакомъ.

— Что вы насъ такъ мучаете, а?! Погодите!..

Вѣроятно, онъ хотѣлъ грубовато пошутить. Но въ нѣкоторыхъ состояніяхъ шутить трудно, почти невозможно. Сразу стало неловко и раздраженно. Русскій солдатъ, запасной, съ черной, узенькой бородкой сдѣлалъ за австрійцемъ два шага, сжавъ кулаки у поясницы:

— А ты этого вонъ не видишь?..

Всѣ, точно по командѣ, обернули головы въ ту сторону, куда показалъ солдатъ. Тамъ на шоссе въ это время проходили пѣшкомъ части русскихъ войскъ.

— Ты этого не видишь?!. (длинное и увѣсистое ругательство). Ты думалъ—на прогулку вышелъ, стерва?! Ты какъ про войну думалъ?

Австріецъ сконфуженно и испуганно втянулъ голову въ плечи, торопливо зашагалъ, опережая свою четверку.

— Вотъ въ Львовѣ посадятъ въ вагоны, насидишься!—кричалъ солдатъ.—А то говоритъ—мучаете! Ахъ ты, вошь ползучая!..

Разсердился и смотрѣть не сталъ, ушелъ.

Въ переднихъ рядахъ идутъ тѣ, что пободрѣе. Жандармъ остановилъ молодого русина, купилъ у него свернутое кренделемъ черезъ плечо одѣяло. Юноша худъ, но все еще веселъ и лицо прелестно; торопливо разсказываетъ и смѣется:

— Сначала мы взяли въ плѣнъ восемь русскихъ солдатъ, повели. Потомъ насъ взяли въ плѣнъ и вмѣстѣ съ плѣнными. Вотъ и ведутъ. Теперь ужъ крѣпко, до конца войны.

Встряхнулъ на красной захолодавшей ладони три двугривенныхъ (цѣна одѣяла), передернулъ усталыми плечами.

— Ну, теперь легче будетъ. Уфъ, плечи устали съ одѣяломъ!

Сунулъ руки въ муфточку и пошелъ догонять свою четвертку. А изъ-за скалы тянулись новые, безконечные, сине-сѣрые ряды. Чѣмъ дальше, тѣмъ тупѣе лица

Въ заднихъ рядахъ идутъ, смотрятъ остановившимся взглядомъ подъ ноги. По шоссе двигаются телѣги, берутъ обезсилѣвшихъ и больныхъ. Ихъ сдадутъ въ этапномъ лазаретѣ.

Я не видѣлъ зрѣлища болѣе унылаго и страннаго: сильные, еще вчера вооруженные смертоносными оружіями люди, сегодня идутъ покорной тысячей, точно стадо барановъ, подъ присмотромъ пяти солдатъ.

Когда, наконецъ, прошелъ послѣдній рядъ плѣнныхъ, жандармъ хозяйственно вытрясъ одѣяло (было оно пыльное), развернулъ и долго осматривалъ: кусокъ шерстяной, валяной матеріи,—не совсѣмъ правильный четыреугольникъ. Потомъ тщательно сложилъ, перекинулъ на локоть и сказалъ въ заключеніе своихъ мыслей:

— Пускай моими деньгами попользуется. Парнишка хорошій!

Дуетъ съ Карпатъ вѣтеръ. Синѣютъ кругомъ снѣжныя вершины и лѣса по склонамъ горъ лежатъ черными полосами. Отъ нечего дѣлать мы играемъ съ сестрами въ карты; старинная игра, „кончика" называется (докторъ выучилъ). А около насъ непрерывное движеніе: плѣнные, кавалерія, обозъ. Шоссе заплыло жидкой грязью. Грязь переливается черезъ края, стекаетъ по насыпи. Морды лошадей забрызганы грязью. Стадо скота. А здѣсь, на луговинѣ, на свѣже-содранныхъ—бѣлыя съ желтизной—шкурахъ лежатъ освѣжеванныя бычьи туши. Горныя долины холодны и мокры. Низко стелются межъ горами тучи.

Проѣхали мостъ черезъ Санъ. Первый пролетъ взорванъ отступавшими австрійцами. Тридцатисаженная ферма упала концомъ въ воду,—точно длинная

лѣстница изъ воды на берегъ. Возведены наскоро деревянныя стропилы.

На станціи Н. З. стояли мы за полночь. Спали всѣ въ поѣздѣ, только генералъ безпокойно выходилъ справляться, когда можно ѣхать дальше. Къ полночи наступило затишье въ движеніи, только выгружался въ походномъ снаряженіи эшелонъ пѣхоты. Солдаты расположились на путяхъ межъ рядами вагоновъ. Изъ за вагоновъ и въ пролеты свѣтилъ полосами электрическій фонарь, да рядомъ съ нимъ висѣла въ небѣ луна. Въ перекрестномъ свѣтѣ межъ вагонами, во мракѣ и яркихъ полосахъ свѣта странно двигались мѣшки, папахи, валенки, штыки. Несмотря на многолюдство, было тихо, какъ въ храмѣ. Прислонившись къ товарному вагону вмѣстѣ съ солдатами, я долго стоялъ и смотрѣлъ.

Былъ безтолковъ молодой фельдфебель, махалъ длинными руками, командовалъ строиться и опять куда-то уходилъ. Солдаты расходились, нѣкоторые ложились тутъ же, межъ рельсами, на сумки, валенки, засыпали. Были всѣ задумчивы и безконечно терпѣливы. Раздастся рѣдкая шутка, сдѣлаетъ кто-то гимнастическій „выпадъ“ ружьемъ, покажетъ видъ, будто хочетъ заколоть товарища. Носили ящики съ консервами, чтобы раздать порціи; начальникъ эшелона хлопоталъ у коменданта; махалъ руками фельдфебель, наконецъ, снова скомандовалъ строиться. Было все готово къ раздачѣ пищи и теперь всѣ поняли, что команда не безполезна.

Въ перекрестныхъ свѣтотѣняхъ зашевелились люди, быстро строились. Молчаливо стоявшій молодой сол-

датъ нырнулъ къ фронту подъ буфера и тихо запѣлъ свѣжимъ голосомъ:

„Пом-ни-ишь-ли, милая,—вѣтви тѣнистыя-а"...

Было много прелести въ ясномъ голосѣ. Такъ онъ любилъ въ ночной грезѣ, между двухъ командъ!.. Острымъ волненіемъ охватило меня чувство нѣжности и печали. Я торопливо обошелъ вагонъ, чтобы посмотрѣть его лицо. Но въ фантастическомъ освѣщеніи солдатъ сразу затерялся, и я его не узналъ. Построились длинные ряды обвѣшанныхъ походнымъ снаряженіемъ людей, поднялся надъ головами частоколъ штыковъ.

— По шестеро рас-чи-тайсь!..

Прошелъ солдатъ съ сверткомъ въ рукѣ, окликнулъ меня:

— На-те вамъ, землякъ... Можетъ, пригодится!.. А то мнѣ тяжело нести на позицію.

Смотрю—мѣшокъ, а въ мѣшкѣ еще что-то. Онъ поясняетъ:

— Мѣшокъ вотъ и пара бѣлья...

Говорю,—не надо мнѣ.

Онъ нагнулся къ моему лицу, посмотрѣлъ пристально, извинился, что предложилъ. Прошелъ дальше и положилъ свертокъ на буфера товарныхъ вагоновъ.

Второе утро застало насъ на станціи Н. Тихо и тепло. По шоссе движется кавалерія. Мы вшестеромъ—двѣ сестры, генералъ, профессоръ, докторъ и я—отъ скуки смотримъ на это движеніе. Сестры: „Бѣдная лошадка! Ахъ, какой красавчикъ!" Генералъ: „Отличная выправка! Вотъ у насъ было, въ дивизіи генерала И."... Профессоръ-зоологъ: „Это какой же породы лошадка? Рысистый конекъ, такъ и танцуетъ, негодяй!

Но-о, еще не напрыгался!“ Докторъ: „А вы поглядите, профессоръ, у этого конька подъ сѣдломъ,—навѣрное, рана. И лошадямъ трудно!“...

Начальникъ станціи даетъ намъ еще часъ стоянки. Двѣсти саженъ отъ станціи—помѣщичья усадьба. Мы идемъ туда.

Обѣ сестры — доброволицы. Старшая, Надежда Игнатьевна, дѣвушка за тридцать. Она работала въ японскую войну, жальлива безъ чувствительности, говоритъ немного, но всегда кстати. Съ докторомъ они признались старыми знакомыми по Харбину.

— Надежда Игнатьевна, но, вѣдь, вы же собирались влюбиться?!—напоминаетъ докторъ.

— Ну, вотъ не влюбилась!

— Милая, но вѣдь вы же хотѣли! Неужели трудно?

— Вѣрно, для меня трудно.

— Вотъ несчастная женщина!..

Идетъ она уточкой, засунувъ руки въ карманы кожаной куртки. Къ ней жмется, какъ утенокъ къ матери, вторая сестра, Катерина Ивановна. Та совсѣмъ дѣвочка, лицо подвижное, ноздри дрожатъ, какъ у мышки. Улыбнется и въ тотъ же моментъ сдѣлаетъ серьезное лицо,—можетъ быть, не надо улыбаться?!

— Уѣхала изъ дому, родители согласились. Отчего же имъ не согласиться, чай, я не маленькая?!

Она горитъ и жаждетъ подвига, и стоянки просто оскорбляютъ ее.

— Ахъ, Боже мой! Ну, какъ же мы стоимъ, а тамъ, можетъ быть, скорѣе нужно.

Но идти въ теплой тишинѣ карпатской долины по широкому барскому двору радостно. Она забываетъ

о своей героической миссіи, съ которой не совмѣщается даже улыбка:

— Смотрите, смотрите, сколько кротовинъ!

Дѣйствительно, кроты хорошо поработали въ покинутой усадьбѣ, вспахали весь садъ и дворъ, и теперь видно, какъ, обваливаясь, шевелятся кучки свѣжей земли. Обломаны сосенки передъ домомъ, затоптаны цвѣтники. Усадьба расположена у самаго шоссе. Здѣсь останавливались всѣ, кого застигала ночь.

Даже издали видно, что барскій домъ заброшенъ и пустъ. Тусклы и кое-гдѣ выбиты зеркальныя стекла, а крыльцо завалено соломой и пескомъ. Входимъ въ открытыя двери. Рядъ пустыхъ комнатъ съ паркетными полами. Обломки мебели, солома, коробки отъ консервовъ, осколки стекла, изразцы. Въ одной комнатѣ лежитъ внутренность рояля. Кто-то провелъ по струнамъ пальцемъ—онѣ загудѣли дикой разноголосицей. Пахнётъ холодомъ погреба и засохшимъ человѣческимъ каломъ: сюда по вечерамъ прибѣгаютъ изъ деревни дѣвки и мальчишки.

Въ подвальномъ помѣщеніи былъ винный погребъ. Въ песочномъ полу втоптаны разбитыя бутылки изъ подъ винъ, лежитъ обуглившійся отъ времени боченокъ. Вверху нѣсколько чердачныхъ комнатъ; тамъ была библіотека и бумаги хозяина. Полъ густо заваленъ растрепанной бумагой, коробками, аптечными пузырьками. Мы всѣ ходимъ, смотримъ письмена, стараемся угадать, какими интересами жили хозяева. Находимъ длинное и учтивое письмо какой-то нѣмецкой фирмы о шкурахъ бѣлыхъ медвѣдей, тигровъ, ягуаровъ и австралійскихъ волковъ съ головами и въ сукнѣ, цѣны недорогія. Вѣроятно, шкуры лежали въ

этихъ богатыхъ комнатахъ, на дубовыхъ паркетныхъ полахъ, и здѣсь текла красивая, уютная жизнь помѣщичьей усадьбы.

Ахала надъ разрушеньемъ Катерина Ивановна, дѣловито сожалѣла Надежда Игнатьевна: „Зачѣмъ же печныя дверцы выломали?!“ Профессоръ взялъ на память обломокъ изразца, который уже черезъ пять минутъ ему хочется бросить, но онъ не бросаетъ изъ самолюбія.

— Какъ же, душенька, вещественное напоминаніе... Вотъ въ Москву пріѣду и разскажу, что здѣсь видѣлъ. А то, пожалуй, не повѣрятъ мнѣ безъ кирпича...

Въ большихъ конюшняхъ сильно занавожено десятками постоевъ. Занавоженъ и грязенъ скотный дворъ, и вся усадьба внушаетъ то особое, холодящее душу настроеніе, которое создается только войной.

Видѣлъ я вокругъ Львова усадьбы-дома: барона Бруницкаго (Любѣнь Великій), графа Скарбко (Беньковая Вишня). И тамъ расхищены дорогія вещи, сожжены стильныя двери, мебель. Расхищали вещи мѣстные крестьяне; топили мебелью печи солдаты. Тамъ при усадьбахъ оставались сторожа, оттого многое сохранилось. Здѣсь никого не было, и усадьба чиста отъ вещей.

Часто, очень часто, соприкасаясь съ войной, я думалъ объ этомъ, можно ли винить? И приходилъ къ неизбѣжному выводу, что никого винить нельзя, ибо это есть одно изъ проявленій того страшнаго и разрушительнаго состоянія, въ которое время отъ времени впадаетъ человѣчество и которое называется войной.

Въ усадьбѣ графа Скарбко на лѣстницѣ уцѣлѣла деревянная скульптура, около метра высотой: женщина цвѣточница. Сдѣлана она изъ куска бука или орѣха, прелестное художественное произведеніе. Пальцы приподнятой руки скульптуры вновѣ отбиты и брошены въ ея же цвѣточную корзину. Трудно было оторваться взоромъ отъ этой фигуры.

Но вотъ я представляю себѣ, что я, солдатъ, прошелъ подъ ружьемъ и ранцемъ сорокъ трудныхъ верстъ, намокъ, голоденъ и умираю отъ усталости. И такъ было со мной изо дня въ день шесть мѣсяцевъ, неизвѣстно, буду ли я завтра живъ и когда это кончится. Представивъ себѣ все это до ясности, я мысленно безъ жалости рублю топоромъ прелестную статую цвѣточницы изъ стараго бука, чтобы скипятить поскорѣе чайникъ воды, обогрѣться, обсушиться и заснуть въ грязныхъ сапогахъ на гобеленовомъ диванѣ мертвымъ сномъ...

Въ двадцати саженяхъ отъ замка барона Бруницкаго (Любѣнь Великій) есть два могильныхъ холма. Надъ однимъ холмомъ нѣмецкая надпись: „Hier sind begraben 9/IX 1914“ (перечислено тринадцать именъ нѣмцевъ и русинъ). Надъ другимъ русская надпись: „Миръ праху русскимъ солдатамъ, отдавшимъ жизнь свою на полѣ брани 10/IX 1914 г.“. Вотъ эти самые, ночуя здѣсь посмѣнно, топили печи мебелью временъ Людовика XV и пачкали сапогами гобелены!..

Я не понимаю, какъ можно говорить о вещахъ, будь это хоть статуя Венеры Милосской, если убиваютъ людей?!

Въ деревнѣ мы не могли купить куръ. Бабы печально вздыхали, отсылая насъ сосѣдка къ сосѣдкѣ.

Подходилъ встрѣчный поѣздъ; время отправляться нашему. Мы вышли на желѣзное полотно, спѣшно пошли на станцію. Докторъ задержался, покупалъ яйца. И, вспрыгнувъ на подножку отходящаго поѣзда, со смѣхомъ выливалъ изъ кармана на насыпь бѣлки и желтки.

III.

Было сырое, пасмурное утро, когда мы пріѣхали въ Кросно. Это — мѣстечко въ Карпатахъ, а по виду — уѣздный городъ средней величины.

Видали ли вы, когда вынутъ изъ озера бредень и вытряхнутъ на берегъ все, что было въ мотнѣ? Водоросли, раки, головастики, бойкіе ерши, окуни, водяные жуки... Рыбаки выберутъ годное, останется куча мусора, жуковъ, головастиковъ. Для вѣрности рыболовы переворошатъ эту кучу ногами,—не осталось ли рыбы, и опять потащатъ дальше свой бредень.

Вотъ такой же видъ мокрой кучи на вытоптанномъ берегу былъ у Кросно въ то утро. На нѣкоторое время неводъ войны принесъ сюда изъ великаго озера жизни все, что въ ней было. Вчера вслѣдъ отступающему непріятелю вышли войсковыя части, штабъ... Осталась грязная куза потревоженныхъ и ненужныхъ войнѣ живыхъ существъ. Они копошатся на мокромъ мѣстѣ въ кучѣ мусора, растоптанные и жалкіе.

Отъ вокзала къ мѣстечку косая улица. Заплыли грязью тротуары и мостовая. Ѣдутъ мужики, бабы, солдаты, ревутъ привязанныя къ телѣгамъ коровы. Громыхаютъ обозы. У дороги жалкая еврейка торгуетъ на столикѣ спичками, хлѣбомъ—пять круглыхъ булочекъ. Стоятъ открыты занавоженныя лавки, дома. Люди тѣсными толпами стóятъ у дверей лавокъ. Это очередь на

мясо, соль. Сахару нигдѣ нѣтъ, печенаго хлѣба—тоже. Въ пустомъ сараѣ на полу, около кучки коробокъ сидитъ веселый кавказецъ. Какъ онъ сюда попалъ?

— Нѣту хлѣбъ! Мармаладу есть, сардинка есть. Что-о, ни нада-а!? Черезъ часъ придошъ — ничего не будетъ! Все продалъ!

Онъ безпричинно смѣется, играетъ глазами и, вынимая толстый бумажникъ, охотно мѣняетъ сто рублей.

Середина мѣстечка—старинный русскій базаръ. Такіе базары есть въ Костромѣ, Ярославлѣ, Угличѣ, Нижнемъ: площадь, обставленная каменными лавками, съ низкими, кряжистыми навѣсами на каменныхъ колоннахъ. Подъ этими навѣсами въ лѣтнюю жару прохладно, а по ночамъ бываетъ жутко, и набожные люди ходятъ съ молитвой. Теперь тутъ стоятъ съ ружьями часовые, и кучки русскихъ бабъ робко жмутся съ яйцами и кусками масла въ тряпкахъ.

На площади готовы къ отходу автомобили, цѣпью тянутся линейки Краснаго Креста. Это начали вывозить къ намъ на поѣздъ раненыхъ. Изъ костела выходитъ народъ, вынося особенный запахъ храмовъ: густой запахъ воску, новой одежды, старыхъ книгъ и спертаго дыханія. А на лицахъ—не успокоенная молитвой тревога войны: „Господи, что еще съ нами будетъ?!“

Когда я вернулся на станцію, поѣздъ уже грузился ранеными. Тяжело раненыхъ вносили въ теплушки на переносныхъ койкахъ. Легко раненые, „сидящіе“ перебирались изъ подводъ въ вагоны сами. Бѣгали санитары. Озабоченно, съ бумагой и карандашомъ „во всей формѣ“ ходили сестры. Монахъ Ксенофонтъ улыбнулся во всю бороду и поздравилъ съ праздникомъ. Было воскресенье.

Докторъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ заключается опросъ раненыхъ въ поѣздѣ. Кромѣ обычныхъ свѣдѣній—полкъ, губернія, уѣздъ, волость,—нужно записать свѣдѣнія о ранѣ, перевязкѣ, состояніи здоровья больного, чтобы во время переѣзда знать, кто въ чемъ нуждается. Мнѣ поручено переписать девять теплушекъ тяжело раненыхъ. Въ каждой теплушкѣ по двѣнадцать коечныхъ, потомъ добавили еще по три „сидящихъ", то есть легко раненыхъ, которые не умѣстились въ вагоны на нарахъ. Санитаръ подставилъ лѣсенку и я влѣзъ въ теплушку номеръ первый, самый хвостъ санитарнаго поѣзда.

Было въ теплушкѣ жарко (топилась посрединѣ желѣзная печь). На мой приходъ поднялось съ постелей двѣнадцать головъ: шесть изъ одного конца вагона, шесть изъ другого. Нѣкоторыя отъ изнеможенія снова опустились на подушки, другія поднялись выше. Подтянувъ раненыя ноги, приладивъ удобнѣе больные руки, плечи, бока, солдаты садились, закуривали. Вздыхали, подавляя стонъ, но общее настроеніе русскихъ — это чувствовалось и въ страданіяхъ — было оживленное: на родину ѣдутъ! И кажется, что ужъ не такъ ноютъ раны, быстрѣе срастаются раздробленныя кости. Только плѣнные страдаютъ тяжело и безрадостно.

Говорю:—очень у васъ жарко!

— Ничего, вашбродь, въ насъ холоду много!—отвѣчаетъ рябой и курносый парень съ сѣрыми глазами.— Теперь если цѣлое лѣто солнышкомъ будетъ печь, насквозь не пропечетъ, все еще въ сердцѣ ледокъ будетъ. Захолодали мы въ окопахъ...

Начался однообразный опросъ. Трудно разобрать фамилію, названія уѣздовъ, волостей. Разсказывая про рану, больной оживляется. Отпахнетъ одѣяло, разстегнетъ воротъ рубашки, вспоминаетъ:

— Сидимъ это мы въ окопахъ, а онъ жаритъ! У-ухъ, Боже мой! Пули, ровно мухи. У кого штыкъ выставится, по штыку дзынь! Землю рѣжетъ пулеметомъ!.. Только это я вскинулся съ ружьемъ, а ужъ она и впилась мнѣ въ плечо, такъ и впустила жало. О-охъ

Некогда слушать, иначе сто двадцать человѣкъ не перепишешь въ недѣлю, въ мѣсяцъ,—такъ много у нихъ впечатлѣній, которыя мучаютъ: не разсказать до конца никакими словами. Только на нѣкоторыхъ раненыхъ поневолѣ остановишься.

Гнѣздиловъ Андрей, Екатеринославской губерніи, раненъ въ животъ.

— Ну, какъ же ты?

— Все благополучно!.. Молоко ѣмъ, на бѣломъ хлѣбѣ сижу... Только я желалъ бы въ свою губернію отправиться, вашбродь. Тамъ у меня родство.

— Притыкинъ Михаилъ... Да у меня два имени! По метрикамъ Емельяномъ зовутъ.

— Какъ же такъ?

— Пьяные были крестный и крестная. Ѣхали домой, забыли имя. Говорили—Мишкой назвалъ попъ. Ну и звали до женитьбы Мишкой. А женился—Емельянъ вышелъ.

Стоны и смѣхъ.

Въ теплушкѣ нумеръ четвертый сидитъ неподвижный глухонѣмой солдатъ. Около него взорвался снарядъ, и отъ сотрясенія воздуха онъ лишился рѣчи и слуха. На бумажкѣ онъ написалъ свое имя, фамилію, городъ, уѣздъ и какъ контуженъ.

— Вылѣчусь, наши въ это время Карпаты совсѣмъ заберутъ, весна настанетъ, опять пойду воевать!—весело говоритъ доброволецъ, Иванъ Прохоровъ, сверты-

вая папиросу.—Венгрія сторона хорошая: сады, хлѣба много, мадьяры въ панствѣ живутъ. Да я теперь, вашбродь, ни за что подъ пулю не попадусь!

— Какъ же ты можешь поручиться?

— Война учитъ. Если къ бою примѣниться,—ничего, воевать можно. Понятно, дуромъ полѣзешь, пуль нахватаешь, сколько угодно. А ежели съ умомъ,—уберечься возможно.

— Ну, какъ ты отъ нее убережешься, коли надъ тобой цѣлыя ведра съ свинцовымъ горохомъ опрокидываются!? — слышится съ нижней койки плачущій голосъ.

— Очень просто!

Прохоровъ возбужденно объясняетъ искусство войны. Надо бѣжать навстрѣчу снарядамъ. Упалъ снарядъ впереди,—перебѣгай за него: другой упадетъ или позади тебя, или на твое старое мѣсто. Когда пулеметъ осыплетъ передъ тобой пулями, тогда перебѣгай, да знай время, когда опять прилечь. Огляди мѣстность передъ сраженіемъ, напередъ сообрази, что дѣлать въ случаѣ опасности. А когда опасность придетъ, соображать некогда. Новыхъ солдатъ, коихъ присылаютъ на пополненіе, точно на выборъ бьютъ. А старые, кои примѣнились, остаются, рѣдко кого зацѣпитъ.

Правда, наука Прохорова не была вполнѣ точной наукой, но она и не строилась на разсудкѣ, а больше на чутьѣ. Вся теплушка съ интересомъ слушала. Онъ припадалъ на койкѣ, прячась отъ пуль и снарядовъ, взлеталъ руками, убѣгая въ нужную минуту на безопасное мѣсто. Даже австрійцы — два венгерца и одинъ нѣмецъ —напряженно слушали, старались понять. Чув-

ствовали, что смышленый парень говоритъ о близкомъ и важномъ.

Австрійцы не такъ терпѣливы. Нѣкоторые громко стонутъ и скулятъ отъ боли. Санитаръ раздавалъ чай, черпая изъ ведра кружками. Венгерецъ кусокъ хлѣба взялъ, а отъ чая отмахнулся злобно, выругавшись по-своему.

— Не любитъ чаю. Все бы ему кофею!—объясняетъ кто-то съ нижней койки.—Онъ и въ госпиталѣ такъ...

Но, видимо, было венгерцу очень худо. Минутъ десять онъ стоналъ надоѣдливо протяжно, потомъ, весь потный, приподнялся, попросилъ кружку и сталъ жадно глотать кипятокъ.

Отправлялся нагруженный поѣздъ. Хлопотливо бѣгала, ныряя то въ одинъ, то въ другой вагонъ, съ вѣчной улыбкой въ лучистыхъ глазахъ Варвара Петровна. Ей уже за сорокъ. Она походитъ на монашенку: у ней монашеское лицо, монашеская улыбка и голосъ монашескій, тихій, ровный, музыкальный,—говоритъ, точно ирмосы поетъ. Солдаты ея не стыдятся, и сразу довѣрчивы. Откуда-то у ней всегда имѣется для нихъ табакъ и бумага. „Въ Москвѣ знакомые дали, просили раздавать“... И спроситъ она солдата о чемъ-нибудь самомъ главномъ, самомъ существенномъ въ его положеніи.

Лязгнули буферами вагоны, дернулись. Застонали отъ неожиданности и боли раненые. Поѣздъ пошелъ во Львовъ.

Въ столовой всѣ въ сборѣ, но озабочены и торопливы. Теперь ужъ и ночью дежурства. Надежда Игнатьевна съ Неонилой Ивановной даже кожаныхъ куртокъ не снимаютъ: послѣ ужина сейчасъ же бѣжать. Между

супомъ и жаркимъ генералъ съ докторомъ ведутъ подсчеты, сколько австрійцевъ и русскихъ, сколько обмороженыхъ, раненыхъ, больныхъ. Надо еще выяснить болѣзни желудка. У австрійцевъ осенью въ Галичинѣ была холера, такъ не занести бы случайно заразу вмѣстѣ съ ранеными въ Россію. На остановкахъ ночью мы съ Неонилой Ивановной идемъ вдоль теплушекъ, спрашиваемъ, нѣтъ ли больныхъ желудкомъ. Санитары медлительны и невнимательны. Неонила Ивановна считаетъ себя знатокомъ солдата. Какъ же, она и въ японскую войну работала! Особымъ гортаннымъ баскомъ, какъ молодой подпоручикъ, она кричитъ изъ темноты:

— Кто изъ васъ, ребята, часто оправляется? Говорите, порошекъ дамъ!..

— Я-а,—слышится изъ теплушки отвѣтъ.

— Крутитъ тебя? — опять спрашиваетъ Неонила Ивановна.

— Крутитъ! — отвѣчаетъ больной. И по голосу слышно что говоритъ съ улыбкой.

— Вотъ эдакъ спросишь, и сразу поймутъ! — хвастается сестра.

Насъ не задерживаютъ на станціяхъ, идемъ долго безъ остановокъ. Я сидѣлъ въ жаркомъ полумракѣ теплушки и подъ стукъ колесъ слушалъ безконечные разговоры раненыхъ. О длинныхъ ночахъ въ окопахъ о штыковыхъ атакахъ, „когда ужъ человѣкъ самъ себя не помнитъ“, о перестрѣлкахъ, о смерти товарищей. „Ну, тутъ нашихъ много полегло“.

Но странное дѣло, всѣ эти разсказы заканчивались какимъ-нибудь естественнымъ, но радостнымъ настроеніемъ. Ну, вотъ, шли ночью межъ горами; снѣгъ; ав-

стріецъ съ высотъ жаритъ. Вымокли всѣ. И такая радость: нашли большія полѣнницы дровъ.

— Ну ужъ тутъ мы отдохнули! Сто костровъ запалили, ровно городъ—освѣщеніе! Паръ отъ насъ пошелъ. Потомъ кухни подошли, вотъ мы обрадовались!

И это такая великая радость, что при одной мысли о кострахъ въ горной ночи хочется пѣть пѣсни и плакать. Или, — былъ раненъ на взгоркѣ, скатился внизъ въ рѣчку и двое сутокъ просидѣлъ въ ледяной водѣ подъ скалой. Очнулся въ лазаретѣ съ товарищами. Тепло и подъ одѣяломъ. Долго не вѣрилось, думалъ— во снѣ.

Одинъ солдатикъ смѣшитъ всѣхъ. Разсказываетъ, какъ командуютъ австрійскіе офицеры.

„Когда русскіе войска на три версты, команда будетъ такъ: „По оборванцамъ пли!“ Когда подходятъ на двѣ версты; „По москалямъ пли!“ За двѣсти саженъ даетъ такую команду: „По славному россійскому воинству пли!“ Подойдутъ близко, офицеръ самъ руки вверхъ и кричитъ: „У меня трое дѣтей, сдаюсь!“.

Смѣялись, стонали. Дремалъ у печки санитаръ. На подъемахъ паровозъ не беретъ, скатывается внизъ и стоитъ подолгу, набирая паръ.

Цѣлый день въ поѣздѣ идетъ напряженная работа. На остановкахъ кормленіе и перевязка тяжело больныхъ. А на ходу въ перевязочную тянутся длинной цѣпью изъ вагоновъ солдаты. Сестры въ бѣлыхъ халатахъ, между бѣлыми столами, бѣлыми кучами бѣлья и марли работаютъ безпрестанно и споро, мѣняютъ повязки. Каждая гордится,—кто больше сдѣлаетъ перевязокъ. Варвара Петровна сдѣлала уже тридцать перевязокъ. Идти бы обѣдать, но сестра Сегаева не хо-

четъ остановиться на тринадцати,—дурное число,—хочетъ перевязать четырнадцатаго. На больныхъ надѣвается чистое бѣлье. И они выходятъ, охорашиваются, точно дѣти.

На станціяхъ къ санитарному поѣзду выходятъ галичане изъ окрестныхъ деревень. Смотрятъ, нѣтъ ли родныхъ? Сегодня уже вторая встрѣча. Узнали, окружили молодого русина, послали за матерью.

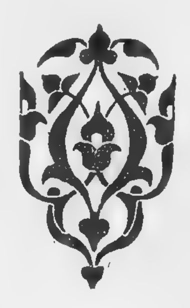
Минутъ черезъ пять всѣ увидѣли,—бѣжитъ по путямъ женщина, смотритъ впередъ въ одну точку, не сводитъ глазъ съ сѣрой австрійской фуражки, спотыкается на камни и шпалы. Узнала и не узнала, бѣжитъ и плачетъ. Подбѣжала, заревѣла въ голосъ, раскрыла круглый беззубый ротъ, стоитъ передъ сыномъ и уняться не можетъ:

— Га-га-а!

Слезы текутъ у ней изъ глазъ обильными ручьями и, падая, чертятъ темную дыру рта свѣтлыми полосами. Пощупала сына за шею, погладила по щекѣ. Кто-то въ толпѣ сказалъ про него, что раненый. Она сразу перестала плакать, объяснила:

— Не раненый, а обмороженый!

И опять заплакала.

Густавъ и Ѳедоръ.

Съ начала февраля австрійцы значительными силами начали наступленіе изъ Буковины въ Галичину. Числа двѣнадцатаго бои происходили уже подъ Галичемъ, въ восьмидесяти верстахъ отъ Львова. Въ городѣ было спокойно и увѣренно, но прихлынула новая волна бѣженцевъ-русинъ изъ окрестностей Черновцовъ, Коломыи, Станиславова и другихъ мѣстъ Буковины и Галичины. Гонимые ужасомъ, они разбѣгались отъ своихъ же войскъ и искали убѣжища въ Львовѣ и окрестностяхъ.

18 февраля я выѣхалъ по направленію къ Галичу.

— Поѣздъ на Галичъ выходитъ изъ Львова раннимъ утромъ. Лучше ждать часъ, чѣмъ опоздать на одну минуту,—остроумно говорятъ путешественники. Тѣмъ болѣе, что по военнымъ обстоятельствамъ трудно надѣяться на сроки. Потому выѣхалъ я изъ гостиницы очень рано.

— Львовъ еще спалъ. Бушевалъ снѣжный буранъ, и съ трудомъ пробивался утренній разсвѣтъ. Завалены снѣгомъ улицы, дома, памятники, сады. Можетъ быть, вотъ такъ засыплетъ снѣгъ весь городъ, всю страну, всю Землю, будетъ бѣло, пустынно, тихо?.. Эта мечта казалась мнѣ въ тѣ минуты успокоительной и пріятной.

Тяжело и неуютно бываетъ въ холодный предразсвѣтный часъ на пустынныхъ улицахъ завоеваннаго города, около котораго горитъ война...

Трюхала тощая бѣлая лошадка, неподвижно сидѣлъ кучеръ—русинъ. Его занесло снѣгомъ. Только одинъ человѣкъ встрѣтился на улицахъ. Онъ стоялъ на углу тротуара, около занесенныхъ снѣгомъ корзины и сака. Увидѣлъ насъ, замахалъ рукой:

— Нельзя ли съ вами до вокзала доѣхать? Нѣтъ извозчиковъ!..

Говорю:—Я ничего не имѣю противъ, если извозчикъ возьметъ.

Но извозчикъ точно застылъ, только лошадь хлестнулъ по заду, отряхая съ хвоста снѣгъ.

— Извозчикъ, спишь?! Можетъ, довезешь человѣка?

Отъѣхавъ немного, извозчикъ обернулся.

— Можно бы взять копѣекъ за пятьдесятъ... коли-бъ то руській, альбо католикъ. А онъ—габрій.

— Кто такой?

— Габрій, пане, по хорошему сказать – жидъ.

— Ну такъ что же?

— Не терплю я жидовъ. Нехай себѣ стоитъ.

Подъ высокими сводами Львовскаго вокзала этапный поѣздъ—точно игрушечная лавка: теплушки, вагоны, площадки; на площадкахъ автомобили, повозки, пулеметы, кубики сѣна; въ теплушкахъ кони, солдаты; въ вагонахъ офицеры и сбродъ мѣстнаго населенія. Составляли поѣздъ долго, и неизвѣстно было въ точности, когда отойдетъ,

Выѣхали въ полдень. Было солнечно, было пасмурно. Снѣжныя поля, старина полуразрушенныхъ замковъ, тишина испуганныхъ войной селъ и деревень.

Въ Галичъ пріѣхали синимъ морознымъ вечеромъ. Погрохатывали вдали пушечные выстрѣлы, стихалъ дневной бой. На вокзалъ прибывали раненые.

Уже бѣглому взгляду изъ окна вагона на окраины Галича было ясно, что городъ переполненъ людьми. Большая часть вокзала занята передовымъ перевязочнымъ пунктомъ, въ остальныхъ комнатахъ толпились желѣзнодорожные служащіе, офицеры, солдаты,—протолкнуться трудно, негдѣ положить вещи.

Въ перевязочной работали измученныя сестры, завѣдующій пунктомъ молодой Х. На табуретѣ сидѣлъ солдатъ съ прострѣленнымъ вискомъ. На носилкахъ лежалъ раненый—пробита нога, его перевязывали. Было радостно ему отъ бѣлоснѣжной повязки, отъ опьяняющаго запаха іодоформа, отъ нѣжныхъ рукъ молодыхъ женщинъ, находившихъ въ себѣ силы не только перевязывать, но и утѣшать:

— Ничего, скоро заживетъ.

— Третій день почти не спимъ,—тихо сказалъ Х., садясь со мной на диванъ.—Теперь полегче, бой стихаетъ и удаляется отсюда.

Тутъ же встрѣтился съ начальникомъ девятаго передового транспорта Краснаго Креста, Б.

— Милости просимъ къ намъ! Мы расположились отсюда верстахъ въ двѣнадцати, въ Комаровѣ, въ зданіи винокуреннаго завода. Теперь санитары натопили, вѣроятно, тепло... Рояль у насъ въ комнатѣ есть.

Сидимъ въ телѣжкѣ, минутъ пять ждемъ доктора того же транспорта,—артистъ Музыкальной Драмы М. Онъ прибѣжалъ съ двумя пачками печенья.

— Послѣднія выпросилъ у сестеръ. Ну ничего, онѣ скоро получатъ изъ Львова.

На улицахъ Галича темно. Ѣдемъ--мелькаютъ освѣщенныя окна домовъ, люди, лошади, повозки, горящія кухни. Говоръ, ржанье, свистъ. На высокомъ холмѣ темныя очертанія замка князя Даніила Галицкаго. На окраинѣ тише. Выѣхали въ поле. Пятнисты изрытыя вчерашними окопами поля. Встрѣчаются медленныя повозки съ ранеными. Мои спутники кричатъ въ темноту:

— Всѣхъ захватили?!

— Всѣ-э-хъ! — слышится глухой, точно изъ-подъ земли, отвѣтъ.

Хлюпая въ жидкой грязи копытами, лошади изрѣдка высѣкаютъ изъ камней подковами искры. На мгновеніе ярко освѣтятся ноги сѣраго коня, потныя ляшки съ сѣтью жилокъ, разсыпчатый хвостъ. Послѣ этого въ глазахъ темнѣли земля и небо. Наконецъ, спутники радостно воскликнули:

— Вотъ и пріѣхали!

Во mракѣ проступилъ длинный рядъ освѣщенныхъ матовыхъ четыреугольниковъ. Это—окна конюшни. На дворѣ стояли повозки транспорта. Въ радужныхъ кругахъ свѣтили въ конюшнѣ фонари, парились ряды согрѣвающихся лошадей. Пахло ароматами сѣна, сбруи и холодной шерсти. Восемьдесятъ жующихъ сѣно ртовъ производили шумъ, подобный шуму водяной мельницы. На потолкѣ осѣли свѣтлыя капли испарины и поблескивали цвѣтными огоньками. Посрединѣ шестьдесятъ санитаровъ, сидѣли кучками, хлебали щи. Сегодня рѣзали кабана.

Не хотѣлось отсюда уходить. Лечь бы тутъ въ пахучемъ теплѣ и заснуть подъ мирное журчанье жующихъ ртовъ. Мысль моя не кажется спутникамъ странной.

— Отлично бы и здѣсь. Впрочемъ, навѣрное, и у насъ хорошо!..

Въ верхнемъ этажѣ, въ квартирѣ управляющаго заводомъ занято для насъ двѣ комнаты. Самъ управляющій, худой и нервный, приходилъ, угодливо смѣялся и жестикулировалъ, какъ паяцъ на ниточкѣ. А изъ темноты третьей комнаты испуганно слѣдили за нами большіе дѣтскіе глаза. Завоеватели пришли, и могутъ сдѣлать все, что хотятъ...

Не этотъ ли бездонный испугъ мирныхъ и беззащитныхъ толкаетъ грубыхъ солдатъ на преступленія?

М. игралъ на рояли гимны разныхъ народовъ. Санитаръ принесъ кабаньихъ щей.

Вотъ именно въ двухъ верстахъ отсюда, около деревни В. происходили наканунѣ упорные галицкіе бои. Длились они недѣлю. Наконецъ, когда уже казалось, что держаться долѣе невозможно, австрійцы отступили.

Усадьба Загржевскаго нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Утромъ, проѣзжая мимо замка, я вижу, какъ его стѣны и крыша пробиты снарядами, пощипаны пулями. Обломаны плодовыя деревья, затоптаны кусты, сломаны изгороди. На скрипъ колесъ вышла встрепаная женщина, бросила камнемъ въ одичавшую, съ кровяной мордой собаку и опять скрылась.

Отъ усадьбы дорога на Сельце.

Дорога обсажена деревьями. Влѣво пятнистое, въ бѣлыхъ снѣгахъ и синихъ лѣсахъ, ущелье къ Галичу; кругомъ холмы, перелѣски, села. На дорогѣ за каждымъ деревомъ вырыта ямка-окопъ. Видно, что взоры всѣхъ были день и ночь устремлены на это ущелье. Тысячи людей смотрѣли туда, припадая въ ямкахъ,

за деревьями, кустами. Ямки эти, какъ тѣни деревьевъ, легли поперекъ дороги. Наполовину ихъ засыпало поземкомъ. Но онѣ все еще тревожны.

Разбросаны патронныя сумки, ранцы изъ рыжей телячьей шкуры, шинели, фуфайки, башмаки, картузы, ложи, пачки патронъ. Лошади мнутъ ногами патроны, разсыпая порохъ. Валяются штыки, винтовки, чулки, жилетки...

Вырубленъ тесаками молодой лѣсокъ. Пощипаны пулями деревья, обломаны вѣтви, прострѣлены толстые стволы. Точно какой-то странный плодъ виситъ на голыхъ вѣтвяхъ австрійская фляжка. Тихо и пушисто въ лѣсу послѣ вчерашняго снѣга, но я нѣсколько разъ ловлю себя на томъ, что мнѣ слышится топотъ бѣгущихъ ногъ, выкрики, стоны; кто-то явственно плюется и бормочетъ непонятныя слова.

Стали попадаться австрійскіе трупы. Впервые увидѣлъ я группу изъ трехъ: два лежатъ рядомъ, чернобородые и строгіе мадьяры, третій упалъ головой къ нимъ на колѣни, лицомъ кверху. Послѣдній—молодой, вихрастый, тощій, голова безъ картуза. Похожъ на подмастерье-сапожника. Подъ шинелью на немъ куртка суслинаго мѣха, лицо по впадинамъ рта, глазъ и подбородка перекрыто снѣгомъ. Подъ полой на груди лежало письмо, написанное по-нѣмецки. Я взялъ его. Малограмотная женская рука, нѣкоторыя слова трудно понять. Вотъ что, наконецъ, прочиталъ я послѣ нѣкоторыхъ усилій. Позвольте привести здѣсь цѣликомъ его содержаніе. Право же, около трупа очень хочется знать, какими интересами жилъ человѣкъ.

«30/I 1915. Дорогой Густавъ! Ты мнѣ всегда пишешь, что не получаешь отъ меня письма. Я тебя еще

разъ спрашиваю, для чего ты взялъ задатокъ на бураки? Никогда въ жизни я еще не страдала такъ, что ты взялъ. Адресъ Юзефа Врана пѣхотный 54 полкъ, вторая запасная рота, третій взводъ, Ольмюцъ, госпитальныя казармы.

«Дорогой Густавъ, напиши мнѣ, сколько ты взялъ денегъ взаймы отъ Аксмана? Ибо Аксманъ говоритъ, что ты взялъ 18 гульденовъ, а ты мнѣ однажды сказалъ, что 15. Если бы ты могъ видѣть, какія умныя твои дѣти. Особенно маленькая Луиза. Она сказала мнѣ, когда я тебѣ писала, чтобы тебѣ кланяться, и Густавъ тоже.

«Мы зарѣзали черную свинью, она оказалась супоросой. Десять поросятъ было бы, если бы была живая. Очень кланяются семьи Гофмана и Вагнера. У Циммермановъ не продаютъ ужъ молока. Я продала телку за 137 гульденовъ. Меринъ уже сдохъ. Кобылу Лери мы должны тоже отдать. Получаемъ 425 гульденовъ. Сердечные привѣты и веселаго скораго свиданья, желаемъ всего лучшаго всѣ мы. Твоя Луиза».

Я опять осмотрѣлъ Густава подробно. Заскорузлы руки, потерты на колѣняхъ штаны, башмаки изъ грубой кожи потрескались, какъ земля въ бездождье. Чертъ возьми, Густавъ, твои посмертныя видѣнья! Черная супоросая свинья, меринъ, телка, задатокъ на бураки, восемнадцать гульденовъ занялъ у Аксмана... Ужъ, конечно,восемнадцать! Это ты слукавилъ передъ Луизой на три гульдена, бѣдный Густавъ... И на бураки задатокъ ты взялъ передъ войной и увезъ его съ собой. Я бы не винилъ тебя, но вотъ Луиза сердится...

Отъ этого письма меня охватило холодное спокойствіе. Когда я шелъ къ телѣжкѣ, въ лѣсу было тихо. Я не слышалъ порожденныхъ воображеніемъ шороховъ и стоновъ недавняго боя. Лежали трупы, и мнѣ не было жалко Густава.

По лѣсу ходятъ люди, собираютъ трупы, везутъ ихъ на ручныхъ санкахъ въ кучи, роютъ могилы. Разбѣжался народъ, нѣтъ мужиковъ, и поле битвы убирается медленно. На голой взлобинѣ цѣлая куча труповъ. Могила роется большая. Мужики работаютъ сосредоточенно и молча. Рядомъ — нѣсколько снарядныхъ телѣжекъ. Солдаты сидятъ кучкой у костра. Горитъ какое-то ароматное дерево, и запахъ его подобенъ ладану.

Въ мглистыя дали тянутся корявыя линіи окоповъ. Въ концѣ длиной канавы складывается другая куча труповъ. Мальчишка выбралъ себѣ лучшую солдатскую сумку, надѣлъ черезъ плечо и дѣловито ходитъ вдоль окопа, смотритъ, гдѣ еще остались трупы.

Вѣроятно, были здѣсь и трупы русскихъ. На полѣ побѣды ихъ, во всякомъ случаѣ, было мало и они выбраны вчера, или можетъ быть, подняты сразу товарищами. На смятомъ мѣстѣ въ снѣгу я нашелъ и русское письмо къ солдату. Вотъ оно какое:

„1915 года мѣсяца января 29 дня. Письмо отъ родного вашего дяденьки Ѳеодосія Фоковича и отъ тетеньки Акулины Петровны до своего дорогова и роднова племянничка Федора Петровича. Извѣщаю я тебя, мой любезный и незабвенный Федоръ Петровичъ, что я получилъ отъ тебѣ письмо 29 января и твоя жена тоже того же числа получила письмо и, принесла ко мнѣ читать, то я мой дорогой племянничекъ Федоръ Петровичъ, былъ такъ радъ, что ни могъ изъ людьми говорить, сталъ ево читать при людяхъ и усѣхъ прослезилъ за ваши похож-

денія. И спаси Христосъ тебя, мой племянничекъ, что ты на этомъ свѣтѣ насъ ни забываешь. И посылаю тебѣ нашъ дорогой Федоръ Петровичъ нижающее почтеніе и низкій поклонъ и желаю тебѣ отъ Господа Бога усего хорошаго. Дай Богъ вамъ гиройскую минуту, чтобы побѣдить врага ненавистнаго, жаднаго Антихриста. А ты нашъ дорогой Федоръ Петровичъ у какихъ мистахъ ни будешь, незабывай Царя Небеснаго, Онъ тебѣ не оставитъ“...

Дальше идутъ поклоны, однообразная музыка которыхъ такъ много разскажетъ о родныхъ и домѣ солдатскому сердцу... Я не вижу лица Өедора Петровича, ни живого, ни мертваго, но я отлично вижу, какъ его дядя, Өеодосій Фоковичъ, читаетъ письмо при людяхъ и какъ потомъ дома въ тотъ же вечеръ онъ пишетъ своему дорогому племяннику письмо. Онъ двигаетъ бровями, жуетъ усы, дуетъ на непослушное перо. А тетенька, Акулина Петровна, сидитъ тутъ же на лавкѣ, одна рука подъ грудями, другая подпираетъ щеку. И старая бабка, мать Өеодосія Фоковича, лежитъ на печи. Хотѣлъ Өеодосій Фоковичъ и о хозяйствѣ написать, а бабка съ печи гудитъ глухимъ басомъ:

— Не тревожь ты парня, до того ли ему тамъ!..

И Өеодосій Фоковичъ радостно согласился:

— Правда, мать. Шутъ съ нимъ и съ хозяйствомъ. Вернулся ба живой...

Никто не видѣлъ, какъ неудержимо и горячими струями текли мои слезы, когда я читалъ письмо Өеодосія Фоковича. Тогда мнѣ стало жалко и Густава...

Опять повалилъ хлопьями снѣгъ. Точно тѣни двигались во мглѣ къ Сельцу солдаты. При въѣздѣ въ село на высокомъ деревянномъ крестѣ статуя распятаго Христа въ терновомъ вѣнцѣ. Старинный польскій обычай.

Зачарованное царство.

I

Отступая изъ Сельца ночью, австрійцы не могли захватить своихъ раненыхъ: они оставили ихъ въ мужицкихъ домахъ. И трупы людей еще вчера валялись на улицахъ.

Сегодня человѣческіе трупы были убраны, а раненые вывезены. Мужики собирались въ село, уныло закапывали въ землю трупы лошадей, нѣкоторые печально ходили по пепелищамъ своихъ усадебъ, не знали, за что приняться.

Около дороги сгорѣлъ домъ подъ желѣзной крышей. До тла выгорѣли стѣны, а желѣзная крыша, подпертая въ серединѣ печкой, опустилась на землю шалашомъ. Шелъ мокрый снѣгъ. Старикъ стоялъ въ этомъ шалашѣ, прислонившись къ обгорѣлой печи, былъ неподвиженъ и всей фигурой являлъ отчаяніе. Было тяжело ему, старому человѣку, начинать снова вить свое гнѣздо На краю пепелища лежала убитая шрапнелью рыжая лошадь. Убита она была еще до пожара, потому что у трупа обгорѣли заднія ноги и хвостъ.

На улицахъ въ грязи валялись патроны, ранцы, штыки. Ихъ никто не бралъ, даже изъ любопытства. Было не до того мужикамъ и солдатамъ. Командиръ только что прибывшей въ Сельце воинской части

скакалъ по улицамъ на карей лошади, возбужденно отдавалъ распоряженія. Изъ переулка вышелъ взводъ солдатъ, снарядился ловить въ окрестностяхъ австрійскихъ одиночекъ.

— Вы охотники? — закричалъ офицеръ, останавливаясь около нихъ на скаку. Лошадь выше штыковъ вздернула тонкую морду съ широкими раструбами розовыхъ ноздрей.

— Такъ точно, вашбродь, охотники!

— Ну идите, ловите эту сволочь! Бродятъ тутъ по деревнямъ, прячутся.

Выбранился онъ не изъ презрѣнія, а отъ молодого возбужденія и радостнаго сознанія побѣды, жизни и силы. Пришпорилъ лошадь, но черезъ нѣсколько скачковъ остановилъ ее,

— А ручныя бомбы есть у васъ на всякій случай?

— Такъ точно, вашбродь.

Солдатъ погладилъ рукой привязанный на поясѣ жестяной ящичекъ.

— Ну, съ Богомъ! — крикнулъ офицеръ и ускакалъ.

Проѣхалъ русинъ съ возомъ австрійскихъ винтовокъ. Сидѣлъ онъ поперекъ ружей и жевалъ солдатскій хлѣбъ; шапка давила на глаза, а борода, оттопыриваясь впередъ, описывала въ воздухѣ жевательные круги. Около изгороди лежитъ, уткнувшись мордой въ землю, громадный, сѣрый быкъ. Только вблизи я понялъ, что онъ мертвый. По сосѣдству валялась убитая лошадь. На той уже прыгали грачи и вороны, къ быку же подходить боялись, — такъ жива была его отдыхающая поза.

Было почти пусто въ селѣ. Я ходилъ по кривымъ переулочкамъ. Изрѣдка въ окнѣ замѣчалъ человѣ-

ческое лицо, но отъ взгляда оно пряталось. Зашелъ во дворъ. Откуда-то пахнуло человѣческимъ трупомъ. Въ сѣняхъ кошка фыркнула, метнулась на стѣну, сѣла подъ крышей и уставила на меня изъ темноты два зеленоватыхъ фонаря. Даже жутко стало, какая-то сказка! Отворилъ въ избу дверь.

У стола сидѣла, склонившись на руки головой, тепло одѣтая дѣвушка. Заслышавъ стукъ, она вскочила. Было прелестно ея испуганное, съ разбѣгающимся взглядомъ лицо. Не зная, что сказать, я спросилъ первое, что пришло на умъ:

— Здѣсь офицеровъ нѣтъ?

Вѣроятно, она подумала, что я ищу себѣ пріютъ.

— То не наша хата, пане. Наша совсѣмъ знищона... Нима хозяевъ тута. Втикали.

Отвернувшись, она всхлипнула и по дѣтски пожаловалась.

И тату убили...

Докторъ М. ходилъ въ село. Надо было освидѣтельствовать и пристрѣлить недобитую снарядомъ лошадь. Я долго сидѣлъ въ тележкѣ и ждалъ его, мнѣ не хотѣлось по селу ходить. Ползли по улицамъ туманы, тянулись войска, обозы, артиллерія. И чтобы обогнать этотъ тяжелый потокъ, намъ надо было искать окольнаго шоссе.

Тамъ и здѣсь часто пересѣкали мы желѣзную дорогу. Полуразрушены будочки и станціи, и самое полотно переложено кучами камней.

Въ Ямницахъ мы узнали, что нѣсколько часовъ назадъ Станиславовъ занятъ нашими войсками. Мы поѣхали туда,

Остановились въ верстѣ отъ города, въ усадьбѣ графа Дунина-Борковскаго. И хорошо сдѣлали. Въ городѣ, откуда только что ушелъ непріятель, гдѣ происходитъ лихорадочное передвиженіе войсковыхъ частей, гдѣ нѣтъ еще начальства, всѣ жители испуганы, спрятались или разбѣжались, — въ такой обстановкѣ трудно искать помѣщенія для большого транспорта въ восемьдесятъ лошадей, шестьдесятъ санитаровъ, повозокъ, бричекъ.

Почти всѣ старинныя дворянскія усадьбы въ Галичинѣ расположены одинаково. Отъ главнаго шоссе, какъ отъ ствола вѣточка, идетъ дорога саженъ сто, двѣсти. А въ концѣ этой вѣточки—плодъ старой культуры, дворянская усадьба. Домъ графа Дунина-Борковскаго — пріятная, многогранная кучка строеній съ стрѣльчатыми башенками, прихотливыми изломами крыши; навѣсы, террасы. Вокругъ—службы, садъ, аллеи.

Изъ замка только что выѣхалъ штабъ нашего отряда. Четыре дня назадъ здѣсь стоялъ австрійскій генералъ со своимъ штабомъ. Теперь пріѣхали мы съ девятымъ транспортомъ. Выбѣжали два лакея, прибѣжалъ, кланяясь, краснолицый Джонсъ (приказчикъ) и пошелъ впередъ, открывая комнаты.

— Никого, пане, пусто теперь!

При входѣ въ домъ — сѣни, высотой на оба этажа; съ потолка спускается большой фонарь; отсюда на три стороны ведутъ двери въ покои; лѣстница наверхъ; вдоль лѣстницы по стѣнамъ саженныя картины: два скачущихъ усатыхъ воина, старикъ въ расшитомъ кафтанѣ, молодая дама съ розовыми грудями, чуть-чуть подхваченными снизу корсажемъ. На стѣнахъ поломанныя чучела, — аистъ, журавль, чайки и, какъ это полагается по обычаю, кабанья голова.

Въ нижнихъ розовыхъ залахъ помѣстились санитары. Мы выбрали себѣ небольшую и уютную комнату наверху, одну изъ немногихъ, гдѣ уцѣлѣли стекла. Она была прелестна. Полъ устланъ сѣрымъ сукномъ, стояло нѣсколько штофныхъ креселъ, кровать, диванъ, зеркала, мраморный туалетный и фарфоровый чайный столики. Впрочемъ, вахмистръ Сѣриковъ принесъ намъ еще столовъ, стульевъ и столиковъ.

— Располагайтесь, вашбродь, по-хорошему. Онъ долженъ быть благодаренъ вамъ, вы ничего не возьмете, не спортите, все останется въ цѣлости.

Въ тѣ минуты и въ той тревожной обстановкѣ намъ казалось, что это, дѣйствительно, большая съ нашей стороны доблесть. И изъ чувства нѣжности и уваженія къ себѣ намъ хотѣлось покапризничать, какъ дѣтямъ. Б., балованно ежась, говорилъ:

— Ты скажи Джонсу, Сѣриковъ, чтобы скорѣе затопили. Холодно, мы замерзаемъ!

— Будьте спокойны, вашбродь, все будетъ, какъ слѣдуетъ. Я сейчасъ съ имъ поговорю обстоятельно...

Замокъ почти не пострадалъ. Только отъ Станиславова вчера ударилась въ край балкона австрійская шрапнель, изрѣшетила нижнюю дверь. А за дверью на каменномъ полу остались пятна свѣжей крови, святой крови сѣрыхъ мучениковъ... Во многихъ окнахъ и въ оранжереѣ выбиты стекла; вымерзаютъ нѣжныя деревья и цвѣты.

Изъ оконъ замка было видно, какъ непрерывно и густо течетъ на взгорокъ къ Станиславову военный потокъ. Это движеніе волновало и тянуло, хотѣлось скорѣе посмотрѣть только что занятый войсками городъ —какой онъ? Да и повозки нашего транспорта раздѣ-

лились въ суматохѣ. Въ усадьбѣ задержалась только часть, остальныя проскользнули дальше и стоятъ гдѣ-нибудь въ городѣ, ждутъ насъ. Наскоро закусили и поѣхали.

На перекресткѣ дорогъ, при въѣздѣ въ городское предмѣстье насъ долго задержала артиллерія. Танцовали отъ волненія лошади, прядали ушами. Возвращались въ городъ русскіе мужики, бабы, дѣти съ узлами одежды, съ корзинками. Были тревожны, спрашивали, еще не вѣрили, ушли ли австрійцы изъ города.

Предмѣстье пустынно. Деревянный мостъ между предмѣстьемъ и городомъ черезъ Золотую Быстрицу взорванъ отступающими австрійцами. Конница, обозы, парки, кухни—все тянется вбродъ по широкому руслу Быстрицы. Здѣсь рѣка разбилась на нѣсколько рукавовъ. Галька, песокъ, пятна снѣга и темные потоки рѣки въ ледяныхъ берегахъ. Переправа происходитъ медленно. Шумъ, крики, кипѣнье быстротекучей воды подъ колесами, ржанье лошедей, звонъ металла.

На берегу стояла русская дѣвушка въ темномъ кафтанѣ, красномъ платочкѣ. Въ сосредоточенномъ, многолюдномъ и тяжеломъ военномъ потокѣ сразу создалось веселое соревнованіе—кто перевезетъ дѣвушку на ту сторону. Хочетъ подхватить ее поперекъ тѣла къ себѣ на сѣдло молодой казакъ. Но лошадь его взволнована, танцуетъ въ холодной водѣ, крутится, а дѣвушка боится подойти близко къ берегу.

— Сюда, дѣвка, сюда! — кричитъ съ воза солдатъ, машетъ картузомъ.—Сюда айда!

— Сюда, дѣвка, у насъ лучше!—слышится сзади.

Смѣхъ радостный и голоса стали теплыми. Дѣвушка въ замѣшательствѣ,—куда идти? Побѣжитъ къ повозкѣ,

но казакъ уже близко, наклоняется къ ней съ лошади. Качнется къ казаку—лошадь обернется на мѣстѣ, обдастъ ее холодными брызгами, и она съ испугомъ отойдетъ назадъ. И мы съ докторомъ заражены общимъ оживленіемъ, остановили лошадей, кричимъ:

— Сюда иди, сюда!

Наконецъ при общемъ смѣхѣ, радостныхъ и завистливыхъ крикахъ дѣвушка идетъ къ намъ и садится на переднюю скамейку. У ней крупное, красивое русское лицо, она большерота и стыдлива, вся горитъ румянцемъ отъ волненья и мороза—того и гляди платокъ вспыхнетъ. Изъ благодарности къ ней, что сѣла, мы хотимъ везти ее и дальше въ городъ. Но переправившись, она застѣнчиво ползетъ съ телѣжки на земь.

— Нѣ, пане, тута я пойду.

Острыми изломами торчатъ надъ водой бревна и доски разрушеннаго моста. Подъ мостомъ сѣрое поле солдатъ, ждутъ наводки понтоновъ. Вдали видны упавшіе кружевные створы желѣзнодорожнаго моста.

Минутами душу охватываетъ настроеніе старой сказки. Точно въѣзжаемъ мы въ зачарованное царство, гдѣ замерли люди, обветшали дома, заросли шиповникомъ дороги... Только рѣка течетъ, кипитъ холодной струей, поблескиваетъ отраженьями неба. Я уже давно ѣду этимъ зачарованнымъ царствомъ: человѣческія тѣла на снѣгу, пустыя села...

И вотъ подъѣзжаю къ столицѣ зачарованнаго царства. Гдѣ-нибудь тутъ во дворцѣ спитъ очарованная злой волшебницей царевна. Мы ее поднимемъ, и оживѣетъ царство. Поднимутся трупы на снѣжныхъ поляхъ, встанутъ Густавъ и Өедоръ, оживѣетъ „тато“

дѣвушки изъ Сельца, оживѣетъ лошадь съ обгорѣлымъ задомъ и сѣрый быкъ встанетъ, отряхнется и замычитъ на всю страну...

Чувство сказочной жути и очарованности еще сильнѣе волнуетъ на улицахъ города. Пусты улицы, слѣпы большія окна домовъ. Звонко стучатъ о камни подковы сотенъ лошадей и гулкое эхо вторитъ грохоту тяжелыхъ колесъ.

Попадаются изрѣдка одинокія и жалкія фигуры. Низко поклонится и куда-то юркнетъ, исчезнетъ. Въ окнахъ, на стѣнахъ домовъ, надъ дверями, выставлены иконы: Ченстоховской Божіей Матери, Спасителя, Николая Чудотворца...

Проѣхали церковь. На паперти стоитъ, застылъ колченогій сторожъ съ метлой. Около гостиницы „Уніонъ" густые ряды конницы. Какъ пчелы въ летокъ, входили-выходили изъ двери гостиницы офицеры. Послышалась и далеко отъ одного къ другому передалась команда:

— Сади-ись!

Ледяной топотъ тысячъ подковъ и протяжные звуки новой команды:

— ... и-ись!

Въ гостиницѣ два большихъ зала—одинъ на три ступени выше другого—полны офицерами. Сидѣли за столами, пили, ѣли, говорили тихо, четкимъ шагомъ подходили другъ къ другу, младшій къ старшему, носили въ рукахъ карты, докладывали и уходили. Не смотрѣли, но видѣли въ углу одного, самаго большого здѣсь, самаго важнаго... И въ многолюдствѣ была странная, зачарованная тишина.

Бѣгали между столами служители: черные какъ уголь волосы и сюртукъ, бѣлая сорочка. За кассой сидѣла красивая дѣвушка. У ней длинныя рѣсницы. И, опуская ихъ, она прикрывалась ими, какъ покрываломъ...

Ужъ не эта ли зачарованная царевна?! Она проснулась, и вотъ здѣсь началъ поваръ поваренка бить, заворковали голуби на крышѣ, закипѣлъ на плитѣ супъ, колыхнулось пламя и клубами повалилъ изъ трубы густой дымъ...

Но можно ли долго вѣрить въ спящую царевну, если она сидитъ за нѣмецкой кассой?! Чувства сказочности и суровой дѣйствительности, какъ жаръ и холодъ, посмѣнно опаляли мою душу. Я что-то ѣлъ и пилъ, не помню, было ли то вкусно или нѣтъ. Хотѣлось снова на улицы, посмотрѣть, не оживаетъ ли зачарованный городъ?

Но онъ по-прежнему былъ мертвый. Тянулись обозы и парки, но это было проходное, чужое. Мы ѣздили по пустымъ улицамъ. Кое-гдѣ въ дома упали снаряды. Пустъ большой вокзалъ; отъ сотрясенія воздуха въ немъ выбиты почти всѣ стекла. Снаряды били почти на выборъ: въ казармы, занятыя австрійскими солдатами, пріюты и правительственные дома. Частные дома пострадали мало.

На углу два объявленія. Одно на русскомъ языкѣ— дѣйствительнаго статскаго совѣтника, тарнопольскаго губернатора Чарторижскаго, наклеено мѣсяцъ тому назадъ. Другое, рядомъ, наклеено два дня назадъ, на нѣмецкомъ и польскомъ языкѣ, отъ австрійскаго коменданта Станиславова. Въ этомъ объявленіи говори-

лось о томъ, что положеніе австрійцевъ по всему фронту отличное и не даетъ повода къ безпокойству. За распространеніе же ложныхъ слуховъ и т. д....

Этотъ австрійскій комендантъ, очевидно, думалъ, что до него никто не старался въ тѣхъ же самыхъ словахъ ввести въ заблужденіе потревоженное мирное населеніе. Если бы онъ зналъ, что такъ пишетъ всякое малодушное начальство, онъ бы устыдился повторять эти слова.

II.

На ночь въ уютной комнатѣ графскаго замка у насъ еще компаніоны: Б. пригласилъ на ночлегъ двухъ капитановъ. Они собирались провести ночь въ полуразрушенной будкѣ желѣзной дороги, и теперь счастливы и благодарны, конфузились, извинялись, что стѣсняютъ: за нами было неписаное право хозяевъ.

Горячо натоплена печь. Горѣлъ кованый венеціанскій фонарь и по потолку легли узорные тѣневые рисунки. Посапывали, похрапывали пять человѣкъ въ походныхъ кроватяхъ, на диванѣ. Старый капитанъ спалъ на графской кровати, подложивъ подъ голову мягкую спинку кресла, и гнутыя ножки торчали отъ его головы, какъ причудливые рога.

Когда я вставалъ взволнованный и безсонный, противоположныя зеркала длинными рядами отражали мою бѣлую сумеречную фигуру. Я не узнавалъ своего обвѣтреннаго, съ расширенными глазами лица и легонько пугался. На лѣстницѣ меня охватывалъ острый, успокаивающій холодъ. Тамъ горѣлъ фонарь, стоялъ аистъ. На стѣнахъ скакали усатые расписные старики и мо-

лодая женщина съ розовыми грудями косила темнымъ взглядомъ.

Былъ у меня не сонъ, а дремота. Сквозь дремоту слышалъ я и видѣлъ,—приходили офицеры, открывали къ намъ дверь.

— Кто тутъ?

— Такіе-то!..

Уходили. Долго слышались по корридорамъ ихъ шаги,—они искали ночлега. Одинъ офицеръ еще разъ отворилъ дверь, молча смотрѣлъ на спящихъ, на расписной тѣнями потолокъ и шелковые обои. Точно завороженъ былъ полумракомъ, тишиной и тепломъ богатой комнаты. Долго не хотѣлъ уйти во мракъ ночи, на холодъ и вѣтеръ. Вздохнулъ и тихо притворилъ дверь.

Только передъ утромъ забылся я недолгимъ и крѣпкимъ сномъ. Проснулся отъ чего-то ярко-радостнаго. Это свѣтило въ окна косыми лучами солнце. За Станиславовомъ глухо погрохатывали пушки, тупо толкались удары въ стѣны замка.

Поднялся одинъ изъ капитановъ, старый, что лежалъ на опрокинутомъ креслѣ. Онъ долго молился позѣвывалъ и шепталъ, какъ, позѣвывая, шепчутъ надъ водой вѣщія старухи. Низко опускалъ, грѣлъ въ солнечномъ лучѣ лысую голову, и въ нѣгѣ солнечнаго свѣта иногда забывалъ про молитву, улыбался постороннимъ, вѣроятно, очень пріятнымъ мыслямъ. Потомъ разбудилъ другого капитана, сталъ говорить громче, будя остальныхъ. И всякое свое дѣло называлъ вслухъ.

— Ну, вотъ, теперь и сапоги надѣть можно,—говорилъ онъ, надѣвая сапоги.—А кресло для порядка поставимъ на мѣсто... А шашка гдѣ? Прицѣпимъ и шашку.

У печки лежала, тёплая! Ужъ по всей формѣ надо... Иванъ Евстигнѣичъ, сейчасъ мы съ тобой и въ походъ?! А то не застанемъ въ городѣ штаба, ищи потомъ вѣтра въ полѣ... У-ухъ, орудія закудахтали! Бахъ! Яичко разбилось!.. Дѣдъ и баба плачутъ, курочка кудахчетъ... Вставай, Иванъ Евстигнѣичъ, собираться надо!..

Хотѣлось поскорѣе снова заглянуть въ Станиславовъ, не оживѣлъ ли городъ?

Было морозное и солнечное утро, когда солнце припекаетъ, а вѣтеръ леденитъ, и снѣгъ таетъ и мерзнетъ одновременно. Въ дымкѣ весеннихъ испареній раскинулся Станиславовъ. Высокія тростинки фабричныхъ трубъ не дымились. И большой городъ даже издали по-прежнему давалъ впечатлѣніе необитаемости.

По степи ползалъ поземокъ, засыпая дорогу вчерашнимъ снѣгомъ. Тяжело пересыпая ногами и колесами снѣжный песокъ, медленно двигалась во всю ширину дороги —ая стрѣлковая бригада. Разминуться и обогнать было невозможно, и экипажъ мой двигался вмѣстѣ съ тяжелымъ военнымъ потокомъ.

Но вотъ по войскамъ пробѣжала впередъ команда:

— Права держи, генералъ ѣдетъ!

Живой потокъ слегка уплотнился въ правую сторону, оставляя свободный проѣздъ. Генералъ ѣхалъ въ коляскѣ тройкой разномастныхъ лошадей: карій бѣлолобый коренникъ, а по бокамъ рыжая и сѣрая. Генералъ былъ грузенъ, черные усы и щеки обвисли внизъ, но сидѣлъ онъ подобранно и на взлетѣ. Картавымъ распѣвомъ кричалъ солдатамъ:

— Здорово, ребята!

Солдаты отвѣтили дружно, надсаживая груди, стараясь перекричать одинъ другого. Обирали вокругъ ртовъ башлыки и бороды, чтобы не мѣшали кричать:

— Зрайя жлаимъ аша пади-тель-ство!

— Спасибо за молодецкую раб-оту!—пѣлъ генералъ.

— Рады стараться, аша - - - - о!

Задніе разѣвали отъ напряженнаго вниманія рты, слушали, что скажетъ генералъ другимъ рядамъ, чтобы еще разъ крикнуть въ отвѣтъ сотнями ртовъ. Отъ этого становилось веселѣе и теплѣе идти.

Моему экипажу можно ѣхать за генеральской коляской. Генералъ разнообразилъ благодарности и привѣты. Называлъ солдатъ молодцами, красавцами и богатырями, благодарилъ за молодецкіе бои, за лихія атаки, за геройскую службу. Иногда, взволнованный видомъ этихъ сотенъ упорно и сосредоточено идущихъ по снѣгу людей, увѣшанныхъ ранцами, котелками, ружьями, лопатками, генералъ вставалъ въ коляскѣ бокомъ, снималъ шапку и, держась одной рукой за козлы, другой—за кузовъ, низко кланялся сѣрому ползучему потоку людей, сгибая колесомъ спину.

— Спасибо, братцы!

Тогда голосъ у него становился простой, какъ проста и коротка была благодарность. И вся обстановка пріобрѣтала не парадно-военный, но трогательный житейски-страшный смыслъ.

— Рады стараться аша... о!—кричали солдаты, вставали на пушки, пулеметы и прямо на солнце смотрѣли, какъ, потряхивая огненными гривами, бѣжали въ сіяніи лучей генеральскія лошади и грузный старикъ, снимая шапку, земно кланялся и благодарилъ.

Отъ волненія и напряженія генералъ краснѣлъ лицомъ, затылкомъ и всей шеей, только лысина была бѣлая. Накрывая ее шапкой, онъ откидывался въ кузовъ и нѣкоторое время ѣхалъ молча.

Подъ гору по широкой улицѣ предмѣстья все тронулось: люди, пушки, повозки. Подъ грохотъ колесъ, шуршанье ногъ не было слышно, что именно кричалъ генералъ. Адъютантъ, скакавшій сзади него, взмахивалъ плеткой, указывая, когда надо было отвѣчать. Солдаты кричали уже нестройно и только для формы.

При въѣздѣ на мостъ, около разрушеннаго снарядомъ дома, генералъ слѣзъ съ коляски, всталъ у дороги и пропускалъ мимо себя войска торжественнымъ ходомъ. Генералъ стоялъ, склонившись слегка впередъ, сзади него коренникъ нетерпѣливо моталъ головой, блестя на солнцѣ бѣлымъ лбомъ; послышались звуки марша.

Черезъ Быстрицу были наведены два изящныхъ походныхъ мостика, одинъ на четырехъ, другой на двухъ поплавкахъ. Колеса перебираютъ мелкую настилку. Чуть-чуть зыбятся подъ тяжелыми повозками чугунные поплавки. Плотники уже чинятъ взорванный мостъ.

Военно-мирная жизнь.

На другой день мы выѣхали изъ графской усадьбы за Станиславовъ.

Въ Галичинѣ прекрасныя дороги, а южнѣе Станиславова—особенно. Тамъ еще не передвигались милліонныя арміи, шоссе не разбиты, ѣдешь—точно по столу катится телѣжка. И странно, что вдоль такихъ хорошихъ дорогъ мы видимъ десятки и сотни лошадиныхъ труповъ. Летаетъ наглое гальё-вороньё, и голоса птицъ надъ мерзлыми полями стеклянно-звонки.

Австрійская армія отступаетъ за Станиславовъ въ двухъ направленіяхъ; на Коломыю и Надворную. На выгодныхъ позиціяхъ австрійцы по нѣсколько дней сдерживаютъ напоръ нашихъ передовыхъ полковъ, потомъ отходятъ дальше. Сегодня бой идетъ за деревней Марковцы. И съ ранняго утра издали слышна орудійная перестрѣлка.

Все разнообразіе военно-мирной обстановки вы увидите только въ самомъ ближайшемъ тылу, на линіи артиллерійскаго огня. Только подъ грохотъ близкихъ пушекъ складывается своеобразная военно-мирная жизнь, которая людямъ, не видавшимъ войны, кажется невѣроятной.

Вотъ мы стоимъ—длинная цѣпь повозокъ—на шоссе около деревни Марковцы, гдѣ расположился штабъ

—скаго отряда. Вблизи начинается орудійная перестрѣлка. Звонко ахнули подрядъ четыре мортиры и, воя-позванивая, летятъ снаряды. Черезъ пять секундъ, какъ эхо, повторились въ томъ же музыкальномъ порядкѣ четыре взрыва. Громоподобно ухаетъ съ темной лѣсистой горы тяжелая гаубица. А южнѣе, по желѣзной дорогѣ, верстахъ въ трехъ ходитъ бронированный австрійскій поѣздъ, разсыпая по полямъ снаряды, вызывая отвѣтные выстрѣлы. Шипя шьетъ смертоносныя строчки пулеметъ. Бой разгорается по полукругу.

Надъ полями и перелѣсками летаютъ тревожныя стаи грачей и галокъ, вздрагиваетъ и звенитъ мерзлая земля, ощутимо сотрясается воздухъ подъ небомъ... И вы думаете, что среди людей смятеніе?

Около дороги на льду замерзшаго окопа катаются мальчишки. Одинъ одѣтъ въ рванный пиджачишка, съ конькомъ на правой ногѣ; другой—въ красной рубашкѣ, безъ шапки и въ большихъ отцовскихъ сапогахъ. Они состязаются на длинной и узкой полоскѣ льда—кто ловчѣе прокатится. Мальчишка въ красной рубахѣ разбѣгается съ упоеніемъ, гремя сапогами становится на ледъ и катится торжествующій, съ большеротой улыбкой во все посинѣвшее лицо. Что ему выстрѣлы?!

По дорогѣ идутъ изъ костела съ молитвенниками дѣвушки. На дворѣ усадьбы дымятся походныя кухни. Проскакали съ пулеметами артиллеристы. Тянутся мужицкіе возы, и сѣрые волы идутъ медленно, на остановкахъ мечтательно закрываютъ глаза и жуютъ, жуютъ... Если смотрѣть на нихъ долго, покажется, что въ Европѣ ужъ наступилъ сонный миръ и все живое на земномъ шарѣ находится въ состояніи блаженной дремоты. А про выстрѣлы и забудешь, вѣдь они однообразны!

Скачутъ съ донесеніями и приказами ординарцы. Особенно запомнился мнѣ тяжелый, на ворономъ двѣнадцативершковомъ жеребцѣ гвардеецъ. Черенъ конь, теменъ лицомъ и волосомъ всадникъ, скачетъ, гулко сотрясая шоссе, легонько играетъ въ тактъ бѣга по лошади нагайкой и мурлычетъ пѣсню.

Стояли мы такъ долго на краю села, ждали изъ штаба распоряженій, — гдѣ транспорту остановиться? Переполненное людьми село въ матовомъ сіяніи облачнаго дня густо копошилось по окраинамъ, являя своеобразную картину тревожно-покойной, военно-мирной жизни подъ грохотъ выстрѣловъ.

Транспорту изъ штаба указана стоянка въ усадьбѣ помѣщика Ладомирскаго, верста отъ деревни. Большія конюшни, широкій дворъ, ручей. На крыльцѣ меня учтиво встрѣтилъ и съ сладостной улыбкой раскланялся хозяинъ. Въ домѣ санитары устроили намъ комнаты, разставили мебель, и К. игралъ на роялѣ нѣжныя итальянскія мелодіи. Здѣсь въ комнатѣ по иному слышались гулы орудій, и я снова сталъ обращать на нихъ вниманіе. Слегка вздрагивали стѣны и позванивали стекла. Нѣга музыки и тревога орудійныхъ ударовъ сливались въ душѣ въ томительное настроеніе радости и печали. Можетъ быть, никогда еще, какъ въ эти минуты, я не слушалъ такъ жадно музыку.

Штабъ отряда помѣщался на краю села. Въ первой комнатѣ сидѣло нѣсколько офицеровъ: адъютанты генерала—молодые прапорщики изъ студентовъ,—командиры отдѣльныхъ командъ, развѣдчики. Многіе въ мѣховыхъ воротникахъ и шубахъ, хотя въ комнатѣ было жарко. Сидѣли, готовые каждую минуту перейти отъ жизни въ домахъ и палатахъ къ жизни въ снѣгу, лѣ-

сахъ и окопахъ. Ждали вѣстей съ поля боя, отъ бездѣлья курили и балагурили.

Обсуждали страстно, какъ бы поймать бронированнаго австрійца. Мостъ у Станиславова еще не исправленъ, и наши броненосцы не могутъ сюда придти; австріецъ свободно ходитъ по линіи, сыплетъ снарядами. Вреда большого не дѣлаетъ, а досаждаетъ.

— Да, вѣдь, испортить ему путь, ну гдѣ-нибудь мостикъ, что ли, взорвать, чтобы онъ сюда не ходилъ!— говорю я.

Смѣются офицеры.

— Испортить путь—это что! Чортъ съ нимъ, пусть ходитъ. А вотъ поймать бы его, идола! Вотъ это былъ бы номеръ!

Было ясно, что, скажи генералъ, и для этого „номера“ многіе охотно подвергнутъ жизнь опасности, пойдутъ почти на вѣрную смерть. Только бы перещеголять непріятеля, досадить ему, стоящему здѣсь, за три версты. Какія рожи у нихъ вытянутся, когда узнаютъ! Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!

Издали и не понять, какъ много въ войнѣ соревнованія на удаль, состязанія съ врагомъ, даже игры, хотя бы смертельно опасной.

Собирались на военный совѣтъ полковые и батарейные командиры. Входили съ красными лицами въ полушубкахъ и шинеляхъ. Становилось тѣсно въ комнатѣ. Бѣгали услужливые денщики-татары, разносили чай.

Въ комнатѣ генерала Б., побѣдителя австрійцевъ подъ Галичемъ, было натоплено жарко. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ рыжей фуфайкѣ, съ высокимъ пушистымъ воротникомъ. Почти постоянно входили адъютанты, начальникъ штаба за справкой, денщики,

ординарцы съ донесеніями изъ окоповъ, съ батарей. Подавали маленькіе печатные для всей арміи конвертики съ записками. На конвертѣ написанъ часъ отправленія. Быстро взглядывая на часы, генералъ писалъ часъ полученія, вкладывалъ въ тотъ же конвертъ отвѣтъ—нѣсколько быстрыхъ строчекъ. Гремя о косяки при поворотѣ палашомъ, шурша жесткимъ полушубкомъ, вѣстовой выходилъ.

И видно, что это дѣловое напряженіе—обычная жизнь штаба. Тысячи и десятки тысячъ людей находятся въ постоянномъ движеніи, трудахъ и опасностяхъ войны, и нужно, чтобы кто-нибудь одинъ среди нихъ бралъ на себя общую отвѣтственность за жизнь и смерть. Тогда десяткамъ тысячъ легче идти, стрѣлять, лѣзть на крутыя горы, даже умирать.

— Далеко мы немного выдвинулись сегодня,—сказалъ генералъ, прочитавъ донесеніе и написавъ отвѣтъ.—Ну, да ничего, австрійцы теперь не въ состояніи воспользоваться преимуществами своего расположенія. У нихъ огромныя потери. Дня черезъ два они отойдутъ южнѣе... Такъ вы хотите побывать на передовой линіи, въ окопахъ?! Семенчукъ, вели Петру заложить лошадей!.. Ничего, лучше, если поѣдете въ моемъ экипажѣ, а вотъ прапорщикъ васъ проводитъ. А то — ночь, передовая линія! Тамъ, вѣдь, пропусковъ и бумажекъ разныхъ разбирать иногда не приходится... Небось у меня жарко здѣсь?! Да вы раздѣньтесь, пока закладываютъ! А у меня контуженъ правый високъ, болитъ голова и глазъ плохо видитъ, такъ въ теплѣ мнѣ легче.

Ночь была темная. При выѣздѣ на шоссе кучеръ Петръ, запасной сорокалѣтній солдатъ, зацѣпилъ за

что-то экипажемъ, но остановилъ лошадей не сразу, а подгонялъ, хотѣлъ „продернуть“.

— Вѣдь, я днемъ-та видалъ этотъ столбъ! — бормоталъ онъ, выпрямляя подножку генеральской коляски.— Вѣдь, я его, проклятаго, давеча объѣзжалъ, а ночью вотъ и забылъ! Сколько этихъ столбовъ въ чужой землѣ увидишь: трехъ дней на мѣстѣ не поживемъ,—все походы. Перепутается въ головѣ. Но-о-ка, вы!.. Ахъ ты, Господи! Служба Его Величества!..

На улицѣ полыхали костры, и черные силуэты солдатъ вокругъ огней застывали на шумъ коляски въ слушающихъ позахъ. Послѣ огня еще темнѣе ночь и почти не видно карихъ лошадей.

— Ночь-та темна, лошадь черна, ѣду-ѣду, да пощупаю!—прибауткой опредѣляетъ Петръ наше настроеніе и кричитъ на невидимое тарахтанье подводъ:

— Права-а держи! Что распустилъ сопли, али со свадьбы ѣдешь?!

И про себя каждый разъ съ особымъ значеніемъ и особымъ тономъ произносилъ привычную фразу: „Служба Его Величества!“ Очевидно, что бы онъ ни дѣлалъ,— чистилъ ли пролетку, запрягалъ ли лошадей, — онъ всегда помнилъ, что дѣлаетъ дѣло государственной важности, оттого былъ разсудителенъ и строгъ, а съ офицеромъ—слегка безъ чиновъ:

— Да ужъ я свое дѣло знаю!.. Не учите, вашбродь...

Къ окопамъ, однако, онъ затихъ, только молча пошевеливалъ возжами. По дорогѣ шли солдаты, повозки. Какъ волчій глазокъ впереди мелькалъ бѣглый огонекъ. Вѣроятно, это свѣтился незатухшій уголь въ походной кухнѣ. Въ окопы повезли ужинъ.

Туманно рисовались на небѣ очертанія холмовъ, гдѣ расположились австрійцы. Тамъ, въ лѣсу изрѣдка вспыхивали цвѣтные огоньки – свѣтовой разговоръ на позиціяхъ.

Окопы извѣстнаго и славнаго въ бояхъ ....скаго полка начинались у дороги, и линіей темныхъ бугорковъ уходили вдаль по снѣжному полю. Около самаго шоссе располагалась на ночлегъ пулеметная команда. Фельдфебель тихо и кратко отдавалъ распоряженія. Солдаты таскали откуда-то солому, устилали свѣжевырытыя канавы. Плясали по снѣгу, чтобы на ночь набрать въ тѣло тепла, возились, щелкали по спинамъ ладонями, отпуская благодушныя ругательства,—какое-то „едондеръ-шишъ“ выдумали. Кое-гдѣ канавы накрыты досками, палками, завалены соломой. Образовались темныя галлереи, куда надо заползать на четвереинькахъ.

Я заползъ въ такую галлерею. Съ двухъ сторонъ на меня дышала нестерпимымъ холодомъ сырая земля и дразнилъ напоминаніемъ о жаркомъ лѣтѣ ароматъ сухой соломы. Кто-то пыхтѣлъ недалеко, лѣзъ въ мою сторону. Не вижу человѣка, но по напору воздуха угадываю. Спрашиваю; „Спать?“. Думая, что это товарищъ-солдатъ, онъ отвѣчаетъ коротко и просто: „Вздремнуть надо“. Повозился и легъ. Легъ и я.

. . . .

— Ну, что, заснули, – слышу я голосъ прапорщика.— Поѣдемъ дальше!

Въ полуверстѣ темнѣетъ село. Провожая насъ до экипажа, фельдфебель не совѣтуетъ туда ѣхать:

— Не стоитъ, господинъ! Тамъ наши дозоры, но тамъ же легко и на австрійскій дозоръ наткнуться. А

вы безъ оружія... Вотъ до корчмы можно безъ опаски проѣхать.

У корчмы стояли съ ужиномъ походныя кухни, ждали распоряженія. Въ первой большой комнатѣ корчмы, въ дыму соломы и махорки, при свѣтѣ одинокаго огарка, мелькали головы людей и лошадей. Почти никто не обратилъ на нашъ приходъ вниманія, а на вопросъ—гдѣ батальонный командиръ?—солдатъ, молчаливо прожевывая пищу, сдѣлалъ три шага и открылъ дверь въ другую комнату.

На кровати, заваленной соломой, сидѣлъ капитанъ П. Передъ нимъ на стулѣ въ котелкахъ солдатскіе щи, каша и кусокъ чернаго хлѣба. На стулѣ стояла свѣча. Окно на шоссе забито досками.

— Милости прошу со мной поужинать!—сказалъ онъ, тяжело и устало вставая съ кровати и скрипя ремнями оружія.—Ахъ, вотъ жаль, что вы позавчера у насъ не были! Десять пулеметовъ мы отбили, сто двадцать лошадей взяли у австрійцевъ... Да пулеметы у насъ казачій полкъ взялъ, и лошадей тоже... А они и самимъ намъ пригодились бы,—говорилъ онъ, быстро переходя отъ радости побѣды къ раздраженію, что добычей пользуется другой полкъ.—Сегодня намъ цѣлый день пришлось отходить подъ шрапнельнымъ огнемъ на заготовленныя позиціи. Какіе окопы были вырыты! Балки навалены, форменныя землянки!..

— Кажется, „гляссисы“ называются!—вставилъ солиднымъ басомъ мой молодой спутникъ. Былъ онъ самолюбивый, недавно кончилъ школу прапорщиковъ, хотѣлъ показать свои знанія и что онъ тоже опытный военный волкъ... Капитанъ посмотрѣлъ на него непонимающимъ мутнымъ взглядомъ и опять сердито заговорилъ:

— А вотъ къ вечеру намъ приказали тѣ позиціи оставить, здѣсь окопаться! Здѣсь позиція хуже: передъ нами деревня и мѣсто низменное. Окопались, ну только бы я здѣсь не расположился... Что?! Сала по скольку?!—переспросилъ онъ вошедшаго офицера,—да выдавайте по полфунта на человѣка! Полагается по 25 золотниковъ,—пояснилъ онъ намъ,—ну ничего, отпишусь потомъ.

И уже успокоенный и примиренный съ „плохой позиціей", онъ искалъ въ соломѣ свой картузъ, потомъ зажигалъ и устраивалъ австрійскій потайной фонарь. Онъ раздражался отъ возбужденія и усталости боевого дня, но непосредственнымъ чутьемъ солдата и отвѣтственнаго командира сознавалъ, что все-таки на эту „плохую" позицію онъ надѣется больше, чѣмъ на свою „лучшую", ибо общее состояніе фронта ему неизвѣстно. Когда мы шли къ окопамъ, онъ мирно разсказывалъ о томъ, что ихъ четыре брата и всѣ на войнѣ, а дома въ имѣньѣ дѣла идутъ плохо. Просили у начальства пятьдесятъ плѣнныхъ для весеннихъ полевыхъ работъ,—неизвѣстно, будетъ ли уважена просьба.

Окопы тянулись отъ корчмы до перелѣска по пашнѣ. Земля была влажная и нѣкоторыя ямки не глубже полуаршина — только лечь, да голову за холмикомъ спрятать. Идемъ, мѣсимъ ногами снѣжный песокъ Иногда капитанъ пріоткрывалъ фонарь, и пятно свѣта падало на солдата въ ямкѣ. Многіе уже спали, укрывшись соломой, винтовка лежитъ съ лѣвой руки, штыкомъ къ непріятелю. На шорохъ шаговъ просыпались тревожно, и, хватая рукой винтовку, быстро спрашивали:

— Кто здѣсь?!

Дежурные разносили ужинъ, но не всѣ ѣли, предпочитая сонъ. Одинъ солдатъ лежитъ — соломенная кучка не больше аршина длиной.

— А ноги гдѣ?

— Я ихъ калачомъ, вашбродь, подогнулъ, теплѣе.

Штабсъ-капитанъ сунулъ въ окопъ подъ солому руку, вынулъ горсть мокрой земли.

— Вода! На полъ-аршина уже вода. Многія ямки совсѣмъ бросили, не земля—мокрая губка!

Когда мы уѣзжали, подошелъ командиръ роты, поручикъ М. Его трясла лихорадка.

— Разрѣшите въ село проѣхать? Полечусь тамъ. Можетъ, къ утру пройдетъ. А рапорта о болѣзни пока подавать не стану.

Мы взяли его съ собой, и онъ, повеселѣвшій и благодарный, разсказывалъ:

— Два раза я изъ плѣна бѣгалъ, и сегодня пять часовъ подъ шрапнельнымъ огнемъ отбивался съ ротой.

— А-а, вашбродь, служба Его Величества! Га-га!— увѣсисто и крѣпко закрякалъ кучеръ Петръ, оборачиваясь къ офицеру.—Небось, затрясетъ!..

Капитанъ Ч. ждалъ меня въ Марковцахъ. Генералъ приказалъ ему занять ночью съ отрядомъ селеніе Братковцы и капитанъ послалъ туда развѣдчиковъ. Условились мы съ нимъ идти вмѣстѣ.

Товарищъ его спалъ на лежанкѣ, самъ онъ сидѣлъ за остывшей чашкой чая, писалъ письма. Было одиннадцать часовъ ночи.

— Прилягте пока на мою кровать... Ефремъ, постели барину мою постель!.. А я не лягу. Я привыкъ спать,

когда придется, засыпаю лежа, сидя, стоя, на кровати или въ окопѣ—все равно.

Я съ наслажденіемъ протянулся на кровати. Капитанъ писалъ, склонившись въ свѣтлый кругъ свѣчи, и на его лицѣ отражались настроенія письма. На дворѣ раздался придушенный крикъ разбуженнаго гуся—солдатъ понесъ его на ужинъ. Капитанъ усмѣхнулся:

— Солдатъ и мужикъ, офицеръ и, скажемъ, помѣщикъ, вообще—мирный и военный не поймутъ другъ друга во время войны. Вы не можете себѣ, дорогой мой, представить, до чего я привыкъ къ сознанію смерти! Можетъ быть, черезъ часъ меня не станетъ, и я спокоенъ. А въ этомъ настроеніи у меня совсѣмъ новое отношеніе къ вещамъ и людямъ. Все матеріальное обезцѣнилось въ моихъ глазахъ. И я удивляюсь на себя прежняго, какъ я раньше считалъ важнымъ то, что теперь мнѣ кажется ничтожнымъ... Недавно случилось,—проходили мы мѣстечко. Набрали себѣ солдаты всякой дряни въ лавкахъ, что нужно и ненужно—жадность мужицкая не вывѣтрилась. Собралъ я ихъ, говорю—какъ вамъ не стыдно! На смерть идемъ, а вы позволяете себѣ такую низость, передъ смертью душу пакостите!.. Разсердился. И сейчасъ же въ атаку пошли. Полземъ, я впереди съ нѣкоторыми солдатами. Вдругъ кто-то меня за ногу хватаетъ. Оглянулся, солдатъ. „Вашбродь, глядите, вотъ мы все выбросили!..“ Смотрю, въ кучѣ сложили весь набранный хламъ и поползли дальше. Точно на крылья меня подняло. Вскочилъ, кричу: „За мной!“ И всѣ за мной, какъ одинъ человѣкъ. Налетѣли мы ураганомъ, смяли австрійцевъ. Что было!..

Отъ волненія капитанъ сдѣлалъ по комнатѣ нѣсколько шаговъ.

— А, вѣдь, я мысль свою отъ гуся веду. Вы слышали— гусь пищалъ у солдата подъ мышкой. Такъ мужикъ чай, даже проснулся отъ безпокойства,—гуся жалко. Давеча въ полдень падаютъ въ деревнѣ шрапнели, гранаты. Ужъ одинъ домъ загорѣлся. Солдатъ мой курку ловитъ,—поѣсть захотѣлъ. А кухни до вечера не придутъ... Такъ мужикъ сталъ курку защищать. Я смѣялся. Говорю мужику: „Глупый ты, ну что защищаешь курку? Можетъ быть сію минуту упадетъ граната, убьетъ и тебя, и меня, и курку твою, и домъ твой разрушитъ"...

Около часа ночи загремѣлъ въ сѣняхъ сапогами и саблей развѣдчикъ. Сквозь дремоту слышалъ я, какъ онъ, путая названія селъ, доносилъ о развѣдкѣ.

— Можетъ быть,Хомяковка?—спрашивалъ капитанъ.

— Можетъ и Хомяковка, вашбродь. А дальше казаки наши были... Забылъ какъ селеніе: Купянка, Касьянка... Наши встрѣтились, сказали — тамъ тоже пусто. А дальше—непріятель.

Капитанъ терпѣливо выспрашивалъ, провѣрялъ путаницу по картѣ. Одно было несомнѣнно,—Братковцы пока австрійцами не заняты и кое-гдѣ южнѣе встрѣчаются казачьи разъѣзды.

— Пойду разбужу генерала, спрошу,—говорилъ капитанъ, надѣвая шинель.

Сквозь дремоту услышалъ я его обратные четкіе шаги.

— Генералъ велѣлъ ложиться спать,—сказалъ онъ со смѣхомъ.—Въ занятіи Братковцевъ этой ночью надобности не встрѣчается.

Село спало, когда я шелъ въ усадьбу Ладомирскаго. Только при выходѣ изъ села меня окликнулъ часовой, стоявшій за плетнемъ во дворѣ крестьянской избы:

— Кто идетъ?

Отъ неожиданности я вздрогнулъ и торопливо отвѣтилъ:

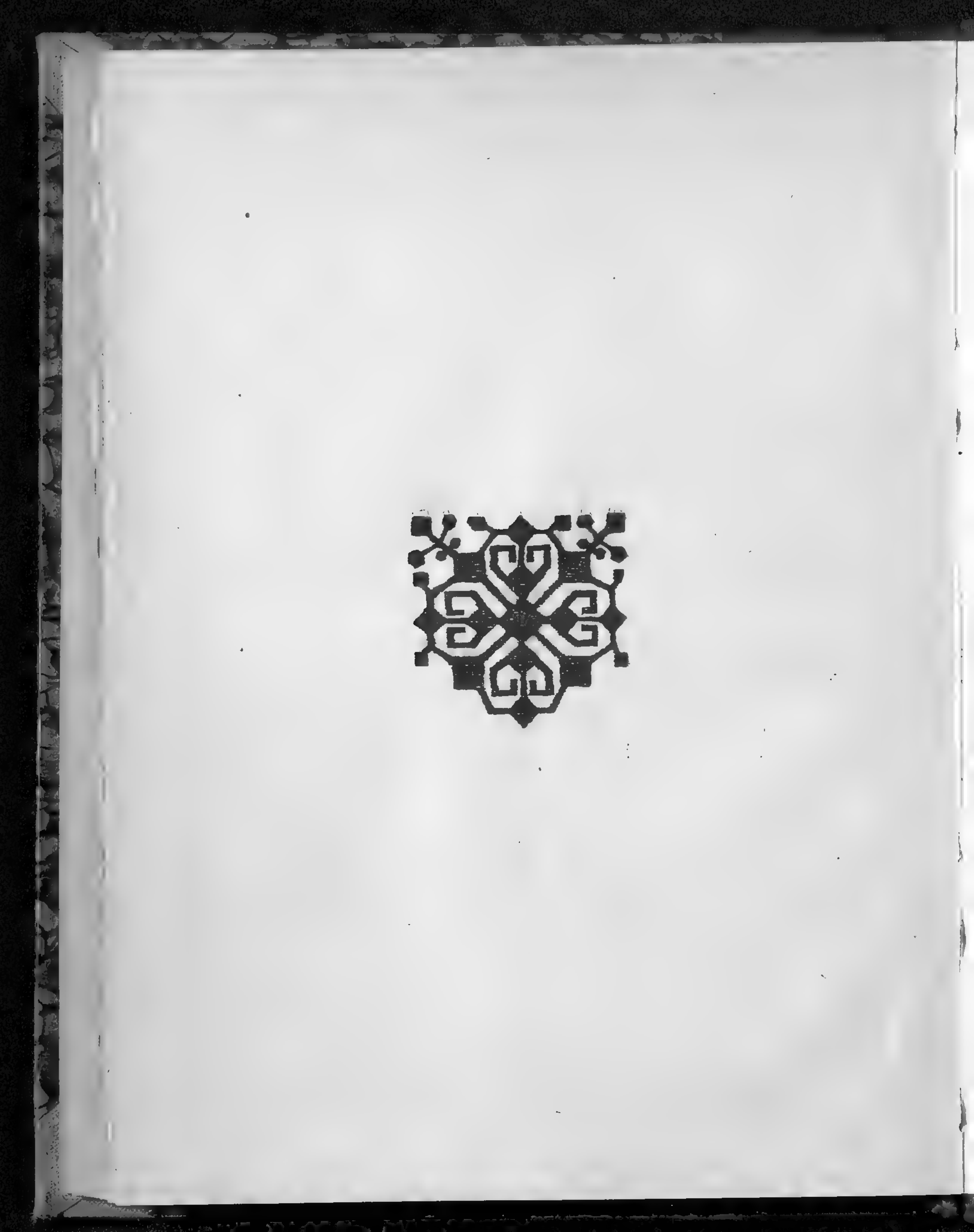
— Свой, русскій!

Часовой попробовалъ на языкъ мой отвѣтъ, повторилъ про себя: „Свой, русскій!“ Переступилъ и кашлянулъ.

Дорога обсажена деревьями—длинная прозрачная аллея. Тишина въ полѣ. Только гдѣ-то вдали глухо тарахтѣли колеса. Изрѣдка въ Карпатахъ вспыхивали молніи выстрѣловъ, но такъ далеко, что звука не слышно. Вспомнилъ я сказаніе о томъ, какъ Дмитрій Донской передъ Куликовскимъ боемъ выѣхалъ въ поле и слушалъ звуки на сторонѣ русской и татарской, старался по звукамъ угадать исходъ сраженія... Я остановился, долго слушалъ, и въ душу пахнуло древностью.

Въ усадьбѣ все спало, на дворѣ и въ домѣ. Только около крыльца подъ ногами у меня въ злобной истерикѣ билась и хрипѣла хозяйская собаченка. Мои спутники спали въ походныхъ кроватяхъ, разставивъ ихъ по комнатѣ вѣеромъ, всѣ ногами къ печкѣ. Кажется, никто изъ нихъ не проснулся на мой приходъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія

Книжный складъ М. В. Аверьянова

ПГ. Фонтанка 38. Тел. 128-55

